

РОССИЯ

№2
2016

НАСЛЕДИЕ

премьера на портале

www.russianasledie.ru

КИРИЛЛОВА ОБИТЕЛЬ

режиссер

Виктор Двояк

продюсерский центр

ИСКУССТВО

ПРОДВИЖЕНИЯ КИНО

2016

РОССИЯ НАСЛЕДИЕ

№ 02 2016

Редакционный совет

Председатель
Пирумов Григорий Ульянович

Статс-секретарь – заместитель Министра
культуры Российской Федерации

Члены совета:

Беглов Александр Дмитриевич

Полномочный представитель Президента
Российской Федерации
в Центральном федеральном округе

Вислый Александр Иванович

Генеральный директор Российской
Национальной библиотеки

Драпеко Елена Григорьевна

Первый заместитель председателя Комитета
по культуре Государственной думы Федерального
Собрания Российской Федерации

Кузнецов Сергей Олегович

Главный архитектор Москвы

Ресин Владимир Иосифович

Член Комитета по земельным отношениям
и строительству Государственной думы Федерального
Собрания Российской Федерации

Рыбаков Сергей Евгеньевич

Заместитель председателя Комитета по науке,
образованию и культуре Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

Церетели Зураб Константинович

Президент Российской академии художеств

Швидковский Дмитрий Олегович

Ректор Московского архитектурного
института (МАРХИ)

Экспертный совет

Председатель
Куликов Сергей Борисович

Главный архитектор Централных научно-реставрационных
проектных мастерских Министерства культуры
Российской Федерации

Члены совета:

Алмазова Наталия Михайловна

Генеральный директор АНО «Академический
научно-технический центр РААСН»

Антонова Елена Ивановна

Заведующая отделом монументальной скульптуры
Государственного научно-исследовательского
института реставрации

Баталов Андрей Леонидович

Заместитель генерального директора
музеев Московского Кремля

Калининченко Юрий Петрович

Почетный президент ФГУП «Институт «Спецреставрация»,
президент Академии архитектурного наследия

Кудрявцев Александр Петрович

Вице-президент по архитектуре Российской академии
архитектуры и строительных наук, президент МАРХИ

Лесовой Александр Иванович

Директор Всероссийского художественного научно-
реставрационного центра имени И.Э. Грабаря

Лифшиц Лев Исаакович

Заведующий сектором древнерусского искусства
Государственного института искусствознания

Лызлов Николай Всеволодович

Вице-президент Союза московских архитекторов

Фатин Вячеслав Николаевич

Президент Союза реставраторов России

Руководитель проекта
Владимир Пирожок

Ответственный редактор
Дмитрий Фесенко

Научный редактор
Владимир Хутарев-Гарнишевский

Арт-директор
Сергей Агронский
(дизайн-макет и верстка)

Редакторы
Игорь Михайлов
Юрий Поклад
Юлия Ракитина

Бильд-редактор
Мария Вадкина

Интернет-директор
Юрий Синцов

Интернет-редактор
Ирина Чайковская

Коммерческий директор
Марина Щёлокова
comdir@galeria.ru

Принт-директор
Наталья Первова

Над номером работали
Алена Гладкова
Татьяна Басова
Кирилл Коваль
Светлана Кизилова

Издатель – ГАЛЕРИЯ

Адрес редакции и издателя:

105082, Москва, Спартаковская площадь, д.10 стр.12, тел: +7 (495) 665-48-37

e-mail: rosnasledie@galeria.ru

facebook: www.facebook.com/rosnasledie

twitter: https://twitter.com/ros_nasledie

Тираж 10 000 экземпляров. Цена свободная

Дата выхода 26.04.2016

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 64809 от 2 февраля 2016 года выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

© Все права защищены

Подписка через редакцию по телефону

в Москве +7 (495) 665-48-37

и на сайте www.russianasledie.ru

На первой обложке церковь Георгия Победоносца в деревне Юковичи. (Logi.ru)

Перепечатка материалов журнала осуществляется только с письменного разрешения редакции.

При цитировании ссылка на журнал РОССИЯ. НАСЛЕДИЕ обязательна. Все фотографии с интернет-сайтов
опубликованы по правилам лицензии Commons. Редакция не несет ответственности
за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях.

• В актив

Юлия Ракитина
**ОЖИВШАЯ ЛЕГЕНДА:
ВОЗРОЖДЕННЫЙ ДОМ ПЕТРА I
В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ / 4**

• Контекст

Известия / 8

Красная книга
Владимир Хутарев-Гарнишевский
**ЭКЛЕКТИКА РУССКОЙ УСАДЬБЫ:
О КУРСИСТКЕ ЯРОШЕНКО
И БОМБИСТЕ САВИНКОВЕ / 12**

Моя Россия
Зураб Церетели
**РАЗРУШАТЬ ПАМЯТНИКИ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ! / 18**

• Аналитика

Культурфилософия
Юрий Крупнов, Владимир Лепский
**ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС
РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА
НАШЕ ВРЕМЯ / 20**

Теория
Дмитрий Фесенко
**АРХИТЕКТОР, РАБОТАЮЩИЙ ДЛЯ
НАСЛЕДИЯ. КТО ОН? / 30**

Персона
АЛЕКСАНДР СКОКАН / 36

Имя
Владимир Хутарев-Гарнишевский
**«ДОКТОР-РЕСТАВРАТОР»
ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ БАРАНОВСКИЙ / 40**

Эссе

Игорь Михайлов
РАДЕТЕЛЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ / 46

• Академия реставрации

Анкета «РН»
Ольга Севан, Андрей Бодэ, Марк Гурари
**ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО. СПАСТИ И
СОХРАНИТЬ / 48**

Интроспекция
Дмитрий Трофимов
**ВОССОЗДАЕМ ИЛИ РЕСТАВРИРУЕМ?
ЧТО ОСТАЕТСЯ,
КОГДА СНИМАЮТ ЛЕСА... / 60**

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ
ДОМ ВИНТОВКИНА / 69**

Эссе
Игорь Михайлов
АРХИТЕКТОР - ЭТО ТВОРЕЦ / 70

Практика
Олег Крейнин
НАСЛЕДИЕ НЕРЧИНСКА / 72

• Открывая Отечество

Регион
Михаил Черенков
**НАСЛЕДИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ. РОДИНА ДВУХ РУССКИХ
ДИНАСТИЙ / 76**

Культ-тур
Юлия Ракитина
ЧЕРДЫНЬ, КНЯГИНЯ ГОР / 86

• Культурный капитал

Честные собственники
Алена Гладкова
**ВЯТСКОЕ РУССКАЯ СКАЗКА.
О СЧАСТЛИВОМ СЕЛЕ / 92**

Книги
Наталья Душкина
**О КНИГЕ ФРАНЧЕСКО БАНДАРИНА
И РОНА ВАН ОЕРСА / 100**

• Ргочтение

Мануфактура
Александр Греков
**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ
В СОВЕТСКОЙ КУКЛЕ
1930-Х ГОДОВ / 106**

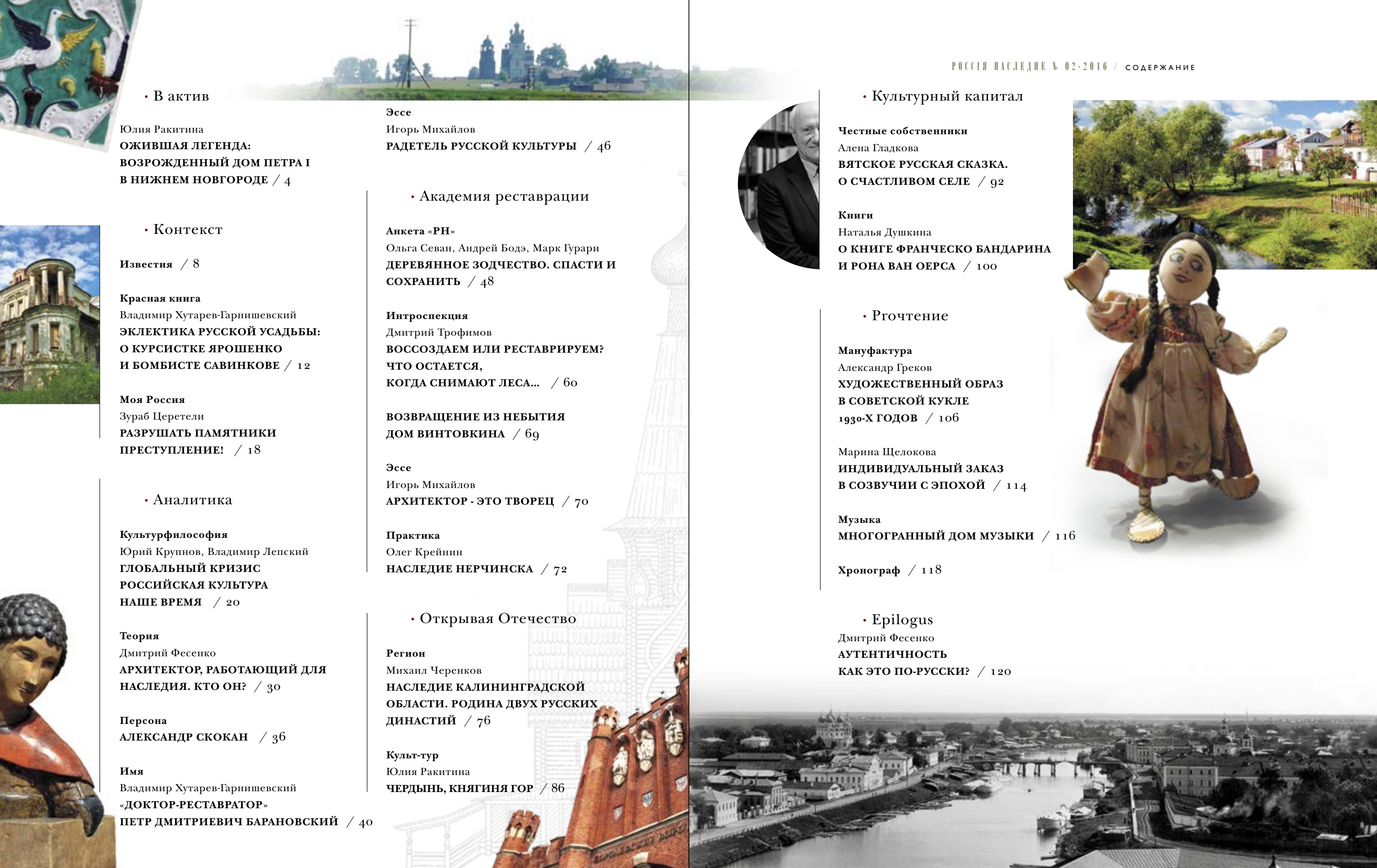
Марина Щелокова
**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ
В СОЗВУЧИИ С ЭПОХОЙ / 114**

Музыка
МНОГОГРАННЫЙ ДОМ МУЗЫКИ / 116

Хронограф / 118

• Epilogus

Дмитрий Фесенко
**АУТЕНТИЧНОСТЬ
КАК ЭТО ПО-РУССКИ? / 120**

Дом купца Чатыгина - это одна из немногих дошедших до нас каменных жилых построек XVII века в Нижнем Новгороде. Уникальность и ценность этого дома также состоит в том, что в нем дважды останавливался Петр I во время визитов в город.

Благодаря прошедшей реставрации, нижегородцы и гости города вновь имеют возможность оценить, как жили богатые горожане более 400 лет назад. В особняке два этажа, на каждом из которых расположена горница, перекрытая самостоятельным сомкнутым сводом, и большие сводчатые подвалы, попасть в которые можно по пандусу с южной стороны дома. На втором этаже посетители могут найти настоящую изразцовую печь XVIII века, а также предметы быта тех же времен. Прекрасные многопрофильные наличники на окнах обоих этажей дополняют архитектурную картину.

Владельцы дома неоднократно менялись. От купца Чатыгина он перешел купцам Докукиным, а в конце XVIII века – вдове одного из них.

Но наибольшую известность особняк приобрел благодаря не своим хозяевам, а гостям. В 1695 году молодой Петр I оста-

ОЖИВШАЯ ЛЕГЕНДА: ВОЗРОЖДЕННЫЙ ДОМ ПЕТРА I В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

То, чего так долго ждали в Нижнем Новгороде, наконец, свершилось: в доме купца Чатыгина, более известном как Дом Петра I, завершены реставрационные работы. Значение этого радостного события для нижегородцев сложно переоценить: это не просто самое старое жилое здание в городе (двухэтажные каменные палаты были построены еще в XVII веке), но и объект культурного наследия федерального значения с богатейшей историей. На счету памятника это уже третья реставрация.

Дом купца Ефима Чатыгина -
Петровский домик.
Фото М. Дмитриева. 1890

навливался в этом доме на ночлег перед Азовским походом. Вернулся Император Всероссийский лишь через 27 лет, в 1722 году. Здесь он отметил свое 50-летие вместе с супругой, императрицей Екатериной, а также посетил могилу Кузмы Минина.

В начале XIX века здание укрепили контрфорсами, земляным откосом и подпорной стенкой с северной стороны. К сожалению, без должного ухода оно сильно обветшало и некоторое время было даже «ночлежным домом». В 1888 году здание было признано историко-мемориальной реликвией, и на пожертвования купца Бугрова, известного своей благотворительной деятельностью, было выкуплено городом. В 1890 году историк А.С. Гациский пригласил реставрировать здание архитектора А. Иванова. Через пять лет, к 200-летию первого визита Петра I, реставрация была завершена, а дом

открылся как Исторический музей.

В XX веке потребовалась новая реставрация: в 1950-х годах здание было признано аварийным. Работы велись с десятилетним перерывом, но, несмотря на это, в результате удалось сохранить большинство подлинных особенностей здания. Особую популярность дом Петра I получил у андеграундных музыкантов в 1996-2005 годах. Подвал арендовали для одноименного паба, где регулярно проходили концерты молодых исполнителей, многие из которых в будущем добились большой популярности. Доходы от аренды частично шли на поддержание состояния здания, что позволило ему дожить до нынешней реставрации.

Организатором реставрации, осуществленной в 2015 году, выступило Агентство по управлению и использованию памятников (АУИПИК). На реставрацию было выделено 17,5 миллионов рублей, а

работы заняли 91 день. Согласно заявлению Союза реставраторов, в здании были проведены масштабные реставрационные и консервационные работы.

В процессе реставрации произведена консервация существующих деревянных балок перекрытий, замена некоторых элементов в стропильных конструкциях скатных крыш, замена тесового покрытия на аналогичное с сохранением общей конфигурации. Под мауэрлатом на крыше здания выполнен монолитный железобетонный пояс.

Проведенные ремонт и реставрация восстановили историческую структуру здания.

Реставрационные работы в полном объеме проведены на фасадах памятника, отреставрировано декоративное убранство и восстановлены утраченные элементы, воссозданы изразцы (подлинные и муляжные).

Боковые кирпичные ограждения открытого крыльца заменены на новые, но идущие тремя уступами, как это было в конце XIX века. Заменены и ступени наружной лестницы, потерявшие свой первоначальный вид. Конструкции и покрытия крыши над лестницей и шатра при входе также заменены на новые, выполненные по образцу существующих с восстановлением форм конца XIX века, частично утраченных на шпиле. Внутренние помещения здания отреставрированы с сохранением уникальной старинной изразцовой печи, чугунной лестницы, лепного декора и тяг. Произведена замена оконных и дверных заполнений, деревянных напольных покрытий по историческим образцам. Прделанная работа была высоко оценена историками и архитекторами. Деликатные и продуманные работы позволили максимально сохранить как исторический облик дома Петра I, так и художественную ценность каменного особняка XVIII века.

Юлия Ракитина

Сигнал SOS из Северодвинска: дом Пикуля под угрозой

В Северодвинске признан аварийным дом, в котором провел свои детские годы всемирно известный русский писатель Валентин Пикуль. Уже принято решение о сносе здания.

Деревянный дом был построен в 1940 году в старой части города. В 1940-1941 годах пятиклассник Валентин Пикуль проживал в этом доме вместе с родителями, о чем свидетельствует Домовая книга, сохранившая надпись «Здесь жил Пикуль». Известный среди горожан как «Дом Пикуля», это не просто объект исторического значения, но и ровесник самого Северодвинска. Особая ценность здания состоит в том, что это единственное сохранившееся архитектурное свидетельство детских лет писателя. Как отмечают сотрудники «Северодвинского городского краеведческого музея» и активисты инициативной группа по сохранению Дома Пикуля (проект «Мой Северодвинск – идеи улучшения городской среды», руководитель О. Г. Попов), Дом Пикуля интересен и с архитектурной точки зрения, и как историческое свидетельство жизни города, в том числе и тяжелых военных лет.

Сейчас в интернете размещена петиция на имя министра культуры РФ В.Р. Мединского, в которой местные градозащитники просят приостановить решение о сносе дома, а также провести надлежащую экспертизу. Дело в том, что решение о сносе было принято на основании технической экспертизы, тогда как особая историческая и культурная ценность Дома Пикуля заслуживают историко-культурной и архитектурной экспертизы.

Кто разрушает «Дом кружевниц»?

Один из последних образцов вологодской деревянной архитектуры, «Дом кружевниц», находится в эпицентре скандала. В 2013 году ООО «РЦАПО» под руководством авторитетного реставратора А.В. Попова вело работы по реставрации здания. К концу 2014 года сруб был собран на старом месте, а экспертная комиссия заключила, что все работы проведены на высоком уровне, и претензий к ним нет. Однако в дальнейшем новый подрядчик, ярославская компания «Строй Групп», провела свою экспертизу, по которой «Дом кружевниц» был внезапно объявлен аварийным.

Местные активисты и СМИ забили тревогу. По словам Елены Смиренниковой, координатора «Настоящей Вологды», они «опасались, что Дом кружевниц объявят аварийным с тем, чтобы не возиться с реставрацией и максимально заменить подлинные элементы на новодел». Как оказалось, несмотря на правильно проведенную реставрацию, консервационные работы были проведены безграмотно, а дом доводится до аварийного состояния искусственно. «Мы обнаружили, что из оконных проемов вынуты косяки, отреставрированные и вставленные туда бригадой ООО «РЦАПО»; плохо проветривается первый этаж; столарка и декоративные элементы хранятся на улице, доступные снегам и дождям. Там же находится и уникальный резной балкон,

который был распилен при перевозке грузчиками» - говорит Смиренникова. 25 февраля шестеро реставраторов и экспертов Секции деревянной архитектуры и деревянного зодчества научно-методического совета Министерства культуры РФ посетили «Дом кружевниц». По словам Марины Капустиной, главы экспертной комиссии, «к проведенным в 2013-2014 гг. реставрационным работам у комиссии не возникло никаких претензий, все сделано профессионально. Состояние памятника нельзя назвать аварийным».

«Мое мнение: если мы не хотим потерять этот памятник, его нужно вернуть в руки профессиональных реставраторов, которые способны довести работу до конца», - заключила Капустина.

Севастополь – историческое признание

С момента возвращения Севастополя в состав России прошло два года, и сегодня у историков, градозащитников и жителей города снова праздник: Севастополь включён в перечень российских исторических поселений федерального значения. В начале марта опубликован соответствующий приказ Министерства культуры. Приказ зарегистрирован 1 марта 2016 года, в нем утверждаются границы охранной зоны и предмет охраны исторического поселения. В эти границы включены 2,4% площади города, а также 6,7 км² прибрежной зоны Севастопольской бухты, 369 градоформирующих объектов: памятники культуры и архитектуры, исторические здания, монументы и памятные места. Под защитой нового статуса города находится сеть кварталов и улиц. Помимо этого в документ включены отдельным пунктом линии Севастопольской обороны 1854-1855 годов, элементы рельефа города, а также специальный перечень из 30 панорам и пейзажных видов.

Реставрация шуховской башни продолжается

На одном из самых известных памятников столицы, шуховской башне, почти закончены противоаварийные работы, сообщает портал правительства Москвы. Для снижения нагрузки на каркас башни, внутри нее была установлена специальная поддерживающая конструкция, по форме напоминающая вешалку. После завершения этих работ начнется разработка плана реставрации шуховской башни. Нынешний собственник башни ФГУП «Российская телевизионная радиовещательная сеть» оценивает стоимость реставрации в 335 миллионов рублей. Судя по всему, эта сумма не устраивает нынешнего владельца, поскольку представители компании уже заявили, что готовы передать объект другому собственнику. Один из возможных вариантов — передача башни Политехническому музею. Как возможная смена владельца отразится на ходе реставрационных работ, покажет время. Напомним, что шуховская башня является объектом культурного наследия регионального значения.

Дом Скакового общества – в реестре

Одно из известных творений архитектора Ивана Жолтовского, дом Скакового общества включен в реестр объектов культурного значения. Департамент культурного наследия Мо-

сквы выпустил приказ о включении выявленного объекта культурного наследия «Дом Скакового общества, 1905 года, архитектор И.Жолтовский, интерьеры - художник И.Нивинский» по адресу ул. Скаковая, д. 16 (часть) в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в качестве объекта культурного наследия регионального значения. Здание Скакового общества было возведено в 1903-1905 годах на севере Москвы. Конкурс на проект нового здания выиграл молодой архитектор Иван Владиславович Жолтовский. Первоначально заказчики хотели видеть здание в стиле английской готики, но Жолтовскому удалось убедить их, что строить в Москве необходимо, ориентируясь на традиции русского классицизма. В доме сохранилась большая часть декоративного оформления интерьеров, включая потолочную живопись, фигурные карнизы, медальоны с лепными барельефами, полуколонны и другие ценные элементы, во многом сохранилась и первоначальная планировка, - все это вошло в предмет охраны здания.

Сфера охраны наследия обзаводится новыми стандартами

Как сообщает Министерство культуры РФ, с 1 июля 2016 года вступают в силу четыре новых национальных стандарта в сфере сохранения объектов культурного на-

следования. Эти документы дают официальные определения базовых терминов сферы:

- ГОСТ Р 56891.1-2016 «Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 1. Общие понятия, состав и содержание научно-проектной документации» (приказ Росстандарта от 10.03.2016 № 134-ст);
- ГОСТ Р 56891.2-2016 «Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 2. Памятники истории и культуры» (приказ Росстандарта от 10.03.2016 № 135-ст);
- ГОСТ Р 56891.3-2016 «Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 3. Произведения искусства» (приказ Росстандарта от 10.03.2016 № 136-ст);
- ГОСТ Р 56891.4-2016 «Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 4. Исторические территории и историко-культурные ландшафты» (приказ Росстандарта от 10.03.2016 №137-ст).

По свидетельству Сергея Куликова, главного архитектора ЦНРПМ, в ближайшие месяцы будут выпущены еще семь новых стандартов. Несмотря на то, что эти стандарты официально носят рекомендательный характер, сам факт их разработки позволяет надеяться на прояснение ситуации в сфере сохранения наследия. Возможно, теперь, с четкими определениями, не дающими простора для двусмысленных толкований, некачественной реставрации станет меньше, а общий уровень работ в России повысится.

Дошло и до Подмоскovie

Чуть больше года назад вступила в силу новая редакция Федерального закона об объектах культурного наследия, которая предписывала регионам иметь собственные органы охраны культурного наследия.

Портал правительства Московской обла-

сти сообщает, что «губернатор Подмоскovie Андрей Воробьев постановил с 1 апреля создать Главное управление культурного наследия Московской области». Новое ведомство получит полномочия в сфере сохранения, использования, популяризации и охраны культурного наследия Московской области, которое ранее находилось в ведении Министерства культуры области. К 25 марта 2016 года должна быть подготовлена документация, регламентирующая работу новой организации. Сотрудниками нового управления станут специалисты, ранее чисившиеся в штате Министерства культуры Московской области.

Эта инициатива позволит уменьшить бюрократию и ускорить принятие решений по вопросам охраны памятников в Подмоскovie.

«Приветствуя создание нового госоргана, должен отметить, что его деятельность будет иметь позитивный эффект только в том случае, если она будет обеспечена адекватной штатной численностью сотрудников. Если, как в областном Минкультуры, на 6000 памятников будет один человек в отделе контроля и один человек в отделе учета памятников, то их госохрана будет физически невозможна», — отмечает председатель Совета Московского областного отделения ВООПИиК Евгений Соседов.

Памятник на чаше весов

Не прошло и полугода с радостного открытия Шуйских мерных весов после реставрации, как восстановительные работы требуются вновь.

В XVIII веке на этих весах взвешивали

возы с товарами. Кроме того, мерные веса выполняли градообразующую роль — они обозначали «нулевой километр», а флагшток, возвышающийся над куполом, был окрашен как верстовой столб. Значение этого памятника для города невозможно переоценить: эти торговые веса уникальны для России, подобное сооружение — единственное в своем роде для центральной России.

2 ноября 2015 года «Комплекс торговых сооружений XIX века, архитектора Марицелли: мерные веса, 1820 года» был торжественно открыт после реставрационных работ. В 2005 году произошло обрушение конструкций памятника, и долгие 10 лет местная администрация и общественные организации искали источник финансирования для восстановления памятника. В июне 2015 года необходимая сумма (10,5 миллионов рублей) была выделена из федерального бюджета, и московская компания «РСК Колокола» провела реставрационные работы.

К счастью, сейчас требуется не полная, а частичная реставрация — на фасаде памятника обвалилась штукатурка. Глава шуйского отдела культуры Александр Павлов утверждает, что необходимые работы будут проведены в середине апреля, как только установится сухая погода. Как получилось, что реставрация «прожила» только 6 месяцев, еще предстоит выяснить.

Материал подготовила
Юлия Ракитина

ООО «АРХИТЕКТПОДРЯД» НАУЧНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Комплексные научные исследования
Реставрационное проектирование
Разработка проектов предмета охраны
Разработка проектов зон охраны
Проведение историко-культурных экспертиз
Производство реставрационных работ

г. Москва, ул. Спартаковская, 11
+7 (495) 641-64-75
www.arhpod.com
info@arhpod.com

Забайкальский край,
г.Нерчинск, «Усадьба М.Д.Бутина»

ЭКЛЕКТИКА РУССКОЙ УСАДЬБЫ: О КУРСИСТКЕ ЯРОШЕНКО

Потомки древнего боярского рода и русские миллионеры, художники и профессиональные бомбисты-террористы. Где могли встретиться столь разные люди? Конечно же, в русской усадьбе конца XIX – начала XX веков.

Эклектика – это не только архитектурный стиль, характеризующийся сочетанием форм и элементов различных стилей. Это целое социокультурное явление, возникающее в кризисные переходные состояния общества и государства. Она отражает человека, мнящегося в тяжелом выборе между взаимопротиворечащими историческими корнями, новыми эстетическими идеалами и современными практическими формами жизни. Это драма недостижимого синтеза, попытка гармонизации наступающего хаоса на закате великой цивилизации. Такова усадьба Степановское-Павлицево, известная также под топонимом Павлицев бор.

Архитектура главного дома усадьбы, построенного в 1870-1880-е годы, поражает разнообразием приемов, откровенной асимметричностью и удивительной гармонией. Это была и дворянская усадьба,

И БОМБИСТЕ САВИНКОВЕ

и, одновременно, типичная древнеримская вилла, украшенная множеством портиков, колоннад, сложными фронтонами и карнизами, пилястрами и трехгранными полуколоннами, утопавшая в море античных

статуй и экзотических цветов. Воспитанница последних владельцев имения миллионеров Ярошенко Мария Заболоцкая рассказывала мужу поэту Максимилиану Волошину, что содержание одного сада, включая наём французских и английских садовников, обходилось хозяевам в 12-15 тысяч рублей ежегодно. По тем временам значительная сумма – около 18 миллионов рублей современными деньгами. Изначально имение принадлежало древнему столбовому дворянскому роду Степановых, известному с начала XVI века со времен великого князя Василия III Иоанновича. Отец Ивана Грозного наделил их землями и вотчинами в Мещерском уезде. На гербе Степановых не зря изображен стоящий на задних лапах лев. Многие представители рода были военными, занимали высокопоставленные посты в администрации. Среди них Александр Петрович Степанов, герой Отечественной войны 1812 года, первый Енисейский губернатор, известный писатель и поэт, исследователь Сибири. Его сын Петр – генерал от инфантерии, комендант Царского Села, внук Михаил – генерал от кавалерии, приближенный великого князя Сергея Александровича. Непосредственным устроителем усадьбы Степановское-Павлицево был другой представитель рода архангельский губернатор Платон Викторович Степанов и его дочь Елизавета Ярошенко.

Усадебный комплекс сформировался в конце XVIII века и был изначально полностью деревянным. К сожалению, до наших дней он не дошел – пожар 1917

Портрет Василия
Александровича Ярошенко
кисти его родного брата
Николая Александровича

года уничтожил большинство деревянных строений. Однако жемчужина усадьбы – дворец Ярошенко – была возведена гораздо позднее последней четверти XIX века. Прообразом её стала итальянская вилла семьи Ярошенко в местечке Бордигера на Лазурном берегу меж Сан Ремо и Ментонной. Именно её приобретение натолкнуло владельцев на строительство схожего дворца в России. Второй муж Елизаветы Платоновны – Василий Александрович Ярошенко был не только химиком, но и инженером. Именно он спроектировал дворец в Павлищевом Бору. Историки до сих пор спорят о точной датировке строительства главного дома. Архивные документы свидетельствуют о том, что крупное строительство в усадьбе велось в начале 1880-х годов, однако современные исследователи полагают, что комплекс был закончен 1892-1893 годах. Въезд в усадьбу был оформлен двумя пилонами со скульптурами оленей. Липовая аллея вела к усадебному дому и в парк, разбившийся вдоль реки Теча. Сам парковый

От былого
великолепия
сегодня
не осталось
и следа.
Фотографии
усадьбы
начала XX века

ансамбль был создан уже после постройки дворца, окончанием его строительства считается 1900 год. Остатки парка производят впечатление до сих пор. Длинная, почти полукилометровая аллея вдоль русла реки и несколько пересекающихся аллей в центре парка были разнообразны многочисленными липовыми беседками и прудами, образованными искусственными плотинами. На красном дворе усадьбы по другую сторону от въездных ворот распо-

Курсистка.
Художник Н. Ярошенко.
Моделью послужила
Елизавета Ярошенко

ложены конюшни, склад инвентаря, дом управляющего с мезонином. Главный дом усадьбы – кирпичный трехэтажный с цокольным этажом. В сторону реки выходит большой балкон, опирающийся на длинную колоннаду, от которой начинается анфилада лестниц и партеров. Воспитанница семьи Ярошенко Прасковья Васильева так описывала усадьбу: «На главной террасе дома, среди оранжерейных деревьев и цветущих кустарников высились белые статуи – гипсовые фигуры крылатых гениев. От фасада дома к реке Тече спускался уступами-террасами старый парк; длинная, «темная», липовая аллея вела от дома к купальне на реке. Купальня была построена из белого камня в романтическом стиле в виде развалин замка с башнями и стрель-

чатыми окнами; через окна можно было из водоема купальни выплывать в запруженную реку Течу». Здание купальни также не сохранилось. Каждая комната дворца-виллы имела уникальные интерьеры в неповторимой стилистке. Мария Заболоцкая вспоминала в 1926 году: «В Степановском были удивительные комнаты. Столовая очень светлая - желто-золотистая. Большие окна, и сверху еще ряд светлых окон, которые выходили на широкий луг. Подъезд к дому занят японским газоном. Висели большие картины в золоченых рамках, несколько картин Ярошенко, брата Василия Александровича, «Извержение Везувия» и еще одна картина - старинная: «Аввакум приносит в жертву Исаака». Потом шла гостиная. Там были тяжелые портьеры. Она почти всегда была темная. Потом малая светлая гостиная, потом библиотека.

В советское время усадьбу
занимали санаторий и другие
лечебно-профилактические
заведения

Подоконники были мраморные, разных цветов - розовые, зеленые, а над этими комнатами - наверху - была комната Елизаветы Платоновны. Кушетка, на которой она жила, была совсем пустая. Потом химический кабинет Василия Александровича из двух комнат: одна очень большая, заставленная химической посудой, и другая, совсем маленькая. А потом к крыльям здания шли комнаты детей и моя комната. Еще для гостей был флигель. Сад спускался террасами к реке. Там на воде стоял домик «Арсенал», где хранились лодки, водные лыжи, гоночные лодки и т. д. Вдоль реки шла липовая аллея, а потом ее пересекала кленовая, светлая, лучистая. А дальше начинался фруктовый сад. В нижней части были гроты, подземелья, пещеры. Там было жутко. Я и не везде там была». Павильон «Арсенал», использовавшийся как лодочная станция, до наших дней, увы, не дошёл. Дом был украшен картинами художника Николая Ярошенко, одного из идейных вдохновителей и руководителей Товарищества передвижных выставок. Все знают его по знаменитой работе «Курсистка», однако мало кому известно, что в роли

«Дамы с кошкой» выступает сама Елизавета Ярошенко. С женой брата у художника сложились особо теплые и доверительные отношения. Усадебный быт запечатлен на других полотнах. Картина 1888 года «На качелях» изображает народные гуляния в Павлицево на День Святого Духа – один из главных православных праздников, приходящийся на восьмой понедельник по Пасхе. В народе этот праздник имеет и глубокие языческие традиции. В центрально-черноземных областях в народе праздник называли Провожание русалок или Именины земли. По различным поверьям в этот день была сотворена земля, и обрабатывать её было запрещено. Считалось также, что на Духов день русалки выходят из водоемов и бегают по полям. На картине изображено качание на качелях и ухаживания солдата за усадебной горничной. На знаменитой картине «Портрет няни» изображена сельская учительница из Степановского-Павлицево некая Докукина. В 1919 году после национализации имения все полотна Николая Ярошенко из особняка были переданы в Калужский художественный музей.

Интересны не только интерьеры, но и посетители усадьбы. Среди них был один из самых знаменитых русских революционеров, руководитель Боевой группы партии эсеров Борис Викторович Савинков. Он был сыном сестры братьев Ярошенко Софии. В 1917 году при Временном правительстве Борис стал управляющим военным ведомством и губернатором Петрограда. Многие его прочили в главные претенденты на роль военного диктатора. Но провал корниловского выступления, нацеленного на прекращение анархии в стране, поставил крест и на политической карьере Савинкова.

Невозможно представить приличную русскую усадьбу той поры, которая не вошла бы в историю масонства. Здесь собирались масоны – художник, член объединения «Бубновый валет» Виктор

Сейчас усадьба находится на грани руинирования

Викторович Савинков, губернатор Александр Степанов, описавший процедуру принятия в масонскую ложу в 1815 году. Одновременно здесь бывали «разоблачители масонского заговора» Николай Свитков (Степанов). Православный общественный деятель, крупнейший историк русского масонства и его отец

Проект реконструкции усадьбы

Филипп Петрович Степанов, прокурор Московской синодальной палаты, камергер, известный как первый публикатор так называемых «Протоколов сионских мудрецов». Можно только представить, какие интересные и яркие диалоги могли происходить между людьми столь противоположных общественно-политических взглядов. И лишь культура и искусство были для них объединяющим и примирительным началом.

В советские времена была начата реставрация усадебного комплекса. Благодаря ей сохранились остатки интерьеров – в основном потолочные плафоны с различными геометрическими фигурами. В целом же исторические интерьеры усадьбы утеряны, окна выбиты, статуи разбиты или украдены, а по пустым залам особняка гуляет ветер. Только скульптуры оленей на въезде в усадьбу все еще стоят на своих местах. Сильное впечатление на посетителей производят массивные кирпичные своды полуподвального этажа. Единственное, что спасает здание от разрушения – это пока еще сохраняемая крыша.

В наши дни силами специалистов Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова разработан подобный научный проект восстановления усадьбы, но реализация его пока невозможна. Документы на право государственной собственности на усадьбу до сих пор до конца не оформлены. При этом комплекс с его инфраструктурой идеально может быть использован в качестве туристического, культурного или оздоровительного центра. Грамотный и ответственный инвестор мог бы превратить его в настоящую жемчужину Калужской области. Найдётся ли административная воля и средства на реставрацию этого уникального для памятника архитектуры или же памятник превратится величественные руины, как и многие русские усадьбы?

Владимир Хутарев-Гарнишевский, кандидат исторических наук

«По монументам, стоящим на площадях и улицах России, можно будет изучать отечественную историю», - убежден президент Российской академии художеств Зураб Церетели.

Скульптурная композиция Дядя Стёпа - милиционер. Бронза. Самара, Россия

Все началось гораздо раньше. Первый в Москве монумент поставили в XVII веке при царевне Софье, в память о стрелецких вольностях. Как только власть царевны укрепилась, и стрельцы стали не нужны, монумент-колонну снесли. Монументальная пропаганда – самая действенная. Человек видит памятник и невольно интересуется: в честь кого, в память о каком событии он поставлен. Ленин это очень хорошо понимал. Что, у него через полгода после взятия власти, в разоренной голодной стране забот других не было, как памятники сносить? Были у него дела, но он хотел, чтобы история начиналась с октября семнадцатого, потому и сносили памятники. Правда, понять, чем руководствовались, разбивая одни памятники и сохраняя другие, трудно. Почему, например, памятник Суворову оставили, а памятник Скобелеву снесли? Суворов, да, великий полководец, ничего не говорю, но он во-евал только за пределами России, он усмирял восстание почитаемого большевиками Пугачева, он залил кровью восставшую Варшаву. А Скобелев освободил от османского ига православную Болгарию. На памятник ему вся страна деньги собирала. Но красивый, выразительный памятник Скобелеву в Москве снесли. На его месте возвели монумент «Советская Конституция», который быстро развалился. Теперь Юрий Долгорукий там стоит. Адмирал Нахимов, герой Севастопольской обороны был, а памятник ему снесли... Да что там говорить, если памятник Минину и Пожарскому, что стоит на Красной площади в Москве, в свое время тоже хотели снести.

РАЗРУШАТЬ ПАМЯТНИКИ - ПРЕСТУПЛЕНИЕ!

XX век стал веком уничтожения памятников. Началось с пресловутого ленинского Декрета «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг». Эти памятники заменили памятниками Ленину и его сподвижникам. Потом ставили памятники Сталину, потом их сносили, потом сносили памятники Ленину, словом, коммунисты были при деле. Но и сегодня традиция сносить памятники не угасла. Зураб Церетели с болью смотрит на это.

В газетах тогда писали, что надо убрать этот «исторический мусор». К счастью, не разрушили его, а только отодвинули от Мавзолея подальше. Люди считают, что не будет памятника, и жизнь наладится. Но, на мой взгляд, если памятник – произведение настоящего искусства, разрушать его просто преступление. Хорошо сделали, например, что памятник Карлу Марксу оставили – хорошая работа. И памятник Ленину на Октябрьской площади Кербель замечательно изваял. В нем есть чувство той эпохи, настроение. Не будем говорить, что нам «Великий Октябрь» принес, это все ясно уже, но было же – Ленина слушали миллионы, революцию сделали, солдаты, рабочие за ним пошли. И это Кербель в своей работе показал как великий мастер. Пусть памятник стоит, как кусок Берлинской стены: было как было. Вообще это грех уничтожать знаки эпохи, какой бы она ни была. Вот в семнадцатом году «отреклись от старого мира», что, хорошо это кончилось? И потом – скульптура это же самостоятельное произведение искусства. Не будем касаться вопроса о личности Дзержинского, но памятник ему на Лубянке - пример прекрасной скульптуры. Знаете, мой младший внук, он уже плохо знает, кто такие были все эти «рыцари революции», но что такое классическое искусство, понимает очень хорошо. Мои памятники в Москве тоже периодически хотят снести. Особенно яркие баталии разгораются вокруг монумента в честь трехсотлетия Российского флота. К

сожалению, люди истории не знают, ведь до основания Петербурга Петр в Москве жил, Москва столицей была, здесь он и флот задумал. На мой взгляд, задача монументального искусства – в объединении людей независимо от политического ветра и настроений. Именно про это я думал, предложил монумент на Тишинской площади в честь воссоединения Грузии и России. Сегодня политики нас разобщить хотят, а простые люди - русские и грузины - по-прежнему дружат. Тут уж вы мне поверьте. Россия и Грузия, как супруги, что много лет вместе живут, друг друга любят, а ссорятся.

Памятник казачеству. Бронза. Станица Бриньковская, Россия

Святой апостол Павел. Бронза. Верия, Греция

Поживут немножко врозь, а потом опять помирятся, обнимутся и снова заживут мирно, в согласии. Недавно я сделал композицию «Ипатьевская ночь», посвященную трагической судьбе последнего российского императора Николая II и его семьи. Хочу, чтобы пока он стоял в Галерее искусств на Пречистенке. Сюда много людей ходит, детей много. Они пусть узнают, как убили невинных детей. За мученическую смерть царскую семью причислили к лику святых. Я в композицию гвозди включил подлинные из подвала, в котором расстреляли царскую семью. И отрывки из писем императрицы Александры Федоровны и Великой Княжны Ольги. Они просят людей и Бога простить их врагов. Это памятник - напоминание о жестокой расправе над людьми, которые сумели с христианским смирением принять все горькие испытания, выпавшие на их долю, и достойно встретить свой конец.

Среди моих работ есть посвященные борьбе с терроризмом, борьбе со СПИДом. Просто я уверен, что с любым злом можно бороться средствами искусства. Люди должны воспринимать мир через прекрасное. Как посол доброй воли ЮНЕСКО, как человек, я обязан призывать людей к добру. Часто бывает, что художника вдохновляют трагедии, потрясшие мир своей жестокостью. Так было с монументом «Слеза скорби», который напоминает о людях, погибших от рук террористов, о том, что еще может случиться, если мир не объединит усилия в борьбе с этим злом. Я очень жду, чтобы пришло то время, когда в почете будут памятники не политикам, не трагедиям, а красоте, любви, нежности. Тогда и сносить ничего не придется. И новые поколения научатся на мир через искусство смотреть. Жизнь лучше будет.

Подготовила Татьяна Басова

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА НАШЕ ВРЕМЯ

Экономикоцентрическое мышление, доминировавшее в последние десятилетия, сегодня уступает место пониманию того, что культура является двигателем процессов, происходящих в мире. Периоды мировых тягот, равно как и «благословенные десятилетия» имеют в том числе социокультурные основания. Деятели культуры могут и должны воспрепятствовать мироразрушительной динамике, с очевидностью обнаружившей себя на рубеже тысячелетий. И русской культуре с ее всеотзывчивостью и чуткостью к болям мира здесь отводится особая роль. О роли культурного наследия в формировании образа будущего, что в условиях разворачивающегося мирового экономического кризиса предстает спасительной альтернативой не только для нашей страны, но и для человеческой цивилизации в целом, размышляют ведущие русские мыслители Юрий Крупнов и Владимир Лепский.

Продолжение.
Начало в № 1 «РН»

Юрий Крупнов
председатель
Наблюдательного совета
Института демографии,
миграции и регионального
развития, действительный
государственный советник
Российской Федерации
3 класса

Владимир Лепский
доктор психологических
наук, президент Клуба
инновационного развития
Института философии РАН,
член экспертного совета по
внешней политике Совета
Федерации РФ

Опасная рука.
А. Джакометти.
1932 год

1.

РОССИЯ. НАСЛЕДИЕ

История человечества насчитывает три тектонических слома. Первый – переход от охоты и собирательства к земледелию, или неолитическая революция; второй – от рабовладельческого строя к феодализму, или Темным векам; третий – от феодализма к капитализму. В настоящее время мир живет в преддверии, если не в ходе, четвертого равно мощного макроисторического перелома: от капитализма к... На наших глазах разворачивается смена базовых социально-политических и экономических моделей. По К. Марксу, сфера культуры и идеологии – «надстройка» – оказывается относительно независимой по отношению к «базису». Однако пусть с запозданием – а не исключено, что и с опережением – произойдет переформатирование сферы культуры. Каковы, на ваш взгляд, основные векторы таких изменений?

Юрий Крупнов

Прежде всего я хотел бы уточнить, что, на мой взгляд, эти изменения начались уже в XX веке, и автором этих изменений стал великий Советский Союз. Два важнейших события XX века – это победа над фашизмом и полет Юрия Гагарина в космос. Они продемонстрировали возможность развития – то есть системного усложнения и преобразования всей системы труда и жизни. Именно там зародилась цивилизация развития, которая и определяет направление переживаемого нами сейчас макроисторического перелома. Мы переходим от позднего капитализма к фазе осознанного целенаправленного развития, тогда как раньше оно было лишь побочным эффектом человеческой деятельности. Культурная составляющая этих изменений является ключевой, поскольку именно личность и ее созидательный культурный вклад определяют развитие как в частном, так и в планетарном масштабе.

Владимир Лепский

В начале XXI века все более отчетливо приходит осознание того, что старые парадигмы организации мирового порядка, отношений между государствами, этносами, культурами и их носителями, конфессиями, экономическими субъектами

и другими социальными образованиями безнадежно устарели и могут привести к катастрофе. Процесс социальной эволюции на нашей планете, по образному выражению философа Эрвина Ласло, подошел к критической фазе макросдвига, когда трансформация общества достигает критического порога. Общество вступает в период социального и культурного хаоса, когда одни люди придерживаются установившейся системы ценностей и неизменно пользуются испытанными и проверенными методами, но при этом все большее число людей пытается найти альтернативы. Человечество подошло к своего рода метасистемному цивилизационному переходу, как это состояние охарактеризовал выдающийся специалист по кибернетике Валентин Турчин. И если следовать нынешнему ходу событий, экстраполировать в будущее те тенденции, которые мы наблюдаем сегодня, то надо полагать, что нас может ожидать только дальнейшая деградация. Причем во всех направлениях – в области эконо-

мики и культуры, в нравственном климате. Особенно в области образования. Для того, чтобы остановить сползание в небывтие, граждане однажды будут вынуждены представить себе ожидающую нас бездну, заглянуть в нее и увидеть реальность...
Надо искать новые дороги. Нужно на новом основании построить новое здание с новыми нравственными устремлениями. Но такое основание надо еще разыскать. В том числе, и в нашем прошлом, далеком и близком, к чему нас настойчиво призывал академик Никита Моисеев.
Ярко проявившийся в последние годы мировой финансово-экономический и политический кризис, для которого, по мнению ведущих аналитиков, больше подошло бы название системный кризис мирового сообщества, добавил весомые аргументы в пользу утверждения, что человечество не готово к адекватным ответам на стратегические вызовы. Будь то вызовы политические, финансовые, экономические, экологические, социальные, техногенные, природные и т.п. Фактически имеют место серьезные аргументы в пользу тезиса, что современный мировой кризис следует рассматривать как кризис принятых форм жизнедеятельности на планете, кризис современного мирового порядка.
Почему мировое сообщество постоянно оказывается в ситуациях «неожиданно» возникающих угроз (ядерной, экологической, демографической, информационной, террористической, финансово-экономической)? Каждый раз осознание этих угроз приходит тогда, когда требуются невероятные усилия для их нейтрализации, а порой вообще отсутствуют гарантии успешности их решения.
Ответ прост: Мировое сообщество не свободно в определении своего пути развития! Атрофированы механизмы рефлексии, позволяющие осознанно организовывать развитие, оно само ограничило свою свободу, в силу того, что оказалось в

плену стереотипов, преодолеть которые не удалось в прошедшем тысячелетии. Мировое сообщество не осознает целей и возможностей своего развития, не берет в должной степени ответственности за свои же деяния перед жителями планеты и различными социокультурными образованиями, перед Природой и Мирозданием в целом. «Бессубъектность развития» – главная болезнь мирового сообщества. И никакие «измы» нас не спасут, пока мы не осознаем причины этой болезни и не найдем пути ее излечения.
В настоящее время многие ученые, управленцы и политические деятели опираются в построении картин видения будущего на сложившиеся в экономике представления о технологических укладах, связывают теперешнее состояние дел в мире с размышлениями и с выводами нашего соотечественника Николая Кондратьева о длинных циклах. При этом полагая, что нарастающие темпы VI технологического уклада (нано-био-инфо-когно) сами собой позволят решить актуальные экономические и социальные проблемы. Такой подход базируется на доминанте каузального подхода (причинно-следственного) и может быть охарактеризован как технократический, осуществляемый под знаменами «экономической детерминации развития». Для которой характерны несправедливые механизмы обмена между экономически сильными и слабыми субъектами. Фактически в новых более изощренных формах на планете процветает колониальная политика. Кажется незбылемым представление об «обществе потребления» как безальтернативной и прогрессивной модели развития. Экономический детерминизм развития порождает также нарастание угроз для человечества при переходе к очередным технологическим укладам. Все отчетливее проявляются тенденции, дающие основание сделать вывод, что экономика утратила позицию доминирования в кон-

струировании будущего. Следует также выделить общую угрозу для всех технологических укладов, отстраненность техники и особенно технологий от этического осмысления. Эта точка зрения подвергнута ревизии философом Вячеславом Степиным в рамках постнеклассической науки, и она возвращается в лоно этической проблематики, но в отношении технологий этого в должной степени еще

не сделано. С этой точкой зрения соглашаются и наши ведущие экономисты Олег Богомолов, Руслан Гринберг и др. Все больше внимания уделяют механизмам общественного развития и их влиянию на развитие механизмов экономических. Приведенные соображения дают основания задуматься о границах применимости моделей, базирующихся на циклах Н.Кондратьева, а также о том, какой технологический уклад станет базовым в начале XXI века. На наш взгляд, преодолеть кризис экономической детерминации развития и обеспечить безопасность от нарастающих угроз неконтролируемого инновационного развития в сложившихся технологических укладах можно при переходе к предлагаемому нами опережающему VII социогуманитарному технологическому укладу. Для России такая постановка проблемы развития особенно актуальна, поскольку догнать развитые страны на технократическом пути развития представляется безнадежным, более того, к настоящему времени разрыв только увеличивается. Надо не догонять, а опередить и стать лидером высоких социогуманитарных технологий следующего поколения, которые окажутся неразрывно связанными с традиционными высокими технологиями. Именно в России существуют возможности разработки перспективных социогуманитарных технологий развития VII уклада в связи с тем, что общество устало от революционных переворотов, но одновременно присутствует общая неудовлетворенность существующими социальными институтами и проектами.

Фигура III и Фигура II.
А. Джакометти.
1960 год

Р.Н. Неолитическая революция заняла порядка 8 тысячелетий, переход к Темным векам растянулся на долгие столетия, капиталистический транзит захватил «длинный XVI век». Сегодня время скомпрессировалось, уплотнилось. Сколько лет может занять наблюдаемый фазовый переход?

Ю.К. Фактически весь XX век был преддверием этого фазового перехода. Сейчас время настолько сжалось, скорость изменений настолько высока, что у нас, боюсь, в запасе всего лишь 10-15 лет. Это и есть вызов – и не только для России, но и всего человечества. Все беды, которые мы переживаем, необходимо рассматривать не как личные несчастья, а как всеобщие всемирно-исторические проблемы и воз-

2.

Шива Натараджа.
Индия, Династия Чола.
X век

В.Л. Фазовый переход человечества в преодолении его бессубъектности развития, вероятно, будет очень длительным и весьма тяжелым. В фокусе детерминации процессов этого перехода будут процессы преодоления эгоизма как отдельных индивидов, так и эгоизма разного рода субъектов мирового сообщества. Как говорил известный классик: «Прежде чем объединяться и для того, чтобы объединиться, надо размежеваться». Попавшему в капкан «жесткой» глобализации человечеству прежде чем объединиться, сначала придется размежеваться. Пойдут бурные процессы децентрализации, что мы сегодня и наблюдаем на примере регионализации и разнообразных форм автономных поселений. Преодоление эгоизма будет связано с формированием этики стратегических субъектов, при которой действия каждого субъекта будут регулироваться не только и не столько исходя из индивидуальных интересов, а прежде всего с учетом

субъектов большего масштаба (метасубъектов), с которыми он себя идентифицирует. Базовым институтом формирования этики стратегических субъектов является семья, которая в масштабах современной глобализации сталкивается с новыми вопросами в виде ювенальной юстиции, однополых браков и т.п. Преодолевать эти негативы будет легче в меньших, чем человечество, масштабах социальных образований, на основе адекватных систем образования и воспитания, а также механизмов управления и развития, ориентированных на доминанту целого, а не на атомарную организацию общества. Эти процессы - на многие годы, скорее всего на весь XXI век.

3.

Р.Н. В настоящее время наряду с другими государствами Россия проходит зону турбулентности. Большие издержки и потери, очевидно, соответствуют, в том числе, ее географическому и природному масштабу. Пример – 2008-2009 года, когда по макроэкономическим показателям мы выскочили за пределы второй сотни пострадавших государств. Однако именно в сфере культуры у России могут быть свои нераскрытые возможности – «неприкосновенный запас», благодаря мощному историко-культурному фундаменту, многовековому наследию, потенциалу идентичности, особенностям психоисторического типа... Что именно из нашего духовного и материального наследия может быть положено в основание возникающей общемировой социокультурной реальности?

Ю.К. Я не считаю правильным разделение духовной культуры и материального слоя: духовные завоевания всегда материализуются, и наоборот - овеществленное наследие стимулирует духовный рост. Через прогрессивное хозяйствование нового типа, основанное на личности, нам нужно задать новую культурную парадигму развития. Личность, культура, развитие – это двигатель будущих изменений. Если мы не начнем новое расселение нашего народа, преобразование страны, все разговоры о духовной культуре окажутся бессмысленными.

3.

Золотое дитя.
Э. Неизвестный.
1995 год

4.

Р.Н. Насколько универсален отечественный опыт? Какова возможная сфера нашего социокультурного влияния – страны Евразийского союза, Европа/Азия, весь мир? Сможет ли Россия стать флагманом разворачивающихся антиглобализационных процессов?

Ю.К. Россия может существовать исключительно как планетарная мировая держава, которая продвигает все человечество вперед, это ее способ бытия. Иначе Россия будет проседать, разваливаться, ее поделят и уничтожат. Как пример можно привести XIX век, когда великая русская литература оказалась планетарным феноменом,

В.Л. С позиций философии науки доминанта XXI века будет в ориентации на формирование целостного представления социокультурной реальности и саморазвивающихся социальных систем (сред). В центре внимания окажется наследие русского космизма, основанное на холистическом мировоззрении, прежде всего идеи Николая Федорова, ноосферные представления Владимира Вернадского, коэволюционные модели Никиты Моисеева, гуманистическая трактовка философского конструктивизма Владислава Лекторского, устремленная в будущее постнеклассическая научная рациональность Вячеслава Степина и многие другие вклады ярких представителей нашей культуры.

преобразовавшим весь мир и до сих пор пронизывающим личность буквально каждого человека. Затем в XX веке уникальный советский опыт – космос, открытый Юрием Гагариным, и победа во Второй мировой войне - также трансформировали весь мир. Наша задача сейчас – задать про-

4.

блематику развития как планетарную задачу и вновь сделать Россию «авангардом человечества». Это единственный способ вывести Россию из кризиса, убогости и технологической, культурной и духовной деградации. Нам нужно опять сделать ставку на всемирно-планетарный способ бытия России - и тем самым спасти и Россию, и самих себя, и мир.

В.Л. Широко распространено мнение, что Россия и россияне весьма уникальны и ориентированы на мессианскую роль в поиске гармоничного и справедливого будущего для человечества. Как следствие за это приходится расплачиваться как в

связи с крупномасштабными экспериментами, так и в силу недовольства лидеров мирового сообщества, стремящихся установить свои эгоистически ориентированные порядки. Однако уникальность не противоречит накоплению универсального опыта, который, на мой взгляд, будет востребован далеко не только на Евразийском пространстве, в содружествах ШОС и БРИКС, но будет актуален для всего человечества. Проиллюстрирую универсальность российского опыта на примере развития одной из важнейших для всего человечества проблематики управления социальными системами. Эта проблематика фокусируется вокруг идей кибернетики. Исходные идеи кибернетики были сформулированы в работах отечественных ученых и, в первую очередь, Александра Богданова, незаслуженно отодвинутого мировой наукой на периферийный план. Норберт Винер стал родоначальником классической кибернетики (кибернетики первого порядка) – кибернетики «наблюдаемых систем». Далее Фон Ферстер стал основоположником кибернетики второго порядка – кибернетики «наблюдающих систем». В контексте этих двух кибернетик сосредоточена вся мировая современная проблематика управления. А что далее? Как выйти на решение проблемы целостности в управлении, как органично вписать в проблематику управления этические механизмы, обеспечивающие

Памятник
Тысячелетие России.
Скульпторы
М. Микешин, И. Шредер,
архитектор
В. Гартман.
1862 год

целость управления и развития? Прорыв в кибернетику третьего порядка возможен исключительно на мировоззренческих подходах и адекватных им представлениях философии науки, органично связанных с отечественной культурой, с упомянутым в ответах на предшествующие вопросы наследием нашей культуры, которое востребовано в XXI веке. Становление кибернетики третьего порядка – кибернетики саморазвивающихся сред - идет из России. Фактически это органично связано с формированием современных технологий VII социогуманитарного подхода. Наступило время превращения потенциала уникальности России в универсальный опыт, который будет активно востребован человечеством.

Р.Н. В эпоху распространения такого состояния, как «мировойна»/«войномир», развития практики гибридных войн, когда, по сути, нет ни локализованного театра военных действий, ни четкой линии фронта, историко-культурное наследие, даже в странах, остающихся за пределами непосредственных боевых соприкосновений, оказываются в зоне риска, или, лучше сказать, «рискогенной неопределенности». Каковы могли бы быть культуро- и градозащитные стратегии, позволяющие минимизировать, если не исключить потенциальный ущерб?

5.

Самоубийство.
Э. Неизвестный.
1958 год

5.

Ю.К. Все нынешние гибридные локальные войны - это пробы своих сил различными цивилизациями, это столкновение неуверенных цивилизаций в отсутствии у них позитивных планетарных проектов. Поэтому здесь вопрос не в войне и мире, а в том, насколько быстро и мощно мы, Россия, выдвинем свой уникальный проект развития для всего мира и человечества. Тогда сдвинется и диспозиция этих самых гибридных войн. В противном случае мы сами - проседаем, деградируем и примитивизируемся - будем все превращать вокруг себя в конфликты, вместо того, чтобы преобразовывать и преображать нашу великую страну, занимающую одну седьмую часть суши, другим типом расселения, другим способом жизни, переходом к ландшафтно-усадебной малоэтажной урбанизации и застройке. Мы обязаны сделать всё, чтобы наша молодежь получила возможность начать жить по модели «свой дом плюс своя квартира для каждой семьи», и жить распределённо, с возможностью перемещения, в том числе на основе сплошной авиатизации наших великих пространств. Вдумайтесь только: на Аляске с 750 тысячами жителей летает 9 тысяч малых самолётов, а у нас на 145 миллионов не более 2 тысяч летающих малых судов! Или во втором десятилетии третьего тысячелетия дом в России, занимающей седьмую часть суши, является ещё только мечтой у большинства населения, а если кто-то и начинает строиться, то практически каждый в одиночку вынужден заниматься и экономикой, и проектированием, и строительством, и инфраструктурами дома – индустриализация здесь и не ночевала. Разве это не дикость?..

В.Л. Проблема сохранения и востребования историко-культурного наследия оказывается неразрывно связанной с механизмами управления социальными системами. Берусь утверждать, что в условиях сложившихся механизмов управления не сформируется достойного внимания к историко-культурному наследию, нет гарантий его сохранения. В современных системах управления доминируют иерархические структуры, в которых неминуемо властная элита ставит свои эгоистические интересы выше общественных и имеет возможность успешно их реализовывать, что мы и наблюдаем на примере нашей страны. В сохранении историко-культурного наследия должно быть заинтересовано общество в целом, это его стратегический ресурс развития. Включенность общества в механизмы управления через англосаксонскую модель представительской демократии не позволяет ему существенно влиять на механизмы управления. Очевидная неадекватность этой модели связана с тем, что она не позволяет обеспечить выполнение важнейшего принципа управления, сформулированного Уильямом Эшби, согласно которому сложность системы управления должна соответствовать сложности объекта управления. Сложность иерархической системы крайне мала, а сложность современных социальных объектов крайне высока. Увеличить сложность системы управления можно на основе прямой демократии. А это связано с вышеупомянутым становлением кибернетики третьего порядка – кибернетики саморазвивающихся сред, с формированием VII социогуманитарного уклада, в котором будет высоко цениться и охраняться историко-культурное наследие.

Р.Н. Проекцией неолиберальной макроэкономической доктрины на систему расселения оказывается обезлюживание пространств страны, деградация и исчезновение средних и малых городов, сельских поселений. Вместе с ними по всей России ветшают и разрушаются сотни и тысячи памятников истории и культуры. Что делать, к примеру, если поселение по факту опустело, а храм или жилой дом, входящий в реестр памятников, приходит в упадок? Оставить как есть, вкладываться в консервацию, переносить в музеи под открытым небом, которые появились и получили распространение в последние десятилетия?

6.

Георгий Победоносец
с Фроловских
(Спасских) ворот.
1464 год

6.

Ю.К. Реализуя планетарно-всемирную доктрину развития, нам следует заново начинать осваивать, точнее, переосваивать свою страну. Каждый памятник культуры – колоссальная веха в освоении и новом переосвоении России. Там, где есть даже единичные памятники культуры, находят-ся форпосты как для аграрно-промышленных проектов, так и для градостроительных инициатив. Когда мы говорим о памятниках культуры, не стоит забывать о наших деревнях – ведь это совершенно уникальные образы и пространства, наши деревни – сами по себе памятники, хотя и вне такого статуса. Нам жизненно необходим реестр всех деревень, в особен-

ности тех, где еще остались жители, и необходимо продумывать концепцию их спасения, каким образом восстановить там жизнь. Но и умершие деревни надо восстанавливать хотя бы в коллективной исторической памяти. Это колоссально важная задача сегодняшнего дня, все наши силы - в этом культурно-историческом наследии. Это наш грандиозный духовный ресурс, на котором уже строится и материальное, и экономическое, и финансовое благосостояние. Как эти объекты культуры превратить в конкретные эффективные технологии – это то, что нам предстоит придумать и реализовать.

В.Л. Поиск решения проблемы сохранения памятников культуры на обезлюженных просторах нашей страны связан с постановкой двух простых вопросов: «А нужно ли в стране наращивать масштабы мегаполисов и кто в этом заинтересован?».

«Почему в России во много раз меньше городов, чем в США с меньшей территорией, и, более того, число городов в нашей стране продолжает сокращаться?». Из ответов на эти вопросы следует, что градостроительная политика России явно ориентирована не на интересы общества и, соответственно, не на национальные интересы, а имеет целью интересы узкой группы лиц.

Пересмотр градостроительной политики и ориентация на современные социогуманитарные технологии организации городов и поселений как саморазвивающихся сред гарантированно позволит обеспечить возможность сохранения историко-культурного богатства нашей страны.

Р.Н. Министерством культуры РФ инициирован проект «Россия. Наследие», предусматривающий создание информационно-аналитического портала. Он нацелен на охрану историко-культурного наследия, но выходит далеко за рамки узкоспециальной проблематики. Ваше отношение к такому широкому – неспециализированному – взгляду на мир и место в нем нашей страны. Насколько это соответствует, во-первых, моменту, а во-вторых, архетипам всеотзывчивости и полифоничности русской культуры?

7.

Ю.К. Это полностью соответствует нашему архетипу. Проблематика развития, которую мы должны нести в мир, строится именно на неотрадиционных основаниях. То есть, с одной стороны, опора на традиции, даже антимодернизм, но не за счет отказа от нового и от развития, а за счет полного переосмысления своей традиции

7.

Выставка
«Степан Эрзя –
скульптор мира»

и ставки на прорывные прогрессивные технологии. Мы должны выделить в ней главное и превратить в ведущий ресурс развития как России, так и всего мира. Актуальность этого переоценить невозможно. И надо с этим спешить.

Материал
подготовили
Дмитрий Фесенко
и Юлия Ракитина

В.Л. Проект «Россия. Наследие» без переформатирования всей системы управления страной не выведет Россию из системного кризиса. Однако он крайне актуален и может рассматриваться как центр кристаллизации сил, ориентированных на развитие страны. Через культуру человек может понять и принять другого, через культуру мы идентифицируем себя с коллективным субъектом и формируем этику стратегических субъектов. Через культуру организуются современные пространства коммуникации разнопредметных специалистов в трансдисциплинарном подходе. Через культуру мы можем вскрывать неявные (личностные) знания творцов. Можно назвать еще много важных процессов, которые нельзя организовать вне активного включения культуры. Если мы хотим жить в процветающей стране, то мы должны любить, оберегать и уметь использовать потенциал культуры как для личного, так и для общего развития. Учитывая эти соображения можно утверждать, что проект «Россия. Наследие» в высшей степени актуален для страны, которая находится на перепутье.

КТО ОН?

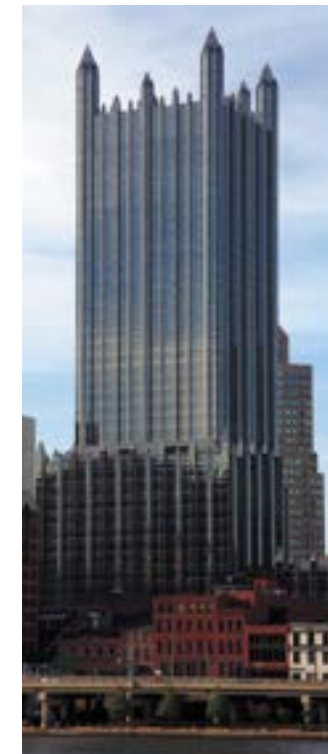
Архитекторов можно условно разделить на две категории – тех, кто во главу угла ставит собственное творческое «я» и носит с ним как с писаной торбой, безотносительно к локализации и параметрам застраиваемого участка, и тех, для кого профессиональный этос неразрывно связан с рефлексией относительно места – собственного и любого нового проекта – в архитектурной истории, в структуре города, в ленте застройки. Речь не идет о том, что первая позиция – ущербна, а вторая – безупречна, или наоборот. Мир, в том числе архитектурный, многообразен, кроме того, исходные условия разнятся, да и фармацевтически чистые, беспримесные творческие кредо – вещь редкая. Так что имеют право на существование профессиональные позиции как «с обременением», так и «без одного».

АРХИТЕКТОР, РАБОТАЮЩИЙ С НАСЛЕДИЕМ И ДЛЯ НАСЛЕДИЯ

Комплексная реконструкция двух домовладений,
I-й Зачатьевский переулок 4• (см. стр. 35)

1.

Здание
Триумф-Палас.
Архитекторы А. Трофимов,
Е. Трецилина, В. Штеллер,
О. Маркова

Небоскреб
ПиПиДжи Плаза
в Питсбурге.
Архитектор Ф. Джонсон

В данных заметках мы сосредоточимся на фигуре архитектора, склонного соотносить поставленную проектную задачу с существующей рамкой, воспринимать мир не как лежащий перед ним чистый лист. Разные специалисты определяют это по-разному. К примеру, А.Скокан употребляет понятие «градостроительная вежливость», В.Юдинцев выводит красивую формулу «Город важнее, чем здание», а Н.Душкина говорит об архитекторе, работающем с наследием и для наследия. Тем не менее факт наличия такого сообщества, «клуба по интересам» внутри цеха, решительно отвергающего демиургическую позицию – бесспорен.

Эта профессиональная общность неоднородна, она имеет внутри себя ряд градаций. Ангажированность историей может зиждиться на различных основаниях, исходить из разных посылок, определяя специфику видения предмета, претворения историко-архитектурных пластов в актуальной проектной практике. Попробуем инвентаризовать и кратко описать эти различные модусы отношения к архитектурной истории.

1.

Прежде всего, это сведение ее к набору стиливых признаков, когда во главу угла ставится внешняя атрибутика того же ар-нуво, классики или конструктивизма. Причем референс-объект может располагаться где угодно – хоть за тысячи верст от проектируемой площадки. Формообразующие принципы остаются в стороне, уступая место детали. Сугубо поверхностная оптика, пусть и имеющая право

на существование. Лужковский стиль – показательный пример. Но не только – к примеру, даже выдающиеся мастера типа Ф.Джонсона не чурались работы «по образцу», в качестве которого мог выступать шкаф в стиле «чипендейл» или «универсальное пространство» Л.Миса ван дер Роэ. Муляж, пастиш, фейк – так именуют недоброжелательно настроенные критики данный творческий продукт.

2.

Другой способ припадания к историческому источнику – вчувствование, переживание физической субстанции памятника, чему нередко сопутствует влюбленность в его историко-культурный бэкграунд, окружающую его культурную ауру – то есть мемориальная ценность. По сравнению со стиливой привязкой это чувство не в пример более глубокое, интеллектуально фундированное и культурно насыщенное. Н.Тютчева в Руине, а Н.Лызлов в реконструируемом офисном здании на 2-й Боевской улице бережно сохраняют и восстанавливают натерпевшуюся, траченную временем плоть здания – от вычинки кирпича до восстановления случайно обнаруженной фрески сталинского времени. Современные же включения оказываются на отnose, на контролируемой дистанции от «родной» материи. История благоговейно сохраняется, новое же оказывается видимым, артикулированным.

Еще один вариант взаимоотношений с историческим наследием предполагает более широкую – выходящую за границы конкретного объекта - адресность, связанную со средовым мироощущением, воссозданием некогда присутствовавшей и выделяющей данное место из всех прочих атмосферы, того, что называется *genius loci*. Урбанистическая основа, социально-функциональное наполнение,

исторические или – как вариант – историзирующие – детали, – в данном случае все важно, все работает на обращение к идеальному образу места, пусть и отличающемуся от своего исторического предшественника. Характерный пример подобного профессионального подхода – это проектные предложения И.Уткина по реновации районов Сыромятники и Кадаши в Москве.

2.

Реконструкция
под офисное здание
на 2-й Боевской улице
в Москве.
Архитекторы
Н.Лызлов, Ю.Головина,
А.Шомова

3.

Проект жилого
района в
Кадашевской
слободе.
Макет. «Студия
Уткина»

4.

Следующая версия диалога практикующего архитектора с историей также предполагает выход на урбанистический уровень. Речь идет о ландшафтных или градостроительных особенностях и ценностях данного места и окружающей территории как изначальном проектном импульсе. В работах А.Скокана или В.Юдинцева отправной точкой проекта являются такие градостроительные сущности, можно сказать, константы, как парцелляция, трассировка улично-дорожной сети, пробежавший вдоль участка, а сейчас упрятанный в трубу ручей, когда-то стоявший здесь каретный сарай или конюшня, столетний дуб и т.п. Геоподоснова в широком смысле слова задает конфигурацию плана и морфологические характеристики объекта – независимо от того, новое это строительство или реконструкция. Оболочка же, кожа здания играет вторичную – вспомогательную – роль. При этом, как правило, применяемый архитектурный язык носит отчетливо современный характер.

Комплексная реконструкция
двух домовладений,
1-й Зачатьевский переулок.
Архитекторы
А.Скокан, Р.Баишев,
И.Воронежский,
К.Гладкий и др.

5.

Наконец, нельзя не упомянуть о сугубо консервационном подходе, когда архитектор считает возможным восстановить все, «как было». Будто бы с помощью аутентичных материалов. Впрочем, за такого рода утопиями чаще стоят градозащитники и узкий слой реставраторов. Искомая подлинность, как правило, оказывается недостижимой по множественным причинам: от утраты ремесленных навыков и отсутствия исторических строительных технологий до нехватки финансовых и материальных средств. Не говоря уже о возникающих профессионально-этических проблемах. В реальной жизни вышеперечисленные формы взаимоотношений архитектора с наследием нередко переплетаются, образуя множество комбинаций. Н.Тютчева идет не только от материальной субстанции объекта, но и от урбанистических особенностей места. А для А.Скокана средовые вибрации оказываются не менее значимыми, чем сетка исторически сложившегося планировочного каркаса. Тем не менее обозначенные векторы позволяют более пристально взглянуть на способы и методы работы

архитектора в историческом городе. В настоящее время мы становимся свидетелями исторического сдвига в направлении признания историко-культурного наследия важнейшим источником и фактором развития современного города. Соответственно все более востребован архитектор, способный пропускать сквозь себя Историю, любящий и знающий Город, не мыслящий проектную работу вне реалий конкретного Места. Для города и объектов культурного наследия – это добрый знак.

Дмитрий Фесенко

Реконструкция
и реставрация вокзала
во Владивостоке

Этим материалом «РН» открывает рубрику, порт্রেтирующую архитекторов и реставраторов, для которых история архитектуры и культуры является непреходящей ценностью. Не только на словах.

АЛЕКСАНДР СКОКАН

Генеральный директор
АБ «Остоженка»,
член-корреспондент
РААСН

Р.Н. Архитектурный цех можно условно разделить на две половины – архитекторов, проецирующих вовне собственное «я», и архитекторов, пропускающих сквозь себя архитектурную историю, прислушивающихся к городу и конкретному месту. По-вашему, и та, и другая позиции имеют право на существование?

А.Скокан. Я думаю, что эти две части в равных или неравных долях присутствуют в каждом архитекторе. Просто какая-то из них бывает недоразвитой.

Р.Н. И все же вам ближе вторая – исторически фундированная – позиция. Нужно ли специально культивировать, воспитывать такой дружественный городу профессиональный взгляд? Или «пусть течет как течет» - разумнее положиться на естественные механизмы профессионального самоопределения и самоорганизации? К примеру, эксперт в области сохранения наследия, профессор МАрхИ Н.Душкина ратует за интенсификацию исторического «приземления» студентов-архитекторов, расширение и специализацию круга историко-архитектурных и историко-градостроительных дисциплин, воспитание профессионала, способного работать в историческом городе, квалифицированно взаимодействующего с реставраторами и специалистами по охране наследия. Ваш взгляд на эту проблему.

А.С. Н.Душкина как всегда права. А что касается меня, то мне кажется, что проблема серьезнее и глубже. И идея охраны и сохранения наследия по-настоящему не укоренена (а скорее - искоренена) в нашей культурной традиции. Если она появляется, то на потребу сегодняшнему политическому моменту, и все кончается либо обществом «Память», как это имело место двадцать лет назад, либо невнятным «Русским миром», либо просто патриотизмом. Поэтому трудно рассчитывать, что эта работа со студентами принципиально изменит ситуацию, хотя любые усилия в этом направлении, безусловно, должны поощряться.

АБ "Остоженка"

Здание
Международного
Московского
банка.
Архитекторы:
А. Скокан,
В. Каняшин,
Р. Баишев,
J. Pallasmaa,
Davidson
& Lindeberg
(Финляндия).
1995 год

Р.Н. Архитекторы, ангажированные историей, образуют как минимум пять профессиональных общностей. Первые во главу угла ставят внешние – стилевые – признаки. Вторые исходят из качеств материальной субстанции исторического объекта. Третьих вдохновляют средовые качества места. Четвертые акцентируют его градостроительные и ландшафтные особенности. Пятые ориентированы на воссоздание утраченного исторического объекта. На ваш взгляд, насколько подобная классификация соответствует реальному положению дел?

А.С. Я думаю, что архитекторы-практики не будут согласны с такой дифференцированной классификацией. Они скажут, что все эти свойства или обстоятельства всегда имеют место, но в разных пропорциях. И в зависимости от конкретной ситуации.

Р.Н. В предложенной профессиональной матрице первый, стилистический, и последний, консервационистский, таксоны культурно и интеллектуально как бы не дотягивают до остальных. Или это излишне идеологизированная интерпретация? Если следовать данной модели, ваши работы можно причислить к градостроительно и ландшафтно обусловленным. Это заведомое упрощение? Очевидно, вы обнаружите созвучия и в субстанциональном, не говоря уже о средовом таксоне?

А.С. В каждом проекте выстраивается уникальная конфигурация, обусловленная: этим местом; этим заказчиком и его ТЗ; этим временем; этим архитектором или этой командой архитекторов. Мой ответ, может быть, не вполне адекватен вопросу, но мне кажется, что я просто перевел его на свой язык.

Р.Н. С точки зрения интересов города – насколько озвученные профессиональные позиции ему компли(е)ментарны? И любая из них по-любому более щадяща по сравнению с позицией «без обременения», озабоченной объективацией собственного «я»?

А.С. Не так много найдется архитекторов, чья уникальная творческая позиция могла бы заставить условный «город» поступиться своими интересами или «обременениями».

Жилой и офисный комплекс
«Кленовый дом»
на Пречистенской
набережной. Архитекторы:
А.Скокан, К.Гладкий,
К.Капустина,
инженер А.Конарев.
2015 год

АБ "Остоженка"

Р.Н. Еще в середине 2000-х годов эксперты из охранительного лагеря били тревогу, пугая угрозой исчезновения профессии реставратора. Воссозданием, а нередко и реставрационными работами занимались «чистые» архитекторы. Сегодня произошла инверсия: архитекторы – в роли изгоев, реставраторы – более чем востребованы. Уже наметились переквалификация и переток из проектных организаций в реставрационные. Остается печально взирать на кульбиты, выписываемые русской историей?

А.С. Чтобы подтвердить или опровергнуть это наблюдение, нужно было бы иметь статистику на этот счет. Я же наблюдаю скорее переток, и не только архитекторов, в «урбанисты», которые сейчас так же популярны, как сколько-то лет тому назад «дизайнеры».

Р.Н. В настоящее время охрана наследия и реставрация вслед за урбанистикой образуют второй полюс лидерства внутри профессионального цеха, отвечая на исторические подвижки внутри матрицы культуры.

Однако последний вопрос – вам приходилось работать рука об руку с реставраторами. Насколько успешен был этот опыт? Как в идеале должны распределяться обязанности? Всегда ли архитектор лидирует в этом тандеме?

А.С. К сожалению, я не могу вспомнить опыта сотрудничества с реставраторами. Но думаю, что если это настоящий профессионал, то работать с ним будет интересно и полезно. Как это было в случаях сотрудничества с художниками, историками, искусствоведами, географами, экологами, инженерами и другими мастерами.

1915 год

Барановский из безземельных крестьян Смоленской губернии. В 1912 году поступил в Московское строительное-техническое училище, где учился заочно, на правах вольного слушателя. Подрабатывал помощником архитектора в Москве, Туле и Асхабаде. В 1914 году, недоучившись, был мобилизован на фронт. В чине подпоручика служил в Третьей инженерной дружине, руководил строительством военных укреплений на Западном фронте. Находил время для обследования памятников деревянного зодчества XVII–XVIII веков на территории Волынской губернии и Полесья.

После Первой мировой, весной 1918 года, Барановский с золотой медалью окончил Московский археологический институт (из 27 предметов – 26 на «отлично»), и сразу же был зачислен в Московское археологическое общество.

Тема его диссертации – Свято-Троицкий Болдин монастырь в Смоленской области. Одной из жемчужин Болдина была усыпальница князей Долгоруковых. Молодому реставратору удалось убедительно доказать авторство архитектора Федора Савельевича Конь, который построил Белый город в Москве и Смоленский кремль.

«ДОКТОР-РЕСТАВРАТОР» ПЁТР ДМИТРИЕВИЧ БАРАНОВСКИЙ

Пётр Дмитриевич Барановский – архитектор, реставратор памятников древнерусского зодчества, основатель музея в Коломенском и музея имени Андрея Рублёва в Андрониковом монастыре. Это имя известно каждому мало-мальски понимающему в вопросах реставрации памятников человеку, Барановский не нуждается в представлении, хвалебные эпитеты неуместны рядом с ним. «Нельзя не вспомнить с благодарностью», – так сказал о нем Святейший Патриарх Алексий II.

Лишь спустя несколько десятилетий, в 1963 году, Барановский добился начала реставрационно-восстановительных работ в обители, но заканчивать проект пришлось его ученику, архитектору-реставратору Александру Михайловичу Пономарёву.

Тем временем в стране полыхала гражданская война. Применение тяжелой артиллерии в городах наносило катастрофический урон архитектурному наследию. Всем известны кадры последствий обстрела большевиками Кремля. Крупное восстание охватило Ярославль. Белогвардейский «Союз защиты родины и свободы» и вооруженные силы под командованием полковника Перхурова заняли центр города, расположив свой штаб на Богоявленской площади, возле Спасо-Преображенского монастыря. Большевики вели ураганный обстрел из артиллерии и бронепоездов со станции Всполие, было сброшено более 12 пудов динамитных бомб. Многие памятники архитектуры были беспощадно разрушены, в городе бушевали пожары.

Петр Барановский вместе с Игорем Грабарем добились согласия властей на проведение консервационных работ. Сильные дожди могли погубить уникальные фрески. Здания, оставшиеся без кровли, прикрывались брезентом. Барановский вспоминал: «Будучи назначенным руководителем работ, я организовал там сперва реставрационную комиссию из местных знатоков старины, специалистов-строителей, а потом – мастерскую. Первые четыре года был просто руководителем и

Свято-Троицкий
Болдин монастырьСеверная экспедиция,
1920-е годы. Г.О.Чириков
и П.Д.Барановский

исполнителем работ. Последующие шесть лет – председателем реставрационной комиссии и научным руководителем». Параллельно с противоаварийными и ремонтными работами он исследовал древние постройки, изучал кирпичную кладку, следы срубленных наличников, поясков, карнизов. Основные открытия были сделаны им при исследовании митрополичьих палат, которым удалось в процессе реставрации вернуть изначальный облик. Барановский восстанавливал памятники в Угличе, Ростове Великом, Мологе. Период после окончания гражданской войны и до начала сталинизма Петр Дмитриевич вспоминал как самый счастливый и плодотворный. Это был настоящий подъем новых направлений в науке и общественной жизни. В перерыве между двумя эпохами массового террора

творческая интеллигенция смогла вздохнуть свободно и заняться исследованием тайн древности. В эти годы Барановский проводит историко-архитектурные экспедиции: Беломорско-Двинскую, Новгородскую, Обонежскую, Карельскую, Соловецкую, Беломорско-Онежскую, Грузинскую, Белорусскую, на Верхнюю Волгу.

В 1933 году Барановский был репрессирован и отбыл трехлетнее заключение и ссылку в Мариинском лагере в Кемеровской области. После освобождения экспедиции были продолжены: в Западную Украину (1955), Азербайджан (1938), по памятникам Кавказской Албании (1939-1941), в Дербент (1940). Для реставратора большое значение имела проблема культурных взаимосвязей, рецепций и преемственности между разными культурами на Кавказе. Во второй половине 1940-х годов он проводит три подряд экспедиции по теме «Связи в архитектуре Древней Руси с Кавказом, Византией и Балканскими славянами». Он проводит обмеры и обследования памятников, фотофиксацию, занимается эскизным проектированием. Произведенные им во время экспедиций

обмеры имели огромную ценность, по ним было возможно точное восстановление утраченных памятников. При производстве обмеров власти не предоставляли технической поддержки, а постройки, особенно колокольни храмов, были очень высокие. Барановскому приходилось всё делать вручную, используя свою находчивость, изобретательность и подручные материалы. Архитектор-реставратор Гунькин, участвовавший в экспедициях Барановского, писал: «Вспоминается случай настоящего бесстрашия Петра Дмитриевича. Нужно было сфотографировать фрагмент первоначальной кладки в Пятницкой церкви. Но как? Лесов нет. И он берёт доску, выпускает один её конец далеко от стены, а второй закрепляет. Становится на доску лицом к стене и, пятясь понемногу, доходит до места, откуда

В 1941 год Пятницкая церковь XII века в Чернигове практически полностью была разрушена. Благодаря исследованиям руин этого памятника архитектор П. Д. Барановский смог воссоздать его первоначанный вид

Реставрационные работы на Крутицком подворье под руководством П. Барановского велись с 1949 по 1979 годы

нужный ему фрагмент входит в кадр». Барановский начал реставрацию Казанского собора на Красной площади, однако собор был снесен властями. Но именно по чертежам Барановского Московскому городскому отделению ВООПИиК в начале 1990-х годов удалось разработать проект и добиться восстановления собора. Одним из основных достижений Барановского стала реставрация Коломенского. Здесь проявились его черты организатора: повышенная требовательность, высокий профессионализм, отсутствие права на ошибку, энциклопедические знания. Он оказался не только великолепным архитектором и реставратором, но и блестящим музейным работником. Созданная в Коломенском экспозиция прослеживала историю от времен Дьяковского городища до правления царя Алексея Михайло-

вича. Коллекция музея выросла с нуля до нескольких сотен экспонатов и книг. Важнейший этап в жизни реставратора – возрождение Крутицкого патриаршего подворья, памятника XIII–XVI веков. Работы Барановский вел в составе коллек-

тива Центральных научно-реставрационных мастерских, а с 1969 года - в рамках Научно-реставрационной мастерской МГО ВООПИиК. Крутицкий дворец находился в аварийном состоянии. Терем завалился, разъезжались стены, нуждался в замене фундамент. Успенский собор был практически неузнаваем. Здесь обучались мастерству будущие каменщики, белокаменщики, резчики, позолотщики, мастера и подмастерья, начинающие реставраторы, здесь рождалась московская реставрационная школа. Академик Виноградов писал: «У нас была мечта – освободить всю территорию Крутицкого подворья от посто-

П. Барановский спас от уничтожения и Спасо-Андроников монастырь. Исследователь в руинах комплекса сумел «рассмотреть» сохранившиеся драгоценные древности - белокаменный Спасский собор начала XV столетия и трапезную палату начала XVI века. На фото – работы по восстановлению монастыря. 1950-е годы

После обмеров и фрагментарной реставрации власти начали снос древнего здания палат Старого Английского двора на Варварке. П. Барановскому потребовалось немало усилий, чтобы остановить это варварство, а реставрационные работы, проведенные в 1968-1972 годах великим реставратором, позволили вернуть Москве этот памятник

Барановского в 1959 году великий советский авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев, надев генеральскую форму, лично приехал во двор бывшей усадьбы Головиных в Кисловских переулках и попытался остановить снос. Но производивший работы лейтенант-сапер выдворил генерала Туполева со стройплощадки, объяснив, что служба, мол, такая... В связи с этим вспоминается аналогичный случай из дореволюционной истории России. В занятом русскими войсками турецком городе Трапезунде сохранялось огромное количество древних византийских памятников. Туда прибыл выдающийся археолог академик Федор Иванович Успенский. Надев генеральскую форму, соответствовавшую его гражданскому чину по табели о рангах, он явился к

командующему гарнизоном города и получил поддержку и людей для проведения необходимых исследований и раскопок. То были другие времена и другая страна. Через два года после уничтожения головинской усадьбы происходит еще один случай, глубоко потрясший Петра Дмитриевича: в Витебске сносят один из древнейших русских храмов – Благовещенскую церковь XII века. Предлог прост: горком партии принял решение построить на его месте танцевальную площадку для молодежи. Барановский вел «поминальник» - реестр уничтоженных архитектурных памятников. Одним из главных достижений работы Барановского в области охраны памятников культуры стало создание клуба «Родина», в который вошли такие мэтры, как Павел Корин, Леонид Леонов, Сергей Конёнков, Илья Глазунов, Игорь Русакомский, а также космонавт Леонов и авиаконструктор Антонов. В 1965-1966 годах с группой единомышленников Барановский добился создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Эта организация в течение пятидесяти лет изучает, реставрирует и сохраняет от уничтожения историко-архитектурное наследие нашей Родины.

В своих воспоминания архитектор Олег Журин назвал Барановского «доктором-реставратором», подчеркивая его отличие от «врачей-реставраторов». По его словам, Петру Дмитриевичу была свойственна универсальность, умение сразу же выявить проблемы состояния памятника, найти неординарные способы их решения. Барановского отличала феноменальная память, тонкая интуиция, искренняя любовь к «пациенту».

Другая грань личности – семейная жизнь. По словам его дочери, Ольги Петровны, это был удивительно скромный человек. Большую часть жизни вместе с супругой Марией Юрьевной Петр Дмитриевич прожил в Новодевичьем монастыре, в

Памятная доска Петру Дмитриевичу Барановскому на Крутицком подворье

Москва. Донской монастырь. Некрополь.
Могила Петра Дмитриевича Барановского

пристройке к крепостной стене, рядом с местом заточения царевны Софьи. Их соседом был известный художник, граф Василий Павлович Шереметев (1922-1989). Позднее семье Барановского выделили отдельную комнату в здании больничных палат монастыря, а уже потом, под конец – отдельную квартиру.

Петр Дмитриевич первым в России сформулировал методы консервации руин памятников архитектуры, первым предложил создать комплексные охранные зоны для групп памятников, первым в России разработал и применил способ восстановления взорванных памятников, первым применил метод фрагментарной реставрации памятников. Он инициировал и создал музей Андрея Рублева, определил точное место погребения великого художника. А еще он восстановил после Великой Отечественной войны исторические города: Смоленск, Псков, Новгород, Юрьев-Польской, Вязьму, Керчь, Феодосию. В России нет памятника Петру Дмитриевичу Барановскому, нет улицы Барановского или хотя бы переулка. Есть несколько установленных благодарной общественностью памятных табличек, одна из них - рядом с той комнаткой в Новодевичьем монастыре, которую ему выделила когда-то советская власть.

Радетель русской культуры

Эссе Игоря Михайлова

Говорить о нем можно только вздохом с непереносимым комом в горле, совсем некультурно размахивая руками и глядя воспаленным взглядом на недоумевающих и обескураженных слушателей.

- Да понимаете ли вы, что это за человек? Это...это...Барановский!

О Барановском ходят легенды. Причем легенды эти давно преодолели границы. В конце прошлого года, к примеру, по Красной площади, вспоминая, кстати, итальянских зодчих, прогуливались два итальянца: знаменитый певец Альбано Каризи и известный телеведущий Rai Бруно Веспа. И Бруно рассказал своему приятелю историю о том, как Сталин распорядился снести Казанский собор, но архитектор закрылся в храме, и его потом сослали в лагерь...

История эта с годами лишь обрастает подробностями. А в русской Википедии написано: «Считается (некоторыми публицистами, но без убедительных на это обоснований) спасителем храма Василия Блаженного от уничтожения».

А вот писатель, исследователь творчества Ремизова в своей книге «Московские были-небылицы» Игорь Абрамович Попов пишет: «Петр Дмитриевич Барановский – выдающийся архитектор и реставратор, человек-легенда. Это он спас храм Василия Блаженного, обреченный в середине 1930 годов. на снос. Собою спас, телом своим. Закрылся в храме, заявив: «Взрывайте вместе со мной!..» И храм уцелел. Самого архитектора после этого выслали из Москвы».

Так Казанский собор или храм Василия Блаженного? Да оба!

Эта драматическая история хорошо изложена в книге «Петр Барановский: труды, воспоминания современников», выпущенной в 1996 году.

В ней неброская, почти стенограмма, автобиография:

Родился я в 1892 г. в селе Шуйском Вяземского уезда Смоленской губернии в семье безземельного крестьянина-ремесленника и после начального обучения на родине получил высшее образование, окончив Московское строительно-техническое училище в 1912 г., а затем Московский археологический институт по отделению истории искусств в 1918-м.

Шуйский уезд был щедр на таланты. По соседству в селе Гумнищи Шуйского уезда родился символист Константин Бальмонт, чуть позже провозгласивший:

Будем, как солнце!

Петр Дмитриевич Барановский – солнце русской реставрации! Даже простое перечисление памятников, которые он спас, иной раз своими руками, как в случае с Английским подворьем, которое чуть было не уничтожили при строительстве гостиницы «Россия», займет немало места: Спасо-Андрониковский

монастырь, Коломенское, домик Петра I, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, Троице-Сергиева лавра, Александровская слобода, Ярославский кремль, Ростов Великий, Углич, Смоленск, многое-многое другое.

1930-е годы. Советская власть самоутверждается путем неустанной борьбы с мракобесием. И Моссовет принимает решение о сносе Казанского собора и Воскресенских (Иверских) ворот с часовней. Именно тогда прозвучат, словно трубный глас, слова первого секретаря Московского областного, а затем и городского комитетов партии Лазаря Кагановича:

«Моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь».

Собор устоял, сломали его, когда в борьбу с пережитками прошлого на должность секретаря МГК ВКП(б) вступил Никита Хрущев.

Все это довольно подробно изложено в книге. Колорит времени и непостижимая загадка звучит в этих строках, когда ученому-реставратору были предъявлены обвинения в утаивании «богатого материала, собранного по периферии по памятникам искусства и старины», в «аполитичной» защите памятников, в «некритическом отношении» к распоряжениям администрации о проведении реставрационных работ для церковных общин за их счет и в том, что он «в общественной работе никакого участия не принимает».

Непостижимо, как все это богатство, которым мы сегодня любимся, сохранилось?

Ведь это сейчас публикация в газете – повод для досужих сплетен, а тогда это был почти что приговор. Вот гневный заголовок газеты «Безбожник»: «Реставрация памятников искусства или искусная реставрация старого строя?». А потом вдогонку еще статья Давида Заславского в газете «За коммунистическое просвещение»:

«Они (сотрудники ЦГРМ.— Ю.Б.) надували советскую власть всеми средствами и путями... Советская лояльность была для них маской. Они верили, что советская власть скоро падет, они ждали с нетерпением ее падения, а пока старались использовать свое положение... Они жаловались на то, что при старом, при царско-поповском строе церковь мешала развернуть по настоящему научно-исследовательскую работу по древнерусскому искусству... А когда пролетарская власть, отделив церковь от науки, искусства, политики, культуры, впервые предоставила им возможность полностью отдаваться науке и искусству, что они сделали, верные сыновья буржуазии? Они снова превратили науку в церковь, искусство — в богомазную, а все вместе — в необыкновенное церковно-торговое заведение...»

В результате «Ударник сибирских лагерей» выйдет на свободу

после трехгодичной отсидки в 1936 году. И первым делом с риском для жизни, так как ему запрещалось пребывание в Москве, направится на Красную площадь делать замеры руин Казанского собора!

Если бы не эти замеры Барановского многих жемчужин из сокровищницы русской церковной архитектуры мы сегодня бы не досчитались...

Я вот все думаю, неужели он в те годы, с рулеткой замеряя руины древних стен, а, по сути, рухнувшего в небытие государства, верил в то, что когда-нибудь это кому-то понадобится? Что все это восстанет из праха?

Значит верил! И эта вера его спасала и памятники!

Нам, нынешним, наверное, не понять тех людей, которые, словно пчелы (кстати, Веспа с итальянского переводится как пчела), не зная устали, наград, а у Барановского до 1947 года не было даже ученой степени, не щадя в буквальном смысле живота своего, трудились на благо того, что на его глазах превращалось в миф.

Александровская слобода, 101 километр, где и по сей день стирают клешами пыль со стариной мостовой в районе реки Серой «выпускники» Владимирского централа. Бывшая резиденция Иоанна Грозного, где он по преданию убил своего сына. Правда, в последнее время этот исторический миф историками развеян в пух и прах. Но не сносить бы Троицкому собору главы, если бы сосланный сюда зек не включился в кипучую деятельность по сохранению кремля!

А Георгиевский собор в Юрьеве-Польском? Мистический русский иероглиф на его стенах по сей день не разгадан. Но он проступает сквозь время, как начертанные на пиру Валтасаровом письмены, благодаря Барановскому!

Ах, да что там говорить. О таких людях песни надо слагать, былины:

Богатыри - не вы!

Плохая нам досталась доля или нет? Об этом пусть рассудят наши неблагодарные потомки. А мы сегодня должны вспомнить и не забывать это славное имя русского реставратора!

Память о Петре Дмитриевиче хранит пантеон Донского монастыря. И памятная доска на стенах Крутицкого подворья: Великому реставратору и радетелю русской культуры П.Д. Барановскому. Дворец Крутицких Митрополитов 14-18 вв. С 1950 по 1984 год восстанавливался под руководством Петра Дмитриевича Барановского.

1984 год: стало быть, он работал до конца своих дней.

Скромный труженик, почти монах, не умеющих рассказать о себе, ставший мифом.

Или просто:

Петр Дмитриевич Барановский!

Деревянная архитектура – это наиболее уязвимый пласт историко-культурного наследия. При этом угрозы для объектов деревянного зодчества в городах и сельских поселениях заметно различаются: если в первых основными факторами риска сегодня являются лакомость участков, на которых они располагаются, и ухудшение состояния окружающей среды, то во вторых по-прежнему главным оказывается общественное небрежение и отсутствие средств. В результате объекты деревянной архитектуры продолжают гибнуть с пугающей регулярностью – по оценкам экспертов, за последние четверть века количество памятников деревянного зодчества сократилось вдвое. Анкета «РН», в которой мы постарались охватить максимально широкий круг проблем сохранения деревянной архитектуры российских городов и сел, адресована ведущим специалистам в этой области. Отвечают Марк Гурари, Ольга Севан, Андрей Бодэ

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО СПАСТИ И СОХРАНИТЬ

Марк Гурари

Архитектор, заместитель
председателя Совета
по градостроительному
развитию Москвы Союза
московских архитекторов

Ольга Севан

Кандидат архитектуры,
заведующая сектором
Российского института
культурологии, член ИКОМОС
– Комитета по народной
архитектуре – CIAV

Андрей Бодэ

Архитектор-реставратор

«Россия. Наследие»: Проблемы охраны и реставрации памятников деревянной архитектуры в городах и сельской глубинке заметно отличаются. Над городскими объектами нависла главная угроза – со стороны девелоперов. В то время как в сельской местности основные факторы риска – это непонимание значимости культурного наследия и дефицит ресурсов. Соответственно должны различаться и подходы к сохранению – в зависимости от месторасположения объектов деревянной архитектуры?

Марк Гурари: Конечно, в этом случае подход нужен разный. Чтобы усилить внимание к сельским объектам наследия, необходима умелая организация культурного туризма, а в городе важнее определить значение памятника, например, если он является символом города. Поэтому нельзя разделять памятники только по архитектурно-художественной ценности, очень важна их смысловая и градостроительная роль. Скажем, храм Христа Спасителя нужно было восстановить потому, что он очень много значит для народной истории, хотя с точки зрения архитектуры далеко не все архитекторы от него в восторге. К деревянной архитектуре это также относится: обратный

Сретено-Михайловская
церковь в Красной Ляге.
XVII—XIX века

пример - Кижы – это не просто туристическая достопримечательность, но шедевр - весомая часть всемирного культурного наследия. Спасение деревянного зодчества, как и вообще спасение наследия, в очень большой степени зависит от уровня созревания общества. Наше наследие, наша культурная память - это то, что скрепляет людей, это условие единения граждан.

Ольга Севан: Когда речь идет о поселениях, нужно понимать, что они бывают разных типов – это столица, крупный город, средний, малый, села и деревни. От этого зависит то, что происходит в том или ином месте. Часто местной власти проще распрощаться с памятниками деревянной архитектуры, чем с ними возиться: ремонтировать или реставрировать. Считается, что это дороже, чем строить новые сооружения. Это мы сейчас видим повсеместно: в Вологде, например, где зоо деревянных домов были снесены, построены кирпичные и обшиты деревом, в результате мы имеем муляжи. В сельской местности сегодня основная проблема – это разрушение сельского образа жизни, отток населения и пустующие поселения. А если сельские поселения заброшены, если нет людей на этих землях, то о какой реставрации памятников может идти речь? Нельзя рассматривать отдельно стоящий объект, будь то культовое сооружение, жилой дом или амбар - каждый из них находится в среде и является составной частью культурного ландшафта. Наша основная проблема - это не столько отсутствие ресурсов - экономических, социальных и культурных, но неумение ими разумно распорядиться. И, кроме того, по стране шагает урбанистика, имеющая целью развитие крупных городов и городов-миллионников. О малых городах нет речи, а уж о сельских поселениях можно не вспоминать. В результате страна превратится в сплошные леса, а между ними - крупные центры.

Андрей Бодэ: Естественно, в этих двух случаях отличаются и подходы, и механизмы, и проблематика. Возможности сохранения памятников в селах зависят от того, насколько они нужны местным жителям, используются они или нет. К сожалению, многие объекты сейчас стоят бесхозные, брошенные, очевидно, что их никто не будет реставрировать. У памятников, которые востребованы в своей изначальной функции или как музеи, шансов на сохранение больше. На них при определенных усилиях и обстоятельствах могут быть выделены средства или же небольшие объемы нередко восстанавливаются самими местными жителями. Сейчас планируется разработка концепции сохранения памятников деревянного зодчества. Эта работа приблизит нас к разрешению проблем сохранения деревянных памятников.

Р.Н.: За последние четверть века более 20 тысяч российских поселений прекратили свое существование. Во многих из этих поселений основу составляет деревянная застройка. Вследствие нарастания геостратегических и военно-политических угроз, изменения социально-экономических приоритетов, консервативного разворота общественного сознания не исключено возвращение каких-то из этих поселений в жизненный обиход, их повторное освоение. Что в этой перспективе можно было бы предпринять уже сейчас – ведь деревянную застройку нередко еще можно реанимировать?

М.Г.: Реосвоение покинутых и строительство деревянных поселков назрело в связи с ухудшением геополитической ситуации, сейчас это более чем актуально. В первую очередь нам необходимы каркасно-панельные конструкции из древесины – их используют для массового строительства во всем мире, значительно сокращая сроки монтажа. У нас сейчас есть только несколько частных фирм, которые этим занимаются, а должны быть такие заводы в каждом регионе. Раньше у предприятий Минлеспрома был немалый опыт такого строительства. И сегодня есть архитекторы с готовыми проектами - как быстро и эффективно застроить страну домами из индустриальных деревянных конструкций. Например, мой друг Никита Корсаков, француз русского происхождения, его родители уехали из России еще во время революции. Он много лет работал в сфере деревянного домостроения в Канаде и США, и теперь пытается помочь развитию нашего сельского строительства. Согласен с ним в том, что у каркас-

Дом в Пошехонье, потрясающий образец купеческой деревянной застройки

Усадьбе купца Бакирова в селе Большой Менгер

Старинные дома в селе Кимжа

но-панельных деревянных конструкций есть множество преимуществ: быстрота возведения в любое время года, малый вес перевозимых комплектов, простота и легкость монтажа без подъемных механизмов, уменьшение расхода древесины, возможность вариативных решений как внутренней планировки, так и отделки фасадов. А элементы из рубленого дерева

можно привносить при желании в ходе отделки. Но вот новейшее увлечение возведением многоэтажных домов из дерева мне кажется ошибкой, хватит их - настроили по всей стране из железобетона. В идеале каждая семья с детьми должна иметь возможность жить в отдельном доме с приусадебным участком. Это будущее страны.

О.С.: Я думаю, работа должна идти в следующем направлении: во-первых, это поддержание того, что существует, т.е. ремонт деревянных домов и храмов. Во-вторых, это реставрация, затем реконструкция, и только потом новое строительство. Вот если такой цикл у нас будет соблюден, то можно говорить о реанимации деревянной застройки. Вопрос только в том, есть ли воля, есть ли понимание, что это необходимо делать, есть ли удачные образцы в каких-то местах, которые могут быть примером для других регионов (например, деятельность архитекторов ТАФ в с. Ошевенское в Архангельской области).

И как показывает история, заселение территорий происходило в результате катастрофических изменений (война, притеснение населения и пр.) или вследствие проведения властями соответствующей социально-экономической политики (заселение окраинных земель России в Приморье, реформы П.А. Столыпина и пр.). Сегодня уже есть примеры врат в некоторые сельские поселения отдельных социальных групп, желающих создавать гармоничные, эффективные сообщества. В России созданы и развиваются свыше 440 экопоселений и родовых поместий, открываются десятки креативных агрокластеров, тематических

экопоселков и загородных экопроектов. Так что новое освоение заброшенных территорий Русского Севера возможно.

А.Б.: В первую очередь ценность старинных деревянных зданий должна осознаваться обществом. В обычном сознании старые вещи воспринимаются однозначно как требующие замены на новые. И объяснить местному жителю, что данный объект заслуживает сохранения в подлинности – огромная проблема. Пока придет к людям понимание ценности архитектурных памятников, в особенности памятников деревянного зодчества, от них уже ничего не останется. Нужны сильные

Церковь
в деревне Никифорово
под Вельском нуждается
в срочной реставрации

Никольская церковь
в с. Зачачье.
XVII - начала XX века –
один из самых проблемных
памятников

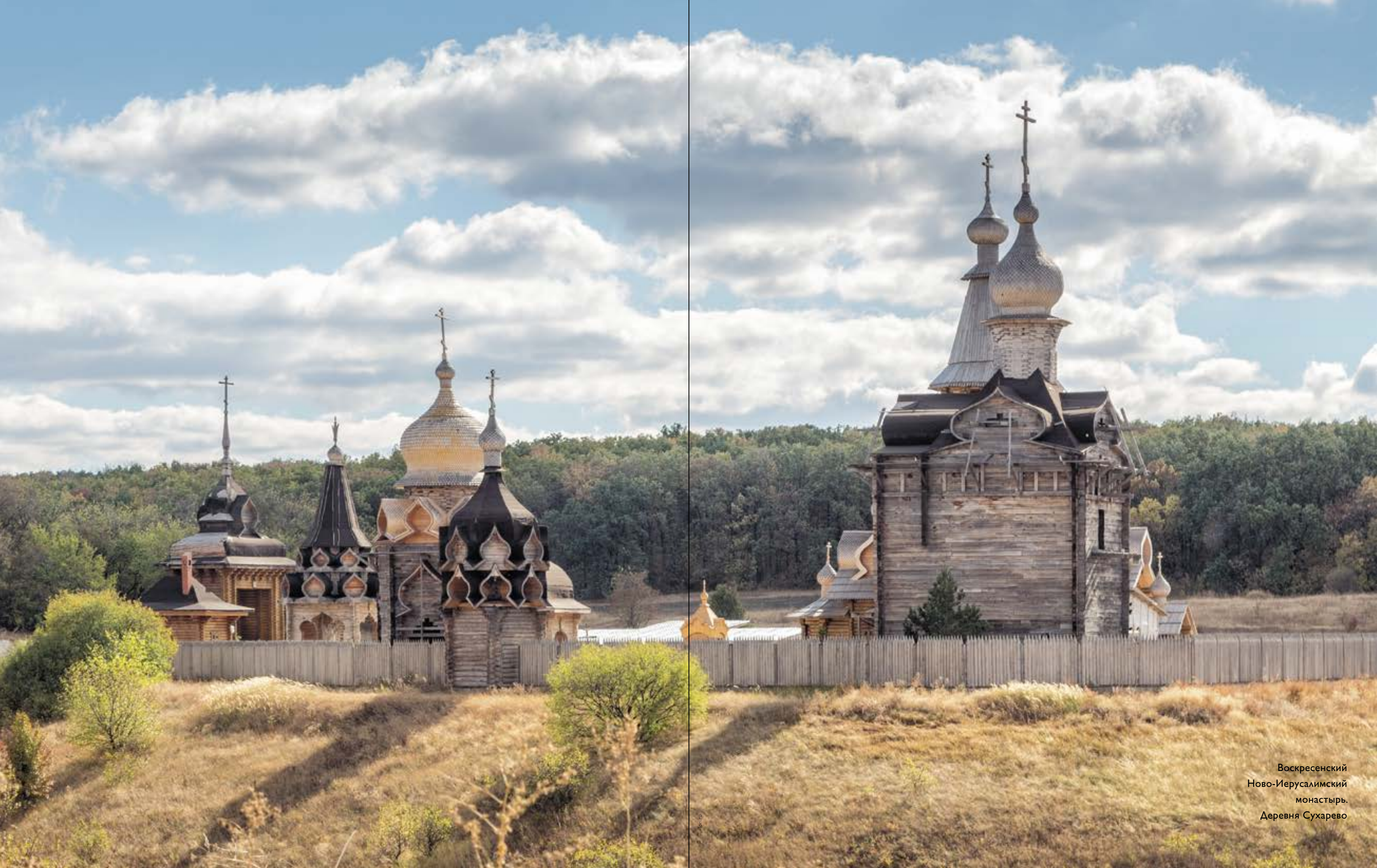
инициативы по поддержанию деревянных памятников, исходящие от государства, общества или от специалистов. В ситуации перспективы массовых утрат памятников можно было бы провести их фиксацию в архитектурных обмерах.

Р.Н.: Союз реставраторов России подготовил Концепцию сохранения и использования памятников деревянного зодчества - очередной документ, направленный на спасение объектов деревянной архитектуры. Одной из основных нерешенных проблем остается дилемма – что предпочтительнее: сохранять памятник в родных пенатах или переносить его в «тепличные» условия одного из музеев-заповедников? Ваше отношение к данному вопросу.

М.Г.: Мое мнение таково – абсолютного решения в данном вопросе не существует. Если есть инвестор или местная община, которая готова вкладываться в памятник, то, конечно, его нужно оставлять на месте. Естественно, при этом надо опреде-

лить правильное использование памятника, убедиться в необходимых условиях его содержания и охраны, особенно пожарной, обеспечить доступность для туристического использования хотя бы как подпитки финансов. Там, где деревню явно не восстановить и перспектив развития нет, памятник нужно увозить. Так что необходима гибкость, противостоящая бюрократической косности.

О.С.: За последние два десятилетия практически уничтожена реставрационная наука, исчезает качественная практика в этой сфере деятельности, разрушены реставрационные институты, на их местах возникли разного качества ООО и т.п. Поэтому я плохо понимаю, о какой реставрации на местах можно сегодня говорить. Можно реально поддержать и отремонтировать определенные сооружения, да

Воскресенский
Ново-Иерусалимский
монастырь.
Деревня Сухарево

и неизвестно, по какому принципу они отбираются. Как уже было сказано, люди покидают сельскую местность, а большая часть деревянных памятников находится именно там. Даже если мы отреставрируем объект, кто его будет далее сохранять? Поэтому по всему миру с конца XIX века возникла идея о создании музеев под открытым небом. К слову, их может быть три типа: типа «скансена» - перевозятся на новое место, сохраняются объекты на местах и смешанного типа (например, Кижи). В Швеции в общей сложности таких музеев - 1162 объекта, у нас же сегодня – около 30 музеев под открытым небом и около 140 музеев-заповедников. 1162 и 170 - заметная разница, не правда ли? Поэтому моё мнение: если можно сохранить объект на месте, если есть те, кто будут его поддерживать - прекрасно, а если это невозможно – стоит создавать музеи под открытым небом или перевозить в уже имеющиеся заповедники.

А.Б.: Здесь невозможно дать однозначный рецепт, это вопрос старый и в каждой конкретной ситуации решается по-разному. Действительно, есть места, где совершенно бесперспективно сохранять объекты – вдали от дорог, откуда ушло население. Они там погибнут. Для таких памятников единственное решение - это перевозка в музей или туда, где они будут использоваться. Негативная сторона данного подхода состоит в обеднении места. Церковь, часовня – это всегда и пространственный, и духовный ориентир. Утрата такой постройки способствует оскудению села или деревни, его запустению. В каждом случае нужно анализировать сложившиеся условия и перспективы - и то, и другое решение вопроса приемлемы для разных ситуаций.

Р.Н.: В последнее время реставраторы регулярно дискутируют относительно методик реставрации памятников деревянного зодчества - в частности, лифтинга. Насколько оправдан перенос наработанных в тех же скандинавских странах реставрационных подходов и приемов с учетом отечественных природно-климатических условий, состояния материальной субстанции памятников, специфического отношения к букве закона и т.п.? Очевидно, в каких-то случаях более действенным оказывается традиционный метод переборки сруба, а в каких-то – того же лифтинга как современной версии традиционного же подъема на домкратах?

М.Г.: Мне кажется, сейчас лучше использовать все методы. Раньше еще выбрать единственный путь реставрации, да и вообще правильно ли ограничивать поиск рационального в самых разных ситуациях – состояния древесины старой постройки, ее конструктивного решения, расположения, условий технического обеспечения и финансирования и пр. Опять-таки нужна гибкость, противостоящая бюрократической косности, работать по-разному, комбинировать, пробовать, анализировать. И еще необходимы два условия: усиление самостоятельности регионов и выращивание меценатов. Очень важно налаживать институт меценатства, институт общественных пожертвований. Необходимо приучать людей вносить свою долю в общее дело, развивать механизм общественного инвестирования.

О.С.: Есть две точки зрения, и обе имеют право на жизнь. Переборка сруба – это то, чем всю жизнь занимались наши предки и российские реставраторы. Это традиционный для нас метод, он хорошо изучен

и зарекомендовал на многих памятниках. Лифтинг может быть эффективен, но в российской практике у нас нет такого многолетнего опыта. Мы практически никогда им не пользовались, кроме как в Кенозерском национальном парке, где работали норвежские специалисты, и на Преображенском соборе в Кижах. Но на этом объекте это было необходимым решением в силу известности и туристической составляющей объекта ЮНЕСКО, как и ряда других социально-экономических причин. Мне кажется, что лифтинг в наших условиях себя пока не оправдал, но, возможно, в будущем и будет признан.

А.Б.: Это непростой вопрос, на самом деле. И, к сожалению, имеющийся опыт не позволяет дать однозначный ответ. Все, что сейчас находится в музеях, было отреставрировано методом переборки. Он позволяет осмотреть каждое бревно, произвести их ремонт, сделать замену, если это необходимо – то есть полностью проверить и отремонтировать всю конструкцию. Однако нельзя не заметить, что при переборке памятник очень сильно теряет в подлинности. Дощатые элементы обычно после разборки не со-

Фото предоставлено А.Бодз

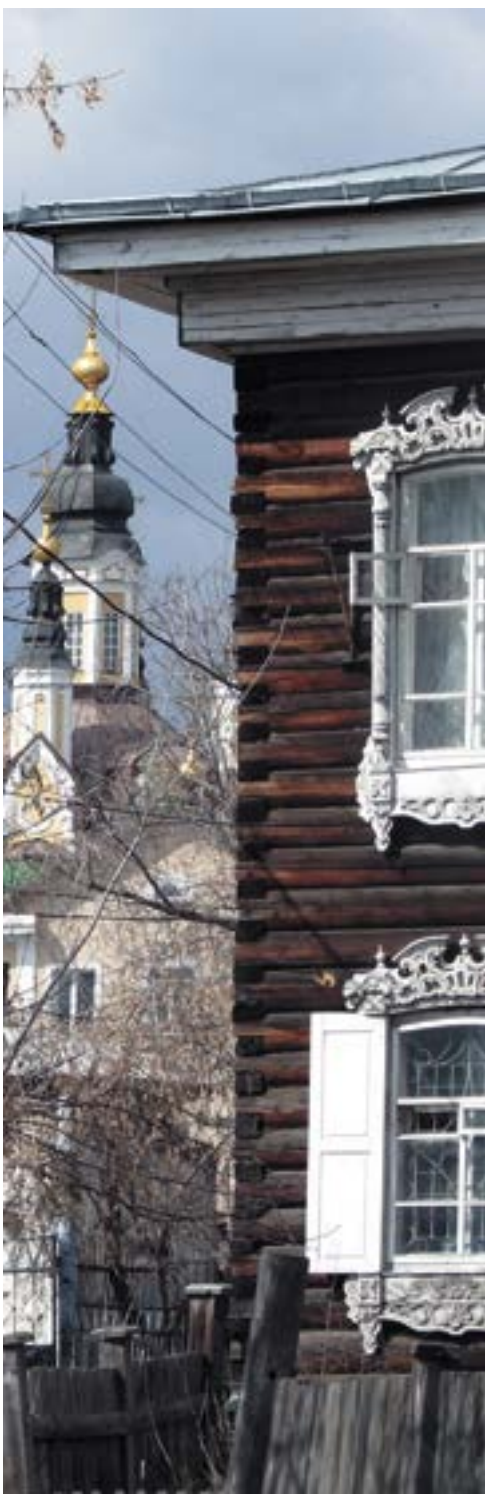
храняются, прибитые коваными гвоздями они просто расщепляются. При переборке мы получаем здоровый сруб, но в деталях происходят существенные потери. Метод лифтинга позволяет заменять поврежденные бревна в срубе без его разборки. В России имеется достаточно большой опыт подобной работы, но только на небольших строениях. Насколько, я знаю, около 20 зданий реставрировались подобным методом, и можно сказать, что есть очень хорошие результаты. На высотных церквях метод лифтинга пока не дал качественных результатов, но это не значит, что его нельзя достигнуть, тем более, что подобных работ проводилось мало. По большому счету, главное не столько метод, сколько качество работ. И переборку, и лифтинг бывает, что делают из рук вон плохо, а бывает - на очень высоком уровне. Мое мнение, что у метода лифтинга есть перспективы – он позволяет в значительной мере сохранять подлинность деревянных памятников.

Р.Н.: Проектирующий для Томска «Ленгипрогор» недавно предложил вывести город из перечня исторических поселений. Интерес понятен. При том что Томск, как известно, является одной из столиц деревянного зодчества. Как расценивать такого рода демарши подобных акторов и каковы способы противостояния данным инициативам?

М.Г.: В одной дискуссии я услышал простую, но очень емкую характеристику этой проблемы: «Короткие деньги». Действительно, вопрос нравственный, мировоззренческий, даже идеологический. Пока все мы не осознаем, что деньги - еще не все, надо, как говорится, и совесть иметь – ничего не получится, никакие организационные меры не помо-

В городе Томске сохранилась уникальная историческая городская застройка

гут. Пропаганда материального успеха как единственной жизненной ценности губит общество, оно начинает уничтожать самое себя. Необходимо воспитание, постижение смысла жизни - и в религиозном плане, и в светском. Казалось бы, далекие от реставрации вещи, однако между ними есть прямая связь.

О.С.: 25 лет назад при поддержке губернатора области (В.Кресс), при участии института «Спецпроектреставрация» и местных специалистов был создан центр «Томск исторический». Была разработана блестящая программа, в которой был выделен ряд исторических зон, в рамках которых осуществлялись реставрация, реконструкция или предлагалось осторожное новое строительство. В течение двадцати лет этот Центр возглавляли профессионалы высокого уровня, но несколько лет назад эта организация была расформирована. Лишив город такого творческого, организационного и профессионального Центра, власти, по сути дела, позволили влиятельным бизнес-структурам, девелоперам строить новоделы в исторической части города. Но ситуация с застройкой в историческом ядре, как говорят специалисты, осложнялась ещё и тем, что в Томске до сих пор не разработаны и не утверждены документы, которыми город должен подтвердить свой статус исторического поселения федерального значения (историко-культурный опорный план, предмет охраны исторического поселения, проект границ исторического поселения). Поэтому идет строительство многоквартирных домов, которые разрушают историческую среду. Но власти города не поддержали исключение Томска из Списка исторических поселений, что дает надежду на то, что город решит возникшие проблемы и сохранит деревянную застройку. Так что необходима разработка и утверждение упоминае-

мых документов, восстановление Центра «Томск исторический» со всеми существующими ранее правами. Главное – это политическое решение как региональной, так и местной власти, и это позволит удержать разрушение города.

Р.Н.: В последнее десятилетие налицо расширение волонтерского движения по спасению памятников деревянного зодчества Русского Севера. Как направить эту инициативу в «мирное» русло, правильно расставить приоритеты, избежать волонтаризма и некомпетентности при проведении консервационных и реставрационных мероприятий?

М.Г.: Есть разные общественные организации, которые защищают наследие с большим или меньшим успехом, но им нужен координирующий центр, который будет работать вместе с государством и муниципальными органами. Объединение, координация государственных и общественных организаций, совместная деятельность по спасению и возрождению замечательных памятников деревянного зодчества в каждом регионе абсолютно необходимы.

О.С.: С одной стороны, конечно, памятники нужно приводить в порядок, но с другой – соответствующая методология совершенно не отработана. Сегодня волонтерам не разрешено работать над памятниками федерального значения, но именно они обычно находятся в худшем состоянии, чем памятники регионального значения. Министерство культуры, привлекая специалистов, должно разрабатывать методологический базис подобных волонтерских начинаний, сформулировать приоритеты. И, конечно, нужно обучать этих людей, но кто будет это делать?

Инициативная реставрация старинной часовни на Водлозере

Наше поколение реставраторов уходит, за нами - пустота. И пока поколение моих коллег еще живо, его можно привлечь к обучению волонтеров, но это кропотливое и затратное дело, в том числе финансово для такого масштабного проекта. Обучение волонтеров необходимо, чтобы была гарантия бережного отношения к памятникам, чтобы их не испортили по незнанию. Так что это проблема комплексная - организация партнерств и объединение профессионалов, волонтеров, региональной и местной власти, РПЦ, бизнес-сообщества и представителей Министерства культуры.

А.Б.: В последние годы действительно активизировалось волонтерское движение по сохранению деревянных храмов. Минимум того, что они делают – это уборка, удаление надписей, покос травы, вырубка кустов. Это очень неблагодарная работа, никто кроме волонтеров ее не делает, од-

нако эти действия сразу приводят объект в совершенно иной вид. А это уже стимул для его дальнейшего сохранения. Следующий вид работ, которым занимаются волонтеры – это укладка консервационной кровли, установка подпорок под аварийные конструкции, укрепление разрушающихся частей здания. Вообще результаты бывают разными, но чаще всего волонтеры консультируются с архитекторами и реставраторами, их работа достаточно корректна. Довольно много студентов-архитекторов или молодых специалистов работают с волонтерами, они оказывают помощь в фиксации и изучении памятников деревянного зодчества. Они понижают ценность того, с чем работают. В принципе, на консервационных кровлях волонтерские работы и заканчиваются. Реставрация выходит за рамки волонтерских движений. Есть примеры реставраций, проведенных по частным или общественным инициативам, но выполняют эти работы приглашенные специалисты.

Материал подготовили
Дмитрий Фесенко
и Юлия Ракитина

ВОССОЗДАЕМ ИЛИ РЕСТАВРИРУЕМ? ЧТО ОСТАЕТСЯ, КОГДА СНИМАЮТ ЛЕСА...

Реставрировать или заново воссоздавать? Этот вопрос, который обычно мы не задаем себе, сталкиваясь с табличками: «экспонат находится на реставрации», «реставрацию объекта ведет...». Вопрос о том, как поступить с пришедшим в плачевное состояния памятником, является, пожалуй, одним из ключевых при выборе стратегий для последующих действий. Дмитрий Александрович Трофимов – художник, иконописец, руководитель художественной мастерской «Царьград», на счету которого участие в росписи Храма Христа Спасителя, декорирование храма под колокольной Тульского кремля, роспись Храма Рождества Богородицы в Дивеево, рассуждает об этой проблеме на примере опыта восстановления храмовой росписи.

Фрагмент росписи
Храма Сергия Радонежского
в с.Липовка.
Писал Д. Трофимов

Фото автора

Дмитрий Трофимов

Художник, иконописец,
руководитель художественной
мастерской «Царьград»

Заказчик Спонсор Исполнитель

Нетрудно заметить, что за всеми звеньями этой цепочки стоят люди, от решений и последующих шагов которых зависит конкретный результат. Каждый из них вносит свой вклад, свою лепту, однако основную часть работы, которая становится видимой и воплощенной, в конечном итоге выполняет художник-реставратор. И именно от его квалифика-

ции, опыта, знаний и рассудительности, если хотите, зависит то, что останется после того, как леса и защитные сетки и пленки будут убраны и сняты. Самый первый вопрос, встающий перед реставратором, это вопрос о том, имеет ли подлежащий реставрации или восстановлению объект культурно-историческое значение. Это незыблемое правило распространяется и на роспись, то есть на то, что чаще всего подвержено воздействию времени. И здесь, в свою очередь, также существует несколько традиционных правил, начальное из которых – это датировка. Если стиль росписи можно отнести к середине XIX века или более раннему периоду, то такой живописи, таких артефактов в нашей стране сохранилось не так уж и много, и поэтому, безусловно, такие артефакты имеют художественно-историческую ценность и однозначно подлежат сохранению и реставрации. Причем речь идет не только о церковной, храмовой живописи. Если мы говорим о XIX веке, то помимо дворцов расписывались усадьбы, дома, особняки, то есть большой комплекс гражданских построек, роспись внутри и снаружи которых можно встретить до сих пор. В дальнейшем же, если решение о реставрации принято и заботу о памятнике берет на себя государство или частный инвестор, то к работе приступает специалист-реставратор, который и осуществляет весь дальнейший комплекс работ.

Как это происходит? Реставраторы приходят на объект, укрепляется штукатурный слой, а дальше идет «допись», то есть тонировка утрат или прописывание по старой живописи с максимальным ее сохранением. Но часто получается так, что после того, как дописан живописный слой, собственно говоря, от самого оригинала мало что остается. Причина же этого в том, что зачастую реставраторы – хорошие технологи, но, к сожалению, не всегда хорошие художники и не всегда

чувствуют ту меру, с которой нужно прикасаться к старой живописи. К тому же в этой работе очень много субъективного видения, а многое зависит и от личного опыта, поэтому часто мы сталкиваемся со спорными результатами.

Впрочем, иногда вопрос стоит несколько иначе. Как поступить, если из всей росписи сохранилось меньше 20% живописи и живопись эта без сомнения младше второй половины XIX века? И здесь окончательное решение принимается инвесторами и непосредственными заказчиками работ, сейчас в основном это священноначалие и настоятели храмов, в которых проводятся реставрационные работы. В практике каждого художника, занимающегося реставрацией церковной живописи, были такие случаи, когда принимать решение приходилось не только относительно выбора дальнейшей стратегии – реставрировать оставшиеся фрагменты или делать новую роспись, но и решать вопрос о том, что делать с сохранившимися фрагментами.

Такой пример. Храм Архангела Михаила в селе Скорняково. Живописных фрагментов во всем храме оставалось чуть более трех процентов. Казалось бы, чего проще – сбить старую штукатурку и закопать где-нибудь на церковном дворе – ведь изображения, пусть и сохранившиеся фрагментарно, считаются священными. Но можно поступить и иначе – подвести к самым ценным фрагментам новую штукатурку и дописать, подгоняя новую живопись под старые фрагменты. В случае, о котором идет речь, ни то, ни другое решение не годилось. И тогда была найдена «золотая середина». Отдельная бригада реставраторов в течение трех месяцев кропотливо трудилась над тем, что бережно укрепляла, а затем снимала сохранившиеся фрагменты. И после завершения реставрационных работ часть этих фрагментов была выставлена в том же храме, где смотрелась очень эффектно, другая же часть была передана

в местный музей. И хотя этот храм планируется расписать заново, а не отреставрировать, старые, изначально присутствующие росписи, пусть и в виде фрагментов, сохранены. А это тот результат, который уже ценен сам по себе.

Существует один нюанс. Прежде чем приступать к работам, реставраторы, пишут особый документ – методическое обоснование. Документ, на основании которого в дальнейшем будут производиться все работы. И получается, что даже при существовании таких методических обоснований, а порой это просто тома, бывает результат работы выглядит неудовлетворительно. И тут опять возникает вопрос о профессиональном уровне реставратора, именно как художника, а не как технолога. Хуже всего, когда вместо того, чтобы просто деликатно сохранить – наверное, ни у кого не вызовет сомнения правильность такого решения – возможно что-то дописывая акварелью (в реставрации есть такая методика, акварель недолговечна, это краска, которую можно легко смыть и поэтому она не повреждает изначальную роспись), реставратор просто полностью переписывает то, что находится в этом храме, причем делает это, даже не учитывая стилистических особенностей. Да, в общем-то, особо и не задумываясь над этим. И, к сожалению, эта новая роспись имеет весьма слабое отношение к тому, что оставалось до этого момента на стенах. Другая сторона этой проблемы. Пример с реставрацией фресок Андрея Рублева во Владимире. Да и тот же скандал с Микеланджело. Сикстинская капелла, на которую направлены взгляды всего мира, всего реставрационного и научного сообщества, и тем не менее споры идут до сих пор... То есть любая реставрация, ее результаты, прежде всего, – понятие очень субъективное. Поэтому нельзя так однозначно утверждать, что все зависит только от чиновников, либо только от реставраторов, от реставрационной школы.

Кстати, интересный факт: читая архивную документацию о реставрации Успенского собора Московского Кремля, проводившуюся еще до революции, понимаешь, что наша реставрационная школа берет начало именно в те времена. Все этапы работ, прописанные и утвержденные, проведение тендеров, этапы финансирования, работа комиссии, в задачи которой входило решение о том, чья из представленных на конкурс методик лучше – и все эти описания есть в архивах – так вот, вся эта методика работает до сих пор и чаще приносит положительные результаты. Еще один интересный и в какой-то мере поучительный факт из истории реставрации Успенского собора. Известно, что много споров вызвал возникший в ходе реставрации вопрос о покрытиях собора. Под существующими главами, датируемыми XVI веком, было обнаружено покрытие белым железом прямо по сводам. Открылись замки сводов в виде больших каменных плит с углублением посередине для установки креста, а на расстоянии около двух метров от вершины в кладке были обнаружены железные ушки для растяжек к нему, и многие специалисты делали вывод, что первоначальное покрытие было посводным. Другие возражали, что должны были быть деревянные журавцы, поскольку в летописях есть упоминания о пожарах, начинавшихся с глав. После дебатов было решено, что поскольку восстановление может быть только предположительным, «нежелательно несомненную форму XVI века менять на подделку под XV века». Это как раз пример того, когда здравый смысл побеждает субъективные, порой и научно обоснованные мнения.

Пантократор - храм
Успения Богородицы
в с.Истомино.
Писал Д. Трофимов

Стиль VS Вдохновение, или в каком стиле надо расписывать храм

Храмовая роспись – искусство не застывшее, искусство живое и как любое искусство, безусловно, подвержено влиянию истории. В основном, до нас дошли храмы XIX века. Естественно, что в России существуют храмы XVIII, XVII веков, храмы XVI века, и значительно более ранние, хотя они, являясь объектами федерального значения, чаще уже представляют интерес как памятник архитектуры и, как правило, их вообще не расписывают. Ведь живописью можно «убить» архитектуру. Яркий пример – Спасский собор Андроникова монастыря. В интерьере Спасского собора уцелели фрагменты фресок, выполненных около 1428 года Андреем Рублёвым, все остальное пространство храма – это светлые стены. Обычно же мы имеем дело с храмами XVII-XIX веков. И здесь уже возникает очередной вопрос: в каком стиле расписывать? Можно сказать, что к настоящему времени в России сложилось несколько основных стилей, в которых расписываются храмы. Это академический стиль (условно его можно назвать стилем храма Христа Спасителя), стиль XVII века, это так называемая ярославская школа, сам по себе уникальный, действительно русский стиль, с пышной орнаментацией. Стиль Дионисия, стиль XVI века, наиболее аскетичный с художественной точки зрения – большие пустые фона, мало орнамента, мало фигур. И так называемый византийский стиль – широкое понятие, включающее в себя традиции от Равенны VI века, комниновское и палеологовское искусство. Сейчас же мы черпаем вдохновение из разных источников – Греции, Италии, Сербии. Вот что интересно, в последнее время, именно сейчас, в наши дни, стала заметна иная

тенденция. В современной храмовой живописи стала прорастать стилистика древних христиан – катакомбная живопись. Получается, что имеющих богатую историю и традиции живописных стилей очень много, и потому спор о том, что конкретно писать в том или ином храме, находящемся в столице или глубинке – это, действительно, серьезный вопрос. Что подходит этому храму? Этому месту? И очевидно, что если мы беремся за роспись храма, построенного в стиле классицизма, то заполнять его росписью в стиле Дионисия или Феофана Грека – достаточно абсурдно. Впрочем, не всегда выбор зависит только от художника. Иногда спонсоры либо священноначалие настаивают на чем-то определенном. В любом случае, это всегда вопрос обсуждаемый. Так было и в случае воссоздания колокольни тульского Кремля. Окончательные решения о стиле, в котором этот памятник будет восстановлен, а затем и расписан, принадлежали инвестору и священноначалию, курирующему этот объект. За основу росписи был взят стиль XVII века, стиль так называемой ярославской школы. Выбор был не случаен. Дело в том, что основной храм тульского Кремля – Успенский собор – расписан именно в этой стилистике. Конечно, мы знаем множество примеров, когда и два придела в одном храме расписаны в разном художественном и временном стиле. Например, в Италии – это обычное явление. В Италии в каждом храме – просто музеи стилей. Поэтому, всегда должна существовать логика. В нашем случае такая логика была. Почему, еще был выбран именно этот стиль? Этот храм – центр Кремля, и планируется, что для жителей Тулы он станет местом проведения торжеств, а значит, и росписи должны этому месту соответствовать. Ярославская же школа – это наиболее праздничный и торжественный пример церковной росписи.

Фото автора

Внутренняя роспись храма Святого Благоверного князя Димитрия Донского и Святой Благоверной княгини Ефросинии Московской под колокольней Успенского собора тульского Кремля. Писал Д. Трофимов

Храмы XVI века. Если в таких храмах росписи не сохранились, то их и не расписывают. Потому что сохраняется архитектура, какие-то фрагменты инженерных решений, те же фрагменты кладки. То есть здесь уже важно показать этот элемент как часть художественного наследия, и, безусловно, лучше сохранить его и дать возможность приходящим людям увидеть эту часть истории, чем закрыть все какими-то современными росписями, художественная ценность которых порой вызывает, мягко говоря, сомнение. И в

этом случае принимается, на мой взгляд, совершенно обоснованное решение не расписывать храм. То есть внутреннее пространство храма его архитектура, все равно остается историей и частью культурного наследия. И в каждом отдельном случае, если речь идет о памятнике, либо храме, либо постройке, датируемой XVI веком и ранее, решение о целесообразности росписи объекта уже принимается на уровне организаций, занимающихся охраной памятников, то есть неким научно-экспертным сообществом. Дело в

том, что у нас в России существует некая, если хотите, эстетическая потребность в том, что храм должен быть непременно расписан. В отличие от многих стран Европы. Так, в Германии, например, протестантская эстетика вообще не подразумевает росписи. Им это просто не надо. С другой стороны, католический мир, та же Италия, до недавнего времени настолько увлекался пышностью внутрихрамового убранства, что в какой-то момент произошло то, что они вообще перестали расписывать храмы.

О граффити, пространстве культуры и его значении в жизни человека

Часто приходится расписывать и новые храмы. И здесь, что называется, все просто: новый храм – новые росписи. Однако и здесь существуют свои, если хотите, зоны ответственности. Мы ведь культура, развивающаяся, и поэтому мы обязаны, без условно, опираясь на традиции и каноны, все таки привносить что-то новое. И этот процесс, во многом скрытый от посторонних глаз, в настоящий момент оказывает очень большое влияние на художника. Сейчас все больше и больше художников ищут новый язык, который, с одной стороны, опирался бы на язык традиционный, с другой - отражал бы новые смыслы и ритмы XXI века. Ведь можно всегда пытаться писать в стиле Рублева, но, в любом случае, из этого ничего хорошего не выйдет, и не только потому, что плох художник. Здесь существует и еще один немаловажный аспект - наше восприятие. А оно меняется: лично у художника, лично у заказчика, лично у прихожанина. Существует очень большая вероятность того, что заказчик не примет, скажем так, выполненный сейчас орнамент XIV века в своем изначальном виде, сочтя эту работу калтурой, хотя, смотря на эту живопись в пространстве ее исторического контекста, мы по праву гордимся ею и готовы восхищаться.

То есть существует некий момент уважения к прошлому. Апелляции к исторической памяти. Смотря на шедевры того же XIV века, мы искренне ими восхищаемся, но вряд ли готовы делать то же самое, столкнувшись с подобной эстетикой в рамках современности. С другой стороны, если взять современную западную традицию храмовой живописи, то в ней присутствуют вещи, которые могут показаться для нас просто кошунственными. Другое дело, что, действительно, многое

меняется. И как это ни покажется странным, но сейчас мы идем по направлению к граффити. Только не надо пугаться этого слова. Речь не идет о раскрашенных из баллончика поверхностях. Скажем так, речь идет о лаконичности. Ведь если мы посмотрим на ту же коптскую живопись, на те же ранние Помпеи – везде, с точки зрения художественного языка, присутствует лаконичность. И мы, на самом деле, идем именно к этому, потому что современная эстетика также движется в сторону такого же эстетического упрощения. С другой стороны, мы понимаем, что чем меньше в живописи формы, чем более она плоскостная, чем меньше объема и пространства, тем больше в ней сакральности. Ведь когда реалистическое пространство убирается полностью – возникает сакральное пространство. Например, в академической живописи, самой несакральной из всех стилей церковной живописи, мы видим тени от людей, мы видим перспективу, а когда мы видим перспективу и тени, в живописи возникает момент времени, момент сиюминутности. А если присутствует время, то вечность сжимается, отступает. Так что лаконичность живописного языка напрямую связана с сакральностью. И как это ни звучит парадоксально, граффити – самый лаконичный из художественных языков. И обе эти тенденции присутствуют в наши дни. С одной стороны, приверженность к реализму, с другой – поиск лаконичности и сакральности. К тому же меняется эстетическое восприятие мирян и клира. Собственно говоря, церковное искусство – изначально прикладное. И в отличие от любого живописного полотна, будь то пейзаж, портрет, натюрморт и пр., которое является главным образом неким высказыванием художника, его личной точкой зрения, храмовая живопись изначально направлена на то, что ее увидит гораздо большее количество народа, да и временные промежутки здесь не-

Роспись Алтаря.
Храм Рождества Богородицы
в Дивеево.
Писал Д. Трофимов

сопоставимы. Ведь расписывая храм, мы отдаем себе отчет в том, что все время, проведенное в храме, люди будут вынуждены созерцать работу художника, даже в том случае, хотят они этого или нет. А восприятие людей у нас сейчас достаточно консервативное. Люди могут пойти посмотреть, к примеру, лазерное шоу, но в храм они приходят как в пространство, которое связывает их с вечностью, а также с историей и традициями. А именно от осознания таких вещей и возникает чувство сопричастности, то, что сейчас принято называть идентичностью и ее проявлениями на разных уровнях: начиная от понимания того, кто мы и заканчивая пониманием того, в какой стране мы живем. Тем более что храмовая архитектура сильно отличается от всех прочих ее форм. Пока отличается...

И, наверное, в этом есть больше положительного, нежели отрицательного смысла. Возьмем, например, эксперименты по строительству храмов Ле Корбюзье (церковь Сен-Пьер в Зеленом Фирмини (l'Eglise Saint-Pierre de Firminy Vert) или Искупительный храм Святого Семейства (Temple Expiatori de la Sagrada Familia) Антонио Гауди. Ведь, по сути, первые, с кем мы встречаемся, столкнувшись с творением гениального архитектора – это с самими Ле Корбюзье или Гауди. Не с Богом. Наверное, это не очень правильно. Во всяком случае, для нас.

Но если мы утверждаем, что каноническая живопись – это та живопись, которая не противоречит Священному Писанию и Священным преданиям, то и в отношении архитектуры мы можем говорить о том же. Никакая форма храма, никакие архитектурные формы не противоречат Священному Писанию. Но здесь возникает очень важный вопрос: а придет ли человек в такой храм? Будет ли это строение восприниматься как храм? В армии я расписывал храм, который находился в армейской столовой, а в соседней

Колокольня Успенского собора тульского Кремля после реставрации

деревне, в 5 км от воинской части, находился обычный приходской храм. И что интересно, все жители военного городка ходили в тот храм. Потому, что именно он ассоциировался у них с Храмом. Это очень наглядный пример того, что и как воспринимается людьми. Мы все находимся внутри этого процесса, внутри этой системы и очень связаны друг с другом. Конечно, художник может, не ограничивая

себя ничем, намеренно пытаться создать что-то гениальное. Но всегда есть некая уздечка - вопрос: а зачем? Зачем это нужно. И именно отсюда, от этого вопроса - а зачем? - мы можем подойти к проблеме исторического пространства. Потому, что историческое пространство, оно по-хорошему консервативно, во всяком случае, церковное, храмовое пространство. Естественно через восприятие такого пространства людьми. И в этой связи привносить в какой-то исторический памятник то, что снижало бы его историчность – наверняка поступок, по меньшей мере, опрометчивый. И здесь будет уместен пример с реставрацией того же тульского Кремля. Когда приступили к реставрации, задача была не построить на месте оставшихся к этому времени руин что-то новое и необычное, что-нибудь из стекла и бетона – возможно, люди бы поудивлялись, но, в конечном счете, привыкли бы – задача была протянуть ниточку. По сути, восстановить справедливость. И именно как раз такую задачу и ставил задачу перед реставраторами заказчик - глава области Владимир Сергеевич Груздев. И если говорить о нашем обществе как о некоем культурном организме, который стал таковым не сейчас, в 2016 году, а начиная, условно говоря, с X века, то какое-либо разрушение культурного пространства этого организма является безусловной несправедливостью. Напротив, процесс же сохранения или воссоздания является, по сути, актом, восстанавливающим эту справедливость. То есть оборванные концы нитей соединяются. А вот что останется после нас потомкам, что послужит началом их развития, их фундаментом – зависит уже от нас. От того, что и в каком виде мы им оставим - будут ли это руины, либо сохраненные и восстановленные памятники и артефакты. И этот выбор можем сделать только мы сами.

Материал подготовил
Кирилл Коваль

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ. ДОМ ВИНТОВКИНА

Деревянный Иркутск – это музей под открытым небом. Дом Винтовкина – это поистине одна из визитных карточек Иркутска. Деревянный дом с резными наличниками - настоящий символ России, привлекает внимание многочисленных гостей, в том числе и зарубежных.

А умелые руки мастера-краснодеревщика довели работу до совершенства. И вот результат

Это чудо, двухэтажный дом с флигелями, находится буквально в пяти минутах ходьбы от Дома музея Трубецких. Дом был построен для семьи Винтовкина по проекту городского архитектора А.И.Кузнецова в начале прошлого века. Владимир Иннокентьевич Винтовкин вышел в люди из мелкого работника, находясь на службе у одного из купцов. Заработав денег и женившись, Владимир Винтовкин переехал в Иркутск в 1904 году. Сначала как из-под земли вырос

первый этаж из кирпича с жилыми комнатами. Затем, чуть позже, появился второй, деревянный. К 1990-м годам от некогда обширной усадьбы остались одни развалины, по самые окна вросшие в землю, глядящие пустыми глазницами на пустырь... Однако в 2009 году было решено дать дому Винтовкина вторую жизнь. По замыслу реставраторов и новых хозяев, усадьба должна была сохранить максимальную близость к оригиналу. По архивным чертежам реставраторы скрупулезно восстанавливали конструкции здания, по старинным фотографиям – внутренний декор. Самая большая сложность в реставрационных работах – это восстановление окон с декорами, требующими особых знаний и ремесленных навыков, интуиции реставратора и прилежания настоящих профессионалов. За эту кропотливую работу взялась компания «Флора» (www.flora.lv). Небольшое семейное предприятие, основанное в 1991 году, из маленькой столярной мастерской выросло в настоящее производство европейского уровня, которое предлагает сегодня окна, фасадные и сдвижные системы, двери и остекление зимних садов. Окна компании «Флора» высочайшего качества, зарекомендовали себя на российском рынке за годы эксплуатации самым лучшим образом. Деревянные окна обладают хорошими теплоизолирующими и звукоизолирующими свойствами, отвечают всем европейским стандартам. Новейшие технологии позволяют сделать конструкцию окна более долговечной, а значит, более привлекательной. Но самое главное достижение мастеров этой компании – реставрационные работы по восстановлению окон с деревянными декорами. В этом деле им нет равных. Благодаря участию специалистов компании «Флора» в восстановлении Дома Винтовкина стало возможным возвращение городу этого замечательного памятника.

Архитектор – это творец

Как-то однажды осенью я очутился почти случайно в Ростове Великом. Одна моя знакомая познакомила меня с реставратором, который работал в Музее Самовара. Музей еще не был готов. И мы бродили среди всего этого хаоса стружек, словно сквозь исторические слои, годы, стили. Изразцы, печи, лепнина, лестница с резными, фигурными перилами, мраморная ванна, ракушка умывальника, блеклый ампир, самодовольный модерн, стружки, из которых, как из пены, вырастает позапрошлый век, фотографии купцов, самовары, рабочие в робах, богатство и роскошь прошлого, - все смешалось в этой полутьме бывшего купеческого особняка. И еще неясно было, что из этого всего, как до сотворения мира, получится. И получится ли?

Эссе Игоря Михайлова

А потом мы пили пиво в местном кабачке и рассуждали о подлинных ценностях и подделке. Мой знакомый, смущаясь, рассказывал о том, что он делает не то, что ему хочется, а то, что нравится заказчику. А заказчик хочет, чтобы было красиво... Тогда я к месту, а, может, и не к месту вспомнил о том, как Леонардо работал над знаменитой фреской «Тайная вечеря» в церкви Санта-Мария-делла-Грацие. История эта довольно известная, но нелишне будет ее напомнить. Согласно легенде, Леонардо никак не мог окончить фреску. Оставались два штриха: Иуда и Христос – два антипода, два мира, два неразлучных образа. Голова Христа, центр картины, мироздания, никак не выходила. Леонардо сам загнал себя в угол. Об этом вспоминал в своих «Жизнеописаниях» Вазари. Воплотив изумительной красоты и благородства фигуры Иакова Заведеева и его брата, а затем приступив ко Христу, живописец уже не смог достичь такой выразительности. После долгих раздумий он обращается к своему другу Бернардо Ценале, но тот к ужасу Леонардо отвечает ему: «О Леонардо! Последствия допущенной тобой ошибки таковы, что исправить их может один лишь Бог... Поэтому оставь Христа незаконченным, ибо ты никогда не сделаешь так, чтобы он казался Христом рядом с этими двумя апостолами». Христос у Леонардо так и не обрел завершенность. А вот с Иудой Леонардо все же повезло больше. В поисках Иуды он часами бродил по Милану, пристально вглядываясь в лица простых горожан. И однажды встретил одного пьяного бомжика с довольно противным лицом... Тут надобно отметить, что на всех изображениях сюжета «Тайной вечери» Иуда расположен особняком. Каждый из художников каким-либо образом выделяет его из числа апостолов. Кое-кто отсекает ему полголовы, на множестве фресок и икон он изображен в профиль, естественно без нимба, поскольку Иуда лишен святости. Некоторые живописцы специально затемняют его образ, кроме того, его всегда можно опознать

Голова Иуды.
Эскиз к Тайной Вечере.
Леонардо да Винчи

Фреска Тайная Вечеря
в доминиканском
монастыре
Санта-Мария-делле-Грацие
в Милане
Леонардо да Винчи.
1495–1498 годы

по руке, которая опущена в чашу, согласно словам Христа: «Опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня». Но Леонардо как гениальный художник все же отошел от канона. И решил, что прототипом предателя должно быть реальное лицо, обыкновенный миланец, который живет себе преспокойно среди прочих, вместе с ними ходит в церковь, пьет и ест за одним столом, как и трапезничал настоящий, подлинный Иуда за одним столом со Спасителем. Неясно, каким образом дотащил Леонардо находящегося в полубессознательном состоянии алкаша. Но дотащил. И тут же взялся за кисть... Когда же на утро бедный бомж, ставший навечно Иудой на фреске «Тайной вечери», пришел в себя, он, глядя на картину, горько разрыдался. Оказалось, что именно он и есть тот самый юноша, который когда-то пел в церковном хоре. И когда Леонардо только начинал писать «Тайную вечерю», лицо его послужило прототипом образа Христа. И я подумал, что прежде всего архитектор, реставратор не должен врать. Прежде всего самому себе. А все остальные размышления: должен или не должен он идти на поводу у вкуса заказчика – от лукавого. Реставратор, архитектор, зодчий, художник – творец. А творец означает сотворчество с Наивысшим Судией. Он – мерило подлинности и вкуса. И никак иначе!

НАСЛЕДИЕ НЕРЧИНСКА

«Нерчинск поражает тем, что среди серых, бедных архитектурой домиков, вдруг вырастает какой-то белый оригинальный дворец, в средневековом стиле, с громадным двором, обнесённый красивой решёткой. Тюрьма? Нет, здания какого-то купца, здания, которые украсили бы и столицу» (Н.Г. Гарин-Михайловский).

Наш корреспондент беседует с генеральным директором ООО «Архитектподряд» Олегом Витальевичем Крейниным.

Нерчинск.
Усадьба М.Д. Бутина.
Ворота и водонапорная
башня с оранжереей.
Фотогрвфия конца
XIX века

Олег Крейнин

Генеральный директор
ООО «АРХИТЕКТПОДРЯД»

На счету вашей компании более 20 объектов реставрации, они находятся во Владимирской, Рязанской, Новгородской областях, а теперь ещё и в Забайкальском крае. Как вам удается охватить такие географические горизонты?

О.К. Да, к географии нашей деятельности добавился уникальный регион Забайкальского края! Край интересный и сложный! Буддизм, который пришел в Забайкалье несколько столетий назад, повлиял на быт и культуру местного населения, здесь сохранились уникальные памятники бурятской национальной культуры – дацаны. Агинский, Цугольский, Узонский и Угданский дацаны, все они действуют и являются центром культуры, философии и медицины. Агинский Дацан сейчас восстанавливается после пожара, Цугольский Дацан находится в лучшем состоянии, но требует реставрации и очень бережного отношения. Это новое направление для нашей компании, и сейчас мы активно изучаем историю создания Дацанов, специфику их воссоздания.

Какой из городов забайкальского края, на ваш взгляд, наиболее интересен и чем?

О.К. Нам наиболее интересен Нерчинск, который является культурным центром, там долгое время жил и работал Михаил Дмитриевич Бутин. Он родился в купеческой семье, известной в посадском населении Нерчинска начала XVIII века. Начав предпринимательскую деятельность будучи совсем юным, он вместе со старшим братом Николаем занимался исследованием месторождений золота в Забайкалье. В скором времени братья Бутины стали крупнейшими золотодобытчиками и держали в своих руках всю торговлю и промышленность Восточной Сибири. Михаил Дмитриевич Бутин отличался высокой образованностью, предприимчивостью и тонким эстетическим вкусом. Он переписывался с декабристами, был автором статей и книг по экономике Забайкалья, много путешествовал, был знаком со многими передовыми людьми того времени. Бутин очень увлекался архитектурой, многократно посещал Европу и Америку. Он привнёс мавританский стиль в архитектуру Забайкалья, стиль, которого до него не было не только в Забайкалье, но и во всём Дальневосточном округе. И, конечно, такой уникальный опыт архитектуры нужно воссоздать и сохранить. Сделать это важно не только для города Нерчинска, но и для всего Забайкальского региона. Такой подход позволит открыть туристические возможности для региона и вернет нашей стране совершенно уникальный памятник.

Нерчинск.
Воскресенский
Собор

Существует ли государственная программа по сохранению исторического наследия Забайкалья?

О.К. Насколько я знаю, на сегодняшний день такой программы не существует, но, по согласованию с руководством Забайкальского края, мы такую программу разрабатываем. Программа касается города Нерчинска, в XIX–начале XX веков он по праву сохранял за собой звание культурного и просветительского центра Забайкалья. В городе существовали уездное, духовное, гражданское, реальное, ремесленное училища, музыкальная школа, женская прогимназия, общественная библиотека, работали кружки любителей музыки и литературы, отделение Русского Музыкального Общества и другие.

На какой стадии разработки находится эта программа?

О.К. Программа находится в стадии завершения, мы сделали проект программы создания исторического центра г.Нерчинска, в который включены объекты федерального значения и объекты, находящиеся в федеральной собственности. Параллельно мы проанализировали общую структуру города Нерчинска, это охранные зоны, в которые входит исторический центр, парки и другие объекты, всё, что связано с Михаилом Дмитриевичем Бутиным, с созданием уникальных памятников архитектуры на территории Нерчинска.

Расскажите, пожалуйста, об общей концепции программы.

Что является её ядром?

О.К. Её ядром является Дворец, построенный в мавританско-готическом стиле потомственным купцом и первым миллионером Сибири - Михаилом Дмитриевичем Бутиным. Свой знаменитый Дворец, который до сих пор украшает Нерчинск, Бутин начал строить в середине 60-х годов, во время расцвета «бутинского» предпринимательства. Интерьеры дворца поража-

ли своей роскошью. Был выстроен целый комплекс, в который вошли: оранжерея, водонапорная башня, складские комплексы, великолепный парк, который, к сожалению, сейчас находится в руинированном, заброшенном состоянии. Программа направлена на то, чтобы вернуть Забайкалью этот исторический комплекс, в том виде, в котором он существовал при Бутине. Задачу мы реализовывали путем сбора документов, изучения архивных материалов. Прделана очень большая работа, по ее итогам составлена презентация и написана программа, которая передана и.о. губернатора на рассмотрение, и я надеюсь, что наша программа будет увидена, услышана, в дальнейшем реализована, и уникальный Нерчинск будет восстановлен.

Один из памятников культурного наследия Нерчинска – «Усадьба Бутина». Могли бы вы рассказать о нём подробнее?

О.К. Самым уникальным объектом архитектурного наследия Нерчинского района является Дворец, о котором я уже упоминал, и вся усадьба купца Михаила Дмитриевича Бутина, которая до сих пор является визитной карточкой города Нерчинска. Изначально главное здание планировалось максимально удобным, кроме жилых помещений

там должны были разместиться главные учреждения «Торгового дома», созданного братьями Бутиными. В результате усадьба заняла целый квартал, а одноэтажный в своей основе дом М.Д.Бутина вытянулся в полквартала. Венцом ее стал трехэтажный юго-восточный фасад, выполненный в мавританском стиле, к которому относятся средневековые памятники Магриба и исламской Испании, в основе лежит сочетание художественных традиций вестготов, берберов и других народов. В интерьерах были художественно оформленные камин и винтовые лестницы, редкий по красоте паркет из даурского красного дерева, огромный витраж «Архангел Михаил, поражающий дьявола» работы мюнхенской мастерской, многочисленные картины известных мастеров, орган – оркестрион, домашний музей и библиотека. Нельзя не упомянуть о венецианских зеркалах. По тем временам это были самые огромные зеркала в мире, высотой в дворцовые стены от пола и до потолка. Зеркала доставлялись во Дворец на пароходах через моря и океаны. Шесть зеркал были куплены Михаилом Бутиным на Всемирной выставке в Париже в 1878 году, они находятся в главном здании усадьбы Бутина и тоже нуждаются в реставрации на сегодняшний день. Очень богатый, очень интересный памятник.

Приходилось ли вам бывать в других городах Забайкальского края?

О.К. Да, конечно. Мы объехали практически весь регион, помимо Читы и Нерчинска побывали в бурятском автономном округе, посетили Агинский Дацан, посетили Цугольский Дацан, посмотрели на нынешнее состояние памятников. Состояние памятников разное, так как серьезных реставраций на сегодняшний день не было, какие-то объекты находятся в состоянии проектирования, какие-то объекты только готовятся к этой стадии. Так что мы имеем полное представление о том, с какими сложностями придется столкнуться при реставрации, и собственными глазами посмотрели на уникальность всех этих памятников.

С какими проблемами «на месте» пришлось столкнуться?

О.К. Ну, прежде всего удаленность от каких-то ресурсосодержащих населенных пунктов, есть проблемы с поставками реставрационных материалов, с расселением специалистов. Достаточно тяжелый климат, большая температурная разница. Степной ветер выдувает практически всю растительность. Ну и пресловутые забайкальские пожары, от которых нужно защищать памятники, предусматривать дополнительные меры по противопожарной безопасности, такие меры мы закладываем при разработке реставрации усадьбы Бутина.

Нерчинск.
Усадьба
М.Д. Бутина.
Витраж
«Архангел Михаил,
поражающий
дьявола».
Здание музея

Много ли в Забайкалье объектов культурного наследия в целом?

О.К. Общее количество мне неизвестно, но мы работали примерно с тридцатью объектами.

Во многих городах России и бывшего Советского Союза есть Нерчинская улица либо Нерчинский переулок. Как вы думаете, с чем это связано?

О.К. Насколько я знаю, Нерчинск являлся не только культурной столицей Забайкалья, но в советские времена ещё и природным уникальным комплексом. Есть такой природный заповедник-здравница «Дарасун», который находится под Нерчинском. Лечение в этой здравнице основано на уникальной минеральной воде, похожей по своему составу на кисловодские нарзаны. Туда до 60 тысяч советских граждан ежегодно отправлялись на отдых и восстановление здоровья.

Каждый объект культурного наследия можно сравнить с живым организмом долгожителя, ведь многим из них не одна сотня лет? Что меняется в его жизни после проведения реставрации?

О.К. Каждый человек периодически проходит диспансеризацию и пытается улучшить свое здоровье. Памятники не исключение, им тоже периодически нужно «лечение», кому-то кардинальное, кому-то косметическое. Без этого они не

могут функционировать и существовать, тем более что памятникам требуется приспособление, меняются их пользователи, изменяется назначение. На самом деле, большинство памятников требуют вмешательства – и, как правило, хирургического. Если мы говорим о Нерчинске, то памятники на сегодняшний день пребывают в плачевном состоянии. Те красоты, которые мы видим на старых фото, сохранившихся до наших дней, не существуют, ничего этого нет. Главная арка усадьбы Бутина утрачена полностью, ворота тоже. Складские комплексы используются не по назначению. Оранжерея, водонапорная башня разрушены, парк находится в запустении. Очень много стоит задач: не разработана зона охраны, не разработан генплан Нерчинска, не определены статусы многих объектов. Нерчинск, за свои 359 лет существования, воплотил в себе историю всей России, внесён в ранг исторических городов и, при успешной реставрации, мог бы стать центром туризма. Если у государства будет интерес к развитию этого города, тогда, конечно, предстоит большая работа и серьезные финансовые вливания.

Ваш жизненный девиз?
О.К. Мой жизненный девиз – не иметь никаких девизов!

Михаил Черенков

Председатель совета
Калининградского областного
отделения ВООПИиК

Königsberg
1913

Königsberg
27 августа 1944 года

НАСЛЕДИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. РОДИНА ДВУХ РУССКИХ ДИНАСТИЙ

Тема сохранения исторического наследия на территории Калининградской области, ставшей военным трофеем СССР после Второй мировой войны, стоит сегодня достаточно остро. Во время боевых действий Кёнигсберг и другие города, расположенные на территории региона, понесли различные по степени разрушения. Больше всего пострадал Кёнигсберг. Наиболее значительный ущерб объектам культурного наследия столицы Восточной Пруссии нанес не молниеносный штурм города Красной Армией в апреле 1945 года, ставший одной из самых блестящих операций советских войск за всю историю войны, а бесчеловечные бомбардировки британских королевских ВВС.

В результате мощнейших налётов на Кёнигсберг в августе 1944 года, при которых англичанами впервые были применены напалмовые бомбы, городу и его историческому наследию был нанесён катастрофический урон, было разрушено свыше 40% всех зданий Кёнигсберга, а исторический центр города, исчислявший свою историю с XIII века, практически перестал существовать. В результате налётов погибло 4200 жителей,

Первая бомбардировка
была проведена в
ночь на 27 августа
1944 года 5-й Группой
ВВС Великобритании
в составе 174-х
бомбардировщиков
Ланкастер

200 тысяч остались без крова. С удалением от центра города степень разрушений уменьшается, и на окраинах Калининграда сегодня можно встретить сохранившиеся кварталы и улицы со зданиями немецкой постройки. Малые города Калининградской области англичане не бомбили, поэтому они пострадали гораздо меньше, а некоторые совершенно незначительно. После разделения Восточной Пруссии между Польшей и СССР и закрепления границ на Потсдамской конференции в августе 1945 года, 7 апреля 1946 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об образовании на территории г. Кёнигсберга и прилегающего к нему района Кёнигсбергской области и о включении ее в состав РСФСР. 4 июля того же года она была переименована в Калининградскую. С этого времени началась советская, а в 1991 году - российская история региона.

Наследие войны

Отношение к памятникам архитектуры после войны было неоднозначным. В памяти первых советских переселенцев, приехавших в Калининградскую область, еще свежи были преступления Вермахта и СС, совершенные на оккупированной территории СССР, поэтому ожидать любви к германскому прошлому было сложно. Помимо этого перед страной стояла задача скорейшего восстановления Сталинграда, Ленинграда, Минска и других городов, пострадавших от нацистских войск, поэтому кирпич от разрушенных зданий, который горами лежал на улицах Кали-

нинграда, грузился на баржи и отправлялся в СССР. На восстановление центральной части города у СССР не было ни сил, ни средств. Переселенцы и органы власти поначалу занимали сохранившиеся здания, которых вполне хватало. В них делался ремонт, они приводились в относительный порядок. О научной реставрации речи не шло — надо было хоть как-то приспособить то, что осталось, а поскольку город и промышленные предприятия области лежали в руинах, то рук катастрофически не хватало, необходимо было в первую очередь обеспечить экономический потенциал нового советского региона. Нельзя сказать, что памятники

архитектуры целенаправленно разрушались, как это делается часто в последние годы в прессе и научных публикациях с целью дискредитации советского и российского присутствия на прусской земле. Остатки стен разрушенных зданий в центральной части Калининграда простояли нетронутыми до конца 1950-х годов, к тому времени они окончательно превратились в руины, которые проще было снести, нежели восстанавливать. В 1960-х годах начинается разбор зданий в центральной части города, а на освобождаемом месте возводятся дома хрущевской постройки и высаживаются деревья. Тем не менее, наиболее уцелевшие здания, а также Кафедральный собор Кёнигсберга, были сохранены. Поэтому сегодня в центральной части города можно встретить рекреационные парковые зоны, являющиеся лакомым куском для местного строительного бизнеса, стремящегося застроить все свободные пространства в историческом центре.

Панорама
разрушенного
Кенисберга. Фото
начала 1950-х годов

Кафедральный собор
Кёнигсберга на фоне
строящегося города.
Фото середины 1970-х
годов

Фото предоставлены автором, log1.ru

Скульптура «Борющиеся зубры» на фоне здания
Калининградского государственного
технического университета

С уважением к немецкому прошлому

В советское время как немецкой, так и прусской истории региона уделялось мало внимания, а отношение к сохранившимся памятникам архитектуры и истории было достаточно практичным. Атеистическое государство приспособляло лютеранские и католические кирхи под склады, в административных зданиях размещались различные учреждения, а жилые здания предоставлялись для проживания советских граждан. Например, областное управление НКВД (ныне ФСБ) разместилось в здании, где располагалось гестапо, а Калининградский государственный университет (ныне БФУ им. Канта) - в восстановленном без декоративных элементов здании Кёнигсбергского университета. Поскольку регламентированный партией стиль жизни строителей коммунизма существенно отличался от быта прежних хозяев Восточной Пруссии, дома часто переоборудовали. Тем не менее, в Калининграде существуют образцы очень удачного восстановления исторических зданий. К примеру, здание Калининградского государственного технического университета, расположенное на площади Победы. Задуманное архитектором Германом Тиле асимметричным, оно было построено в течение 1913-1917 годов и использовалось для расположения в нём административного и земельного судов. Перед зданием была установлена скульптурная композиция Августа Гауля «Борю-

щиеся зубры». Сегодня оно практически не отличается от довоенных фотографий, сохранилась и скульптурная композиция. Таких примеров много. Еще одним положительным примером сохранения немецкого исторического наследия в Калининградской области является здание Кафедрального собора на острове. Построенное в XIV веке, и одно из немногих, сохранившееся в центре города, в 1960 году оно получило статус памятника культуры республиканского значения и было взято под охрану. Восстановление началось уже после распада СССР. Своей второй жизнью собор обязан Игорю Александровичу Одинцову, который ныне является почетным гражданином Калининграда. Основанная им фирма «Кафедральный Собор» в 1992 году решила заняться восстановлением этого памятника. Вместе с группой энтузиастов Игорь Александрович, строитель по образованию, посвятил свою жизнь делу возрождения храма из руин. После восстановления в нём разместилось государственное учреждение культуры «Кафедральный собор», которое возглавил Одинцов. Годы упорного труда и поиска финансовых средств не прошли даром, и в конце 2005 года, с открытием восстановленной Валленродской библиотеки, можно говорить о практически полном завершении работ по восстановлению памятника. В 2008 году по итогам акции «Семь чудес янтарного края» Кафедральный собор был назван главным символом Калининградской области. Сегодня это один из самых притягательных туристиче-

ских объектов региона, его изображения можно увидеть на сувенирах, но его спасителю, к сожалению, не дали закончить дело своей жизни. В конце марта 2015 года региональное Министерство культуры не продлило контракт с бессменным и принципиальным руководителем Кафедрального собора по причине... его почтенного возраста. Эта история активно освещалась в СМИ и получила широкий общественный резонанс. Несмотря на возраст, Игорь Одинцов полон сил и надеется вернуться когда-нибудь в стены собора.

Игорь Александрович
Одинцов
является основателем
Государственного
учреждения культуры
«Кафедральный собор»
Готический Кафедральный
собор Кёнигсберга
XIV века. Символ города
Калининград

Фото предоставлены автором, foti.ru

**Торжество
Православия**
Практически в каждом крупном населённом пункте Калининградской области сохранились бывшие католические и лютеранские кирхи, которые использовались в целях народного хозяйства, а советские власти региона гордились тем, что на его территории нет ни одного действующего православного прихода. Попытки верующих добиться открытия храма предпринимались практически с момента появления первых переселенцев, но они наталкивались на непреклонное желание властей добиться создания в СССР «красного» региона, где нет церквей и храмов. Наиболее упорные инициаторы выявлялись и подавлялись. Лишь 25 февраля 1985 года Калининградский горисполком городского Совета народных депутатов принял решение о регистрации православного общества в городе Калининграде, а верующим была переданы руины одной из древнейших на территории

Кирха Юдиттен.
В настоящее время
Свято-Никольский храм

Кирха Арнау. Ныне храм
святой великомученицы
Екатерины, посёлок
Родники Гурьевского
района

Калинингралской области Юдиттен-кирхи. Как заметил тогда один из партийных функционеров – активных атеистов, посетивший восстановление, «прихожане 40 лет добивались регистрации прихода, а теперь 40 лет будут его восстанавливать». Между тем, всего за полгода, без государственной помощи и финансирования, только силами и средствами православной общины объект был возрождён из руин. Уже 19 декабря 1986 года храм был освящен в честь самого почитаемого в России святого — святителя и чудотворца Николая Мирликийского, хотя работы по восстановлению храма продолжались еще пять лет. Нет единого исторического мнения ни о происхождении названия, ни о времени постройки этой кирхи. Датой её возведения считается 1288 год. Строилась она пруссами, и основной неф был сооружен из крупных необработанных осколков горных пород. Западная стена нефа построена из больших кирпичей, выложенных готической кладкой. Сегодня это главная церковь действующего Свято-Никольского женского монастыря Калининградской епархии Русской православной церкви, включённая в 2007 году в перечень объектов культурного наследия регионального значения. Русская Православная церковь имеет богатый опыт восстановления и приспособления объектов немецкого наследия. Помимо Свято-Никольского храма в Калининградской области действуют и восстановлены десятки кирх. Самыми «новыми» среди них являются церковь в посёлке Родники и кирха в Краснолесье. Первый храм – «Кирха Арнау» — одно из древнейших церковных зданий на территории Калининградской области. Она была основана в 1364 году и посвящена великомученице Екатерине. В советское время храм использовался как зернохранилище и к концу 1980-х годов являл собой плачевное зрелище. После распада СССР внимание к храму стала проявлять

германская организация «Кураториум Арнау», собравшая средства на восстановление кровли здания и колокольни. Затем на реставрацию кирхи были выделены средства из областного и федерального бюджетов. Однако работы велись медленно, и храм так и не был восстановлен. В 2010 году кирху передали в собственность Русской Православной церкви, что вызывало недовольство немецкой стороны и прогермански настроенной общественности. Между тем, менее чем за четыре года Церковь полностью отреставрировала храм, сохранив уцелевшие фрагменты древнейших средневековых фресок XIV века. Сегодня территория кирхи благоустроена, храм посещают верующие и туристы.

Кирха в посёлке Краснолесье — один из примеров государственно-частного партнерства в деле восстановления памятников. Кирха находится в 6 километрах от российско-польской границы, в непосредственной близости от пограничного перехода «Приозёрное-Голдап». Посёлок Краснолесье активно посещается туристами, он расположен на опушке Красного леса (Роминтенской пуши) и является воротами в этот обширный лесной массив, который имеет статус природного парка. В 2012 году храм, переданный в пользование РПЦ, был включён в Федеральную целевую программу «Культура России». Тогда он представлял собой руины, но в результате проведённых по государственному контракту реставрационных работ зимой 2016 года он был полностью восстановлен и стал не только одной из точек притяжения туристов в восточной части Калининградской области, но и духовным центром.

Земля варягов

Историю Калининградской области обычно представляют в двух частях — немецкой и советской. Но это неверно. Советско-российский период насчитывает лишь 70 лет, немцы завоевали эту землю более 700 лет назад, но пруссы и их предки жили здесь несколько тысячелетий. К сожалению, до сих пор историческое и культурное наследие пруссов является белым пятном на карте региона. Территория Калининградской области составляет всего 15,1 тыс. кв. км, это один из самых малых субъектов РФ (77 место), при этом история края по данным археологических исследований насчитывает более 12 тыс. лет. На сегодняшний день на территории региона известно и выявлено около 500 памятников археологии, которые географически распределены довольно неравномерно. Наибольшее их количество обнаружено в прибрежной зоне Балтийского моря, по берегам Куршского (Курского) и Калининградского заливов, крупных рек и ручьев. Помимо этого, города и поселки области, многие из которых были основаны пруссами

**Атака Московского полка в битве при Прейсиш-Эйлау (ныне г. Багратионовск).
Художник А. Аверьянов**

Королевские ворота — одни из семи сохранившихся городских ворот Калининграда. В 2005 году Королевские ворота были символом празднования 750-летия Калининграда. С того же года в воротах размещается Историко-культурный центр «Великое посольство»

Фото предоставлена автором: Fotgги

и существовали задолго до нашествия Тевтонского ордена (XIII век), являются историческими населенными местами, а их культурные слои — памятниками археологии и подлежат государственному учету и охране. При этом, по данным Службы государственной охраны объектов культурного наследия, на государственный учёт, а значит, и охрану, в регионе поставлено лишь 143 памятника археологии. К примеру, на территории прусского городища Ринау-Гальтгарбен расположена воинская часть, и доступ туристов туда невозможен. Предания гласят, что именно здесь жил верховный вождь пруссов Видевут. Прусская крепость высотой 111 м, построенная на горе, была обнесена двой-

ным валом и глубоким сухим рвом. Вначале укрепление именовалось Ринау. Затем вся местность получила название Ринау-Гальтгарбен. Это высочайшая точка Земландского полуострова Калининградской области. Зимой гора использовалась как мини-горнолыжный курорт. Так было при немцах. Сегодня древнейшая крепость, неплохо сохранившаяся, закрыта для посторонних. Уникальный объект археологии не стоит на государственном учёте, соответственно не установлены для него и охранные зоны, что привело к тому, что во время строительства автомагистрали Приморское кольцо в нескольких сотнях метрах к северу от Гальтгарбена на холмах Альк власти разместили песчаный карьер.

Сегодня туристическими маршрутами по памятникам археологии региона занимаются энтузиасты. К сожалению, эти памятники становятся объектами притяжения для черных копателей. Есть надежда, что спрос со стороны туристов приведёт к исправлению этой ситуации. Земля Калининградской области богата следами славного военного прошлого России. Здесь расположено поле победы Русской Императорской армии при Гросс-Егерсдорфе во время Семилетней войны, поля сражений с Наполеоном при Прейсиш-Эйлау и Фридрихсфельде, сохранились замки Тевтонского ордена и военные укрепления Кёнигсберга. В истории региона, наряду с германской и прусской, перепле-

ский план «молниеносной войны» и спас-
ли Париж и Францию от капитуляции.
Несколько общественных организаций,
среди которых можно выделить Кали-
нинградское региональное отделение
ВООПИиК, а также приход храма Свя-
таго Духа из города Нестерова, ведут по-
следовательную работу, направленную на
мемориализацию этого места воинской
славы России и благоустройство могил
русских воинов. Благодаря инициативе
ВООПИиК в Калининградской области
проводится масштабный военно-истори-
ческий фестиваль, посвященный Гумби-
ненскому сражению. Каждый год на поле
сражения отправляется крестный ход,
а на крупнейшем воинском мемориале
отдаются воинские почести погибшим.
На средства Президентского гранта раз-
работана архитектурная концепция буду-
щего музея-заповедника «Гумбиненское
поле», которая получила благословение
Патриарха Московского и Всея Руси

Кирилла. Но и здесь, к сожалению, су-
ществуют проблемы: общественники
пока одиноки, не все видят необхо-
димость в благоустройстве этого
достопримечательного места.
Потенциал культурного насле-
дия Калининградской области
огромен, и сегодня накоплен
богатый опыт приспособления
бывшего немецкого наследия
под нужды российских жите-
лей самого западного региона

России. Существенный рост внутреннего
туризма, а также конкуренция между
курортами России за деньги россий-
ского туриста способствуют поиску
инструментов и средств, направленных
на сохранение исторического наследия
региона и его полноценного использо-
вания при формировании туристиче-
ского продукта. Большим подспорьем
в этом направлении региону может
стать история догерманского периода
края, особенно исторические сведения
о тождественности проживавших здесь
пруссков и варяжского племени Русь, кня-
зья которого были призваны в Новгород
в IX веке. И если история зарождения
первой русской династии Рюриковичей с
территории Пруссии еще нуждается в на-
учных исследованиях, то факт происхож-
дения династии Романовых от прусского
княжеского рода является неоспоримым
и может стать настоящим туристическим
брендом региона.

Князь Рюрик вполне
может стать брендом
Калининградской области

Фестиваль «Гумбинненское
сражение» посвящен
участию России в
Первой мировой войне и
проходит вблизи поселка
Лермонтово

лись эпохи Петра I, Елизаветы, Алексан-
дра I, Николая II и советских вождей. В
2005 году широко отмечалось 750-летие со
дня основания Калининграда, подарком к
которому стала реставрация Королевских
ворот города. Королевские ворота zalo-
жены в 1843 году на месте более ранних,
построенных еще при участии русских
инженеров во время пребывания Пруссии
в составе Российской империи. Через
эти ворота из Кёнигсберга шла дорога
на Санкт-Петербург, по которой русские
губернаторы Пруссии осуществляли ос-
новную связь со столицей. 6 января 1813
года, в день Рождества Христова, по этой
дороге «вернулись» в Кёнигсберг русские
войска, преследующие отступающую ар-
мию Наполеона. К 1991 году ворота были
заброшены. Но 2 июля 2005 года в рамках
юбилейных торжеств Президент России
Владимир Путин оставил запись в книге

Куршская коса.
Природная уникальность
территории национального
парка состоит в том, что
это самая крупная песчаная
пересыпь в мире. Дюнные
ландшафты косы отличаются
исключительной красотой и
эстетическим воздействием
на человека и представляют
собой уникальный объект
для развития экологического
туризма

«Послание к потомкам», которая была
вмурована в стены отреставрированного
памятника архитектуры. Сегодня здесь
располагается экспозиция-филиал калинин-
градского Музея Мирового океана, по-
свящённая Великому посольству Петра I в
Европу, останавливавшемуся в Кёнигсберге.

Связь
с Россией
Если в советское время германская исто-
рия региона замалчивалась, то после рас-
пада СССР, в 1990-х и 2000-х годах, про-
изошел всплеск общественного интереса
и рост публикаций по немецкой истории
края. Сегодня постепенно центр вни-
мания смещается в сторону российской
военной истории региона. Столетие с
начала Первой мировой войны послужи-
ло росту мероприятий, направленных
на увековечение памяти воинов Русской
Императорской армии, прошедшей с
боями по территории Восточной Прус-
сии в 1914-1915 годах. Регион может
похвастаться тем, что единственный из
субъектов Федерации имеет на своей
территории поле русской ратной славы
Первой мировой. На нем 20 августа 1914
года русские войска разрушили герман-

Фото предоставлены автором, foti.ru

Чердынь.
На снимке справа-налево:
Воскресенский собор,
Спасо-Преображенская,
Успенская и Богоявленская
церкви, собор Иоанна
Богослова.
Фотография
С. Прокудина-Горского.
Реставрация:
К. Ходаковский,
В. Ходаковский

Чердынь расположена на высоком правом берегу реки Колвы, недалеко от места, где она впадает в реку Вишеру. С этим связана версия филолога А.С. Кривошековой-Гантман, по которой своё имя Чердынь получила от двух коми-пермяцких слов: чер — «приток» и дын — «устье», — то есть «поселение, возникшее при устье ручья». Согласно другой версии, название поселению дала расположенная с северной стороны города река, которая до прихода русских называлась «Чер», а поселение, расположенное в её устье, именовалось «Чердын» («дын» в данном случае переводится с коми-пермяцкого как «место около чего-либо»). Название же Пермь Великая появляется в летописях XVI–XVII веков.

На сегодняшний день точно неизвестно, когда была основана Чердынь. По одной из гипотез, первое поселение появилось в этом районе южнее современного города, на месте села Пянтег, затем переместилось на север, в район села Покчи, и только потом переместилось на нынешнее место. Чердынское городище относят к родановской археологической культуре (IX-XV века), чьё население являлось предками коми-пермяков. Об этом времени известно немного, однако при раскопках городища была найдена глиняная посуда и бронзовые украшения XII-XIII веков, что позво-

ЧЕРДЫНЬ КНЯГИНЯ ГОР

«Самое прекрасное и таинственное место на земле!» - сказала Великая Княгиня Мария Владимировна Романова, глядя с вершины холма на расстилающийся перед ней простор. Перед ней был небольшой городок Чердынь, затерянный среди вечно спокойных уральских гор. Обманчиво тихий и безмятежный, многие века он хранит свои легенды, тайны и славу прошлых времён. Сейчас Чердынь — административный центр одноименного района в составе Пермской области. Население города составляет всего 5 тысяч жителей, а до ближайшей железнодорожной станции в Соликамске — 102 километра. Однако так было не всегда: когда-то Чердынь была бурно развивающейся столицей, носила гордое имя Перми Великой, и слава о ней шла даже в Скандинавии, где её называли Биармией.

ляет предположить развитый быт древних обитателей Чердыни. Первые найденные деревянные укрепления русского кремля датируются XVI-XVII веками.

Чердынь была центром исторической области Перми Великой, чьё бурное развитие было связано в первую очередь с торговлей. В X-XII веках торговля шла во всех направлениях — Волжская Булгария, Великий Новгород, Югра и даже Иран. Новгородцы считали Пермь Великую одним из своих округов и получали с неё дань, называемую полюдем. Возможно, название самой высокой точки Уральских

гор в этой местности, горы Полюд, происходит от этого слова. Однако местные жители испокон веков хранят легенду, что Полюд — это великан-богатырь, обернувшийся горой. Он жил в пещере за Колвой-рекой и охранял милую его сердцу Чердынь. Когда он видел врагов, подходящих к городищу, разводил высокий костёр, предупреждая жителей. Но однажды войско было столь несметным, что Полюд решил сам вступить в бой. Три дня и три ночи он бился с вражьей ордой, и, наконец, рассердившись, богатырь топнул ногой о землю. Земля закачалась

и застонала, а Вишера вышла из берегов, потопив всех вражеских воинов. Прошло время, и великан Полюд окаменел, став горой возле Чердыни... Пермь Великая бурно развивалась благодаря природным богатствам своей земли и умению местных жителей выгодно их продать. Экономическое развитие региона достигло пика в XV веке. Местная пушнина высоко ценилась в Европе, а в обмен на неё купцы получали уникальные серебряные изделия из Персии, Византии и Моравии. Это серебро составляло значительную часть дани, которую русские платили Золотой Орде. Немудрено, что столь богатый край был крайне привлекателен для московских князей, однако лишь Василию Тёмному удалось оспорить господство Новгорода и назначить в город своих ставленников во второй половине XV века. Наиболее достоверные сведения о Чердыни относятся именно к этому времени, когда она вошла в состав Великого Княжества Московского. Первым свидетельством является Вычегородско-Вымская летопись, где Чердынь упоминается с 1451 года: “лета 6959 прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте

наказной по уставной”. Несмотря на это, Пермь Великая оставалась непокорённой. Так во время войны Москвы с Казанью, великопермские князья отказались участвовать в походе, при этом заключая союзы с вятчанами против вогулов (манси) без разрешения Москвы. Не разрывались и отношения с Великим Новгородом. Поэтому в 1472 году воспользовавшись надуманным предлогом (кто-то обидел московских купцов в Чердыни) Иван III ввёл в город свои войска и разбил пермское войско. Непростыми были и отношения Чердыни с христианством. В 1455 году Епископ Питирим пытался «крестити ко святей вере чердынцев», однако был убит вогулами. Лишь в 1462 году после “добавного крещения” в городе был основан Иоанно-Богословский монастырь, при котором заложили первый на Западном Урале христианский храм – деревянную церковь Иоанна Богослова. С 1505 года княжество было упразднено, и население Чердыни стало преимущественно русским, тогда как коми-пермяки

Фрагмент плана
генерального межевания
Чердынского уезда

Троицкое городище, место
древнего кремля

остались лишь в отдалённых деревнях. Несмотря на эти изменения, непокорный характер края ещё не раз спасал город – Чердынь пережила атаку вогулов, пожар, в результате которого город практически сгорел дотла. Деревянный кремль, возведённый на Троицком холме под руководством московского дьяка Семёна Курчова в 1535 году, пережил одиннадцать серьёзных осад. Поскольку Чердынь являлась приграничной крепостью, многие испытания выпали на её долю – известна икона 85 чердынских мучеников, погибших во время набега ногайских татар. В 1535 году Чердынь была официально признана городом. В 1558 году Аника Федорович Строганов испросил у Ивана Грозного часть пермских земель в вотчину дабы «варницы ставити и соль варити». Тогда Чердынь утратила

своё политическое значение, а её экономическое положение изменилось – на смену мехам, серебру и войнам пришли солеварение, пашни и планомерная застройка небольших укрепленных городков. И по сей день экономика края развивается преимущественно за счёт разработки месторождений поваренной и калийной солей. Сейчас Чердынь интересна как туристам, так и исследователям. В городе находится более 100 памятников истории и культуры под открытым небом, а непрекращающиеся археологические работы постоянно добавляют новые сокровища в коллекцию города. Троицкое городище, расположенное на одноименном холме, превращается в историко-культурный центр, где будет воссоздан уникальный деревянный кремль. Горы и скалы, окружающие Чердынь, не

Вид на камень Полюд
с камня Ветлан на реке
Вишере

оставят равнодушными любителей природы и сказок. Помимо изумительной красоты нетронутой природы, это источник бесконечного множества местных легенд. Сейчас из Чердыни отправляются в походы по отрогам Уральских гор, в Дивью пещеру, по таёжным тропам, сплавляются по рекам Колве, Вишере и Берёзовой. Богатое историческое прошлое города позволило возродить народные промыслы и ремесла: резьба и роспись по дереву, узорное ткачество, плетение, работы с металлом и гончарное дело. Местный «Исторический театр» в целях распространения знаний о наследии города

проводит спектакли, основанные на событиях прошедших веков. В рамках традиционного фестиваля «Сердце Пармы» и форума «Русский мир» в Чердыни проходят научные и культурные конференции, представления и открытые дискуссии. Несмотря на то, что бурное боевое прошлое осталось в прошлом, Чердынь полна очарования безмятежной русской глубинки. Облик старинного русского города складывается из небольших усадебных хозяйств, уникальной деревянной скульптуры этих краёв и даже старообрядческого христианства, которого придерживается значительная часть местных жителей. А вокруг Чердыни, как и многие века назад, шумят леса, уходящие за горизонт, сияет изгибами река Колва, и вековые горы охраняют покой этого сказочного места.

Краеведческий музей. Чердынский краеведческий музей хранит более 110 тысяч уникальных объектов, среди которых есть археологические ценности, пермская деревянная скульптура, образцы пермского звериного стиля, старопечатных и рукописных книг XVI–XVIII веков, коллекции иконописи, этнографии, клады восточных монет.

Иранское блюдо
VI-VII веков

Иоанно-Богословский мужской монастырь. Был основан святителем Ионой, епископом Пермским, в 1462-1463 годах в Чердыни. Первый монастырь, построенный после крещения чердынцев.
Храм Иоанна Богослова. Это самая старая каменная постройка Чердыни. Храм был возведён в 1704-1718 годах пленными шведами. Внутри сохранился один из трёх на всю Россию иконостасов, выполненных Дмитрием и Григорием Федоровыми.

Чердынская застава. Современная реконструкция (2011 г.) заставы, располагавшейся на Чердынском тракте. Другое название название – «Государева дорога соболиной казны». Является первым торговым трактом в Сибирь, активно использовалась вплоть до 1597 года.

Музей истории веры. Музей со множеством интереснейших экспонатов, собранных с окрестных церквей. Расположен в Успенской церкви (1784). Иконы, церковная утварь и материалы по храмам Чердынского района.

Комментарий К. Михайлова:
«Чердынь – прекрасный и небольшой исторический город, расположенный среди не изменившейся за последние тысячелетия природы. Его особенность состоит в том, что сохранилось большое количество памятников и практически вся историческая застройка XIX века. Усилиями местных властей эта застройка находится в прекрасном состоянии. В Чердыни есть такие редкие памятники, как церковь Иоанна Богослова, здание местной больницы, куда в своё время попал Осип Мандельштам во время ссылки. Чердынь удивляет тем, что в таком глухом медвежьем углу Пермского края чрезвычайно развита туристическая инфраструктура, например, построены первый во всем крае туристический информационный центр, прекрасная современная гостиница, проводятся разнообразные культурные фестивали».

Говорливый Камень. Говорливый Камень – скала, обладающая удивительно звучным эхом. По легенде, у ее подножия жили мирные рыбаки и охотники. Однажды один рыбак увидел приближающееся войско врагов и, поскольку за помощью идти было поздно, принял неравный бой и погиб. Тогда скала заговорила и возвестила на все окрестности о силе и смелости рыбака. Жители услышали голос Говорливого Камня и разбили врагов.

Камень Ветлан. Камень Ветлан связан с одной из самых романтических легенд этой местности. В незапамятные времена прекрасная дева жила на скале рядом с Колвой, а по другой сторону реки – ее возлюбленный, молодой богатырь Ветлан. Однажды дева прыгнула через реку к нему, но разбилась, а Ветлан окаменел от печали.

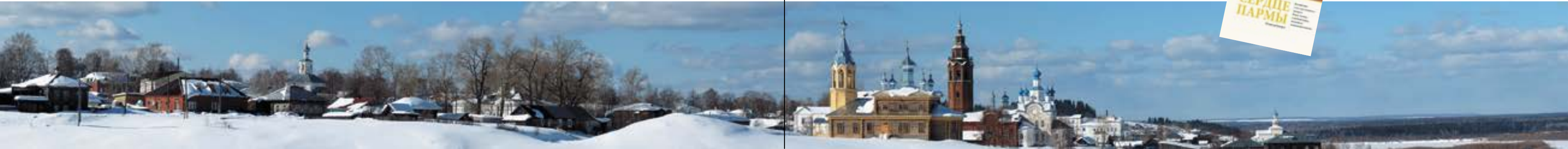
Михаил Никитич Романов. Боярин, родственник царя был сослан в 1601 году за колдовство в Ныроб (окрестности Чердыни). На фотографии С. М. Прокудина-Горского – цепи, которыми он был прикован в заключение.

Чердынь и литература. Город оставил заметный след в литературе. В 1854 году М. Салтыков-Щедрин собирал в Чердыни сведения о раскольниках. Очерк «Старая Пермь» был написан Д. Маминым-Сибиряком в 1888 году после посещения Чердыни. Многие литераторы оказывались здесь в силу трагических обстоятельств: сюда был сослан Н. Гусев, секретарь Льва Толстого, в 1909 году. Чердынь также место первой ссылки поэта О.Мандельштама. В. Шаламов оказался в этих краях, в антиромане «Вишера» он писал: «Что мне дала Вишера? ...Я выдержал пробу – физическую и моральную. Я крепко стоял на ногах и не боялся жизни». Действие романа А.Иванова «Сердце Пармы» разворачивается в Перми Великой, а авторское название романа – «Чердынь – княгиня гор».

Юлия Ракитина

Как добраться:
Из Москвы на машине ехать 24-27 часов: либо через Нижний Новгород, Казань, Пермь, либо через Ярославль, либо через Холмогоры.
Удобнее всего добираться с Пермского автовокзала. Автобус №753 отправляется в 7:35 и 16:55, время в пути 6 часов. Транзитные автобусы и маршрутки ходят часто, средняя цена билета 600 рублей. Можно ехать через Соликамск, от которого до Чердыни еще час-полтора пути на машине. Для экстремалов из Перми возможен туристический маршрут 300 километров, это примерно 60 часов пешим ходом. На велосипедах в три раза быстрее. Возвращаться можно по рекам на байдарках. От Чердыни до знаменитого Перевала Дятлова - еще примерно 200 километров на северо-восток.

ВЯТСКОЕ

РУССКАЯ СКАЗКА О СЧАСТЛИВОМ СЕЛЕ

Если переехать в Ярославле Волгу и пройти через Тверицы, то очутишься на столбовом почтовом тракте. Проехав 19 вёрст по песчаному грунту, где справа и слева песок, мелкий кустарник и вереск (зайцев и куропаток там несть числа), то увидишь деревню, начинающуюся столбом с надписью: «Сельцо Грешнево, душ столько-то господ Некрасовых», - писал Некрасов, наезжая в свое родовое имение. Ну а Вятское чуть дальше. Кажется, что после Аббакумцева и Грешнева уже и ничего нет здесь, кроме пологих холмов, полей, убегающих за горизонт, да сиротливо жмущихся другу к другу пролесков. Ан нет. Есть еще Вятское как награда за находчивость и настойчивость. Сонный пассажир туристического долго трясет головой, пытаюсь прогнать сон. Но это не сон, а сказка, ставшая былью. У этой ярославской былины – историко-культурного комплекса Вятское имени Е.А. Анкудиновой - есть свой автор. Зовут его Олег Жаров.

Олег Жаров
Ярославский предприниматель

Олег Алексеевич, расскажите, с чего и как все началось. Вроде бы математический диплом Ярославского университета особо не располагает к филантропии?

О.Жаров. Располагает, и еще как! Филантропия не зависит от выбора профессии, это потребность души. Что касается математического образования, то оно простирается намного дальше применения университетского диплома. Математика прививает любовь к порядку, ясности мышления, упорство и стремление доводить начатое дело до совершенства. Эти качества помогают и в профессиональной сфере. Более двадцати лет я занимаюсь вопросами экологии и экономики - как на уровне науки, так и в практической плоскости. Тема «экологического предпринимательства» для многих звучит экзотично, а то, что она может быть экономически успешна – часто вызывает недоумение у людей. По опыту деятельности наших предприятий, входящих в группу компаний «Эколайн», могу доказать обратное: среди результатов работы не только улучшение качества окружающей природной среды, но и доходы предприятия, которые позволяют содержать численность штата в 400 человек с размером заработной платы выше средних показателей по региону. В целом считаю, что экологическое предпринимательство должно развиваться как отдельное направление экономических преобразований. Экология в производстве начинается с экологии разума, бережливого отношения к вещам. Наверное, поэтому с переездом в село на подсознательном уровне появилось осознанное желание преодолеть разруху и депрессивность сельского уклада жизни.

Почему вы обратили свое внимание именно на Вятское?

О.Ж. История переезда в Вятское довольно банальна: искали с супругой дом в сельской местности, где можно было бы отдохнуть от будней и городской суеты. Объездили всю область, но выбор остановился именно на Вятском. Сложно сказать, это случайность или нет. Сперва Вятское заинтересовало домами дореволюционной постройки с великолепной лепниной, один из таких домов мы и приобрели – так называемый «дом со львами», бывший особняк купца Галочкина. Восстановили его, начали приезжать на выходные, а потом и сами не заметили, как променяли городскую прописку на загородную жизнь. Вятское как будто притягивает магнитом. И чем дольше здесь живешь, тем это притяжение сильнее. Возможно, это волшебство связано с особыми свойствами местной воды – в ней большое содержание железа и полезных микроэлементов. Благодаря химическому составу воды Вятское еще в конце XIX века прославилось засолкой огурцов – они здесь получаются невероятно хрустящие! А в начале XX века газеты писали о том, что по лечебным свойствам вода Вятского близка к Баден-Баденской. В целом история села богата на исторические факты. В селе из сотни строений более половины – это памятники архитектуры. В то время, когда мы только сюда переехали, в большинстве своем они были без крыш, с зияющими проемами на месте окон и дверей, начинали зарастать кустарниками и деревьями. Разруха повсюду была жуткая, особенно бросался в глаза мусор. И, конечно, математический взгляд категорически протестовал против мусорного хаоса и безалаберного отношения к истории.

...и в какой-то момент математический перфекционизм сказал «стоп»?

О.Ж. Однажды, прогуливаясь с супругой по селу, в беседе промелькнула идея: вот бы восстановить и другие старинные дома села! Эта мысль прозвучала в неожиданный момент, но заставила задуматься: а почему бы и нет? Ведь хочется видеть чистоту и порядок на выходе из своего дома и на улице, по которой проходишь каждый день. Я сторонник поступательного развития. Если что-то начинаешь претворять в жизнь и чувствуешь, что дело, что называется, «идет», бросаю на это всю энергию. Так и получилось с Вятским. Взялся реставрировать одно здание, потом ещё. Поставили по всему селу и на въезде таблички с надписью «У нас не мусорят». И так постепенно, шаг за шагом, село начало меняться. Хотя не скажу, что всё шло легко. Самым трудным оказалось выкупать здания для реставрации. Собственники, многие из которых уже давно не жили в этих домах, вдруг вспомнили про родные пенаты, задирали заоблачные цены. Переговоры шли всегда очень тяжело. Бывали моменты, что хотелось всё бросить. Но процесс затянул. В какой-то момент была пройдена точка невозврата: не будет поворота к прежней разрухе, пришло осознание, что если село избавилось от уличного мусора, то здесь обязательно изменится и жизнь, что с такой богатой историей Вятское достойно музея и не одного.

Безусловной архитектурной доминантой села является храм Воскресения Христова, возведенный в 1750 году на пожертвования местных жителей

Старые деревенские бани на реке Ухтанка

Расскажите поподробнее...

О.Ж. В 2008 году в одном из отреставрированных зданий открылся первый музей – Музей русской предприимчивости. Тематика музея выбрана неслучайно. Местные жители до революции были крестьянами-отходниками, очень предприимчивыми. Многие прославились, как, например, Петр Телушкин, или стали предпринимателями и сделали большие капиталы в Санкт-Петербурге. Связь с Вятским они не теряли и строили на родине дома со столичным шиком: каменные, с покатыми крышами, с узорчатыми водостоками и роскошной лепниной на фасадах домов, а в доме – с изящными изразцовыми печами. Элементы местной архитектуры представлены в качестве экспонатов в музее русской предприимчивости. Через некоторое время открыли еще несколько музеев, воссоздающих местный быт и традиции. Слухи о восстановлении села

Село Вятское Некрасовского района Ярославской области стало первым членом Ассоциации самых красивых деревень России

разлетелись быстро, потянулись туристы. Вскоре туристический поток стал таким большим, что стало понятно – только музейной работой мы не ограничимся. В одном из зданий открыли гостиницу, в другом – ресторацию. Так в 2010 году появился Историко-культурный комплекс «Вятское». Конечно, даже туристическая инфраструктура комплекса не осталась без налета старины. В Вятском не просто гостиница или ресторан – это полноценные музейные пространства! Вы можете пообедать в залах со старинными часами и музыкальными инструментами, все они действующие, а в гостинице каждый номер посвящен какому-либо историческому событию или персоне, жизнь которого связана с Вятским. Дальше – больше! В здании бывшего пожарного Депо открыли киноконцертный клуб, выставочные залы, построили летнюю концертную площадку, открыли художественную студию для местных ребят. Проводим множество массовых

мероприятий – Новый год, Масленицу, День венка и многое другое. На мастер-классы фестивалей «Провинция – душа России» приезжают деятели культуры, науки и искусства с мировыми именами. Третий год подряд будет проходить туристский фестиваль «Дни Н.А. Некрасова в Вятском». Да-да, имя и творчество Николая Алексеевича Некрасова тесно связано с нашим селом. Почитай-те главу «Сельская ярмонка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо», Вятское описано здесь как село Кузьминское. Приятно, что поток туристов продолжает увеличиваться и к началу 2016 года достиг полумиллионного рубежа! В дни больших праздников, например, Масленицы, гостей села в три раза больше, чем численность жителей! А за неделю крещенских праздников приезжает

ежегодно по пять-десять тысяч – настолько Часовня-Купель полюбилась гостям. Хотя туристической нагрузки Купель не должна была нести, она создавалась для местных жителей. С предложением организовать постоянно действующую купель обратился настоятель нашей церкви Воскресения Христова по просьбам жителей села.

Вы вернули местным жителям этой ярославской глубинки самоуважение. Они вдруг почувствовали, что живут хоть и в провинции, но, если ее обустроить с такой любовью и скрупулезностью к деталям ушедшей эпохи, быта, то своим городком можно и нужно гордиться, причем не только на словах. Как это вам удалось?

О.Ж. Не думаю, что местный уклад жизни кардинально изменился. Лучше отбросить патетику и идеализацию. Бывает, приезжают туристы в Вятское и ищут сельскую жизнь как с рекламной картинки популярных молочных брендов. А видят по округе незасеянные поля, брошенные огороды... – разочаровываются! Но ведь так не бывает, чтобы село существовало вне исторического контекста. Конечно, Вятского коснулось и разруха, и нищета. Жители по-разному относятся к восстановлению села. У кого-то проснулась предприимчивость – начали продавать недвижимость втроедорога, кто-то недоволен, что по селу стали ходить туристы. Но многим произошедшие перемены нравятся – сами водят гостей с экскурсиями по

селу, стали по-другому одеваться. Главное, для кого изменения существенны – это дети. Их здесь много. Если молодежь продолжает уезжать на работу и учебу в город, то школьники и местная детвора – это наши постоянные участники и посетители. Вход в музей для них свободный. Несмотря на то, что посещение музея для них вроде игры, они уже многое знают: и что с экспонатами нужно обращаться бережно, и историческую справку дадут не хуже, чем экскурсовод. Бывает, видят туриста, и сами, наперебой начинают рассказывать всё, что им в школе рассказывали или услышали в музее! Когда в Историко-культурном комплексе открывали художественную студию, об этом кроме местной школы больше нигде

не анонсировали. В итоге в первый день пришло столько ребят, что мольбертов на всех не хватило! А уже через неделю начали приезжать дети из Ярославля! Пришлось делать две группы по субботам и отдельную – по воскресеньям. Занятия проводит заслуженный художник России Николай Владимирович Сердюков, для сельских детей обучение бесплатно. Рисуют в основном село и натюрморты, предметы для них берут из музейных коллекций. Подрастающую сельскую молодежь активно вовлекаем в музейную и туристическую сферу. На фестивалях и массовых мероприятиях очень помогают учащиеся вятской средней школы – участвуют во-

В здании Депо пожарной дружины находится музей «Детский мир» (советской игрушки), театр-галерея и кинотеатр

Ресторан-музей и «дом со львами» (дом купца Галочкина)

лонтерами, за это им большое спасибо! А во время школьных каникул они работают экскурсоводами и официантами – зарабатывают первые деньги. Думаю, это уже несколько иное поколение, в них брошено зерно любопытства и интереса к культуре и истории большой страны и своего села.

Помню, как вы говорили местным властям: «Не надо помогать, не мешайте!». А что сейчас? Что-то изменилось?

О.Ж. Ничего не изменилось. В 2015 году Вятское стало первым членом Ассоциации «Самые красивые деревни России». Подписание хартии означает, что власти взяли обязательства по развитию инфраструктуры села. Посмотрим, что

получится. Надежды больше на краудфандинг – привлечение народных средств. До революции повсеместно была распространена традиция благотворительности. Собирали деньги на памятники, на строительство церквей, богаделен, приютов. В планах – возродить эту традицию. Тем более что Вятское имеет примеры сбора народных средств. Так были построены обе церкви и установлен памятник Александру II Освободителю. Мы предлагаем кампанию по сбору средств на памятник нашему земляку Николаю Алексеевичу Некрасову.

Мне кажется, что ваши амбиции по обустройству местожительства и преобразованию его в некое подобие русской сказки простираются и за пределы Вятского. Вы участвуете в восстановлении фамильной усыпальницы Некрасовых в Грешневе?

О.Ж. Это не амбиции, это невозможность остановиться. Психологам пора придумать что-то вроде «синдрома филантропа»! Стоит однажды вложить душу в восстановление памятника, реставрацию или благотворительное дело, и всё – вы в зоне риска! Это становится неотъемлемой частью вашей личности. А если серьезно, так получается, что проекты вне Вятского появляются сами собой. Неподалеку от Вятского располагается село Грешнево, где находилось родовое имение семьи писателя, а рядом – в селе Аббакумцево – фамильная усыпальница Некрасовых. Склеп построен на деньги Николая Алексеевича Некрасова в 1863 году. Восемьдесят лет назад она подверглась осквернению. Кто-то расстрелял стены – остались следы от пуль, нет главок и креста, а внутри – росписи не пощадили не только время и сырость, на них поднялась чья-то рука: в тех местах, где должны находиться лица святых, целенаправленно сбита штукатурка. Останков

родственников поэта не сохранилось. Но что еще парадоксальнее, фамильный склеп – памятник истории и культуры – не просто находился в запустении, документов даже не было! Яркий пример того, как стирается память о земляках! Знать об осквернении и оставаться в стороне – преступно по отношению к поэту. Сначала наш Историко-культурный комплекс занимался выправлением всех документов, затем разработкой проекта восстановления, а сейчас всё готово для проведения работ. С именем Николая

Макет памятника Н. Некрасову. Могила матери Н. Некрасова и часовня-усыпальница рода Некрасовых в селе Аббакумцево

Алексеевича связано множество планов и в Вятском: строим Литературный музей имени Некрасова, готовится к отливке памятник писателю. Все работы планируем закончить к 200-летию со дня рождения поэта в 2021 году. В части установки памятника Некрасову очень надеемся на народную поддержку. Цель не столько поиск финансовых средств, сколько желание восстановить традицию – благотворительность. Возможно, удастся кого-нибудь заразить «синдромом филантропа»! В конце 2015 года в составе ИКК «Вятское» появился новый музей – Музей современного искусства в Ярославле. Он открыт в доме, известном каждому ярославцу: так называемый «Дом муз», или бывший особняк врача Николая

Бибикова. Здание, которому больше ста лет, разрушалось, и споры городской общественности о его восстановлении не утихали годами. В итоге собственником – муниципальным музеем истории города – было предложено передать в управление нашему Историко-культурному комплексу. Год потребовался на реставрационные работы, а уже сейчас в музее готовится вторая выставка. Первая посвящена 100-летию «Черного квадрата» Малевича.

Когда на вас «свалилось» лауреатство, что-то поменялось в понимании? Может быть, вы уже достигли потолка и желать уже больше ничего. Несколько слов о ваших планах.
О.Ж. Государственная премия за возрождение села была получена в 2012 году, с тех пор открыто несколько музеев, Историко-

В Вятском большое число музеев: Русской предприимчивости, Политехнический, Кухонной машинерии, Дом торгующего крестьянина и другие

культурный комплекс награжден главной наградой профессионального музейного сообщества – Гран-При Фестиваля «Интермузей», Вятское посетил полумиллионный турист, а само село признано самым красивым. Если бы с получением премии осталось ощущение достигнутых высот, то ничего бы из перечисленного не было. В планах, как всегда, новые музеи и выставки, планируем развивать зарубежные музейные контакты. В прошлом году запустили огуречный цех, будем возрождать бренд «вятские огурцы». Недавно в село приезжала официальная делегация французского посольства, и их очень заинтересовал наш огуречный «терруар». Вятское – это место, которое будет развиваться в любом случае: механизм возрождения запущен, и обратной дороги нет. Для меня лично переезд в Вятское – это билет в один конец. И, думаю, в этом путешествии есть попутчики: в Вятском начало формироваться сообщество активных людей. Меняется социальная среда, здесь есть возможности и для работы, и

для культурного досуга. Лишь бы было желание! И ещё очень приятно слышать отзывы гостей, что Вятское меняется так быстро, что, возвращаясь сюда снова и снова, каждый раз можно увидеть что-то новое и интересное. Это надо ценить...
Автор благодарит за помощь в подготовке материалов Алену Гладкову

Ерехтанский Живоносный источник и Часовня-купель иконы Божией Матери

Франческо Бандарин
Заместитель генерального
директора ЮНЕСКО
по культуре

О КНИГЕ ФРАНЧЕСКО БАНДАРИНА И РОНА ВАН ОЕРСА

«Исторический городской ландшафт.
Управление наследием в эпоху урбанизма».
Казань, 2013

22 января 2016 года во время визита в Москву известного специалиста по охране наследия, профессора Университета архитектуры Венеции, бывшего директора Центра Всемирного наследия, а ныне главы программы по культуре и заместителя генерального директора ЮНЕСКО Франческо Бандарина состоялась презентация русского издания книги «Исторический городской ландшафт. Управление наследием в эпоху урбанизма». Своими впечатлениями об издании делится Наталия Душкина.

Франческо Бандарин был приглашен в Москву, чтобы ознакомиться с состоянием буферной зоны Московского Кремля как объекта Всемирного наследия, находящегося под охраной ЮНЕСКО. Во время визита была организована презентация книги, написанной им совместно с голландским урбанистом, специалистом по градостроительной консервации Роном ван Оерсом, неожиданно скончавшимся в 2015 году в Лхасе, во время мониторинговой миссии. Впервые книга была опубликована на английском языке в 2012 году, спустя год переведена на русский и издана в Казани при поддержке Минтимера Шаймиева, бывшего президента Татарстана. Этот значительный культурный проект в то время не получил широкого резонанса – в Москве об этом издании знал ограниченный круг лиц. Повторная презентация книги прошла в Музее архитектуры им. А.В.Щусева. Русское издание - более пространное, чем английский оригинал. Это фундаментальный труд (228 стр.), дополненный большим количеством иллюстраций, подробно освещающий проблему сохранения исторической городской среды. В приложении - международные документы, развернутая библиография. В значительной степени, книга посвящена историческим городам, включенным в список Всемирного наследия. В ней детально рассматриваются подходы к сохранению наследия, а также сама концепция исторического города как целостной структуры, которая находится в постоянном развитии. Вообще, сохранение городской среды, понимаемой как ценность, и тем более,

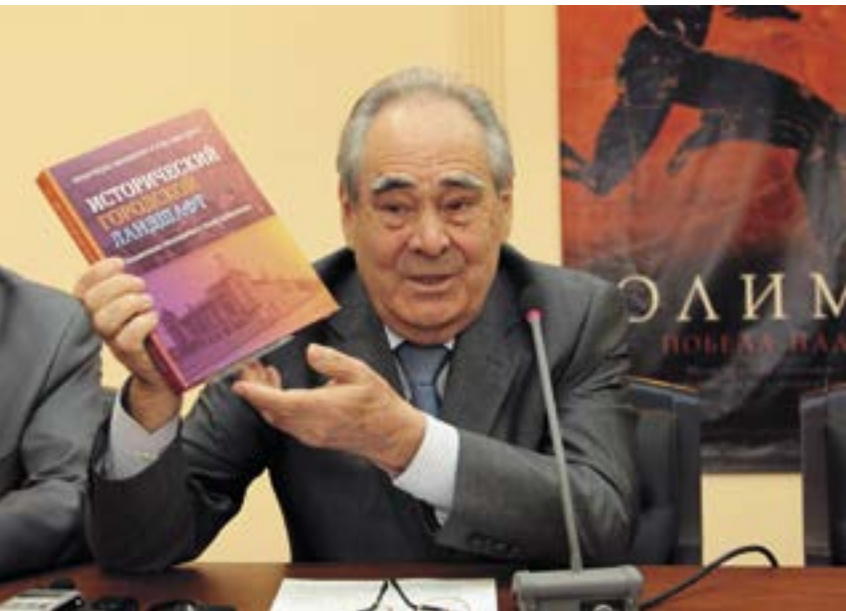
«исторического городского ландшафта» - это позднее завоевание. На Западе первые исследования, которые говорили о необходимости градостроительной консервации, появились в эпоху бурного развития городов и урбанизации второй половины XIX века. Здесь можно назвать два крупных имени - бельгийца Чарльза Бюлля и выдающегося австрийского градостроителя Камилло Зитте, труды которого пользовались особой популярностью. Его поистине пионерский труд «Der Stadtebau nach seinen kunstlerischen Grundsätzen», изданный в 1889 году, к 1930-м годам был переведен на несколько европейских языков, а в 1925 году увидел свет на русском под редакцией инженера П.А. Маматова как «Городское строительство». К 100-летию книги был издан повторный перевод на русском «Художественные основы градостроительства» под редакцией Яниша Крастиньша, известного историка архитектуры из Риги. Зитте рассматривал город как единое целое, а историческое ядро - как драгоценность. Он точно определил, с какой стороны в эпоху технологического прогресса следует ждать профессионального наступления на исторический город. Поэтому и сама книга обращена не к ревнителям старины, а к архитектору-практику. Зитте пытается убедить, что современные проектировщики должны уважать ценности, быть предельно осторожными с городской тканью, подчеркивает высочайшее значение исторических ансамблей и городов, нерасторжимое единство между памятником и его окружением. Его излюбленный пример - ансамбль афинского Акрополя.

Панорама Углича.
1897 год

По сути, Зитте предвосхитил принципы сохранения градостроительного наследия, намного позднее закреплённые в виде международных хартий. В России особый вклад в понимание ценности исторического города внес Н.П. Анциферова, автор выдающегося труда «Душа Петербурга», 1922. Наряду с научным, художественным и романтическим осмыслением темы города на рубеже XIX-XX веков начинает постепенно формироваться законодательство в сфере градостроительства.

Первым международным документом по охране наследия является «Афинская хартия» реставрации 1931 года, где, однако, речь не идет о городе как таковом. Есть лишь несколько вскользь брошенных замечаний о «духе города, с его воспоминаниями и ностальгией», которые контрастно воспринимаются в контексте знаменитой «Афинской хартии градостроительства», принятой в 1933 году на Международном Конгрессе Современной архитектуры (CIAM).

Презентация изданной на русском языке книги «Исторический городской ландшафт. Управление наследием в эпоху урбанизма». Ведет презентацию Государственный Советник Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев

В России сохранение исторических городов сопряжено с большими трудностями. Это касается и объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, в числе которых три российских города: Санкт-Петербург с пригородами, Ярославль и Дербент. Во всех трех имеются большие проблемы с поиском баланса между сохранением и развитием.

Несмотря на ряд позитивных изменений, произошедших в охранном законодательстве (73-ФЗ, «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ»), в последние годы в России наблюдается резкое сокращение числа охраняемых исторических городов. Если в 1970 году в списке числилось 115 исторических городов, в 1990 году он был расширен до 426, а в 2002 - до рекордных 478 городов, то уже в 2010 эта цифра сократилась почти в десять раз - до 41 города (сейчас в списке 43 «исторических поселения»). Такие великие города, как Москва, Новгород Великий и Псков и многие другие, согласно этому перечню, не являются историческими городами. Многие из них сильно искажены за последние два десятилетия и фактически отданы на кормление инвесторам.

В ответ на это Московская область, например, поставила на охрану 22 исторических города на региональном уровне. Сейчас появились новые подзаконные акты, направленные на укрепление понятия и охрану «исторического поселения». Необходимо составить соответствующие списки, безусловно – с последующим их расширением. Следует также подчеркнуть, что 73-й закон в недостаточной степени развивает и механизмы сохранения объектов Всемирного наследия. Отсутствует даже соответствующая терминология. К примеру, такое важнейшее международное понятие, как «буферная зона», не прописано в нашем законодательстве. Неясно, как буферная зона соотносится с отечественными зонами охраны. Не существует моста, который бы связывал терминологию национального и международного уровней, что создает непонимание и конфликтные ситуации. Такие важнейшие документы, как «План управления», «План консервации», требуемые в рамках Конвенции Всемирного наследия, на бумаге формально существуют, но плохо работают в реальности.

Панорама Вятки.
1903 год

Панорама Вологды.
1907 год

Хартия градостроительства создавалась выдающимися архитекторами XX столетия во главе с Ле Корбюзье, В. Гропиусом, З. Гидионом, бессменным секретарем CIAM. Она содержит концепцию города эпохи модернизма. По сути, это радикальный призыв к сносу исторической застройки и строительству на ее месте нового типа городского поселения, морфологически оппозиционного к историческому городу, созданному многовековыми напластованиями. Напомним, что, к примеру, Ле Корбюзье предлагал полный снос исторической Москвы с сохранением только Кремля, двух десятков церквей в пределах Белого города и организацией на месте древней столицы прямоугольной планировочной матрицы, с направлением оси в сторону Петербурга. Сама по себе планировка и модель функционального зонирования (общественная, промышленная и селитебная зоны разведены) предшествовали его концепции «Лучезарного города». Симптоматично, что в «Афинской хартии градостроительства» появился раздел «Историческое наследие городов», написанный итальянцами. В попытке

затормозить агрессивное наступление на город были провозглашены принципы бережного отношения к исторической среде и уважения к традиционным ценностям. Однако по-настоящему значительные международные документы, направленные на охрану наследия, появились в послевоенный период как реакция на разрушение и опыт восстановления городов Европы. Это, прежде всего, «Венецианская хартия» 1964 года, посвященная, главным образом, реставрации памятников архитектуры, но уже в ней содержится рекомендация в отношении исторических кварталов. Позднее, в «Вашингтонской хартии» 1987 года, специально посвященной охране исторических городов, был разработан целый корпус принципов градостроительной консервации. Появившийся в 2005 году «Венский меморандум» направлен на защиту исторических городов в эпоху бурно развивающегося урбанизма, ужесточения натиска на исторические центры, которые подверглись нашествию крупномасштабных высотных сооружений. Надо заметить, что в 2003-2004 годах именно Вена стойко сдерживала реализацию про-

екта строительства небоскребов вокруг Рингштрассе, причем эта угроза до сих пор полностью не снята. К этому времени ЮНЕСКО пришла к пониманию необходимости разработки концепции исторического города, который осмысливается не как застывшее пространство с неизменными жизненными функциями вне нового развития, а как «Исторический городской ландшафт» (Historical Urban Landscape, сокращенно, HUL), в котором процессы сохранения и развития не разведены по разные стороны баррикад, а предполагают «сохранение» как часть «развития». Стереть существующие барьеры, сделать сохранение наследия важнейшей составляющей современного города – вот задача HUL. По существу, концепция развивает тенденции «устойчивого развития», опирающегося на четыре столпа - экономику, экологию, социальные процессы и культуру; допускается развитие в центрах исторических городов, установлены допустимые лимиты новых преобразований.

В книге Бандарина и ван Оерса концепция «Исторического городского ландшафта» изложена в шести главах, первая из которых посвящена истории формирования современного взгляда на сохранение города, рассмотрению конфликта «модернизма» и «историзма». Вторая глава описывает политические процессы и международные документы, регулирующие вопросы сохранения городской среды. Далее рассматривается изменение контекста управления городским наследием. Подчеркивается, что недостаточно провозгласить право на существование городской среды или ландшафта, необходимо разработать методы управления ими, то есть того механизма, который может обеспечить баланс между сохранением и развитием. В следующих главах приводится инструментарий управления наследием, рассмотрены методы регулирования. В заключительной главе описаны проблемы городских ландшафтов, оказавшихся в эпицентре процессов глобализации. В эпилоге авторы формулируют пять важнейших позиций концепции исторического городского ландшафта, которые включают:

Панорама Китай-города. Москва. 1881 год

- исследование «пределов допустимых изменений», которые предписаны традиционной теорией сохранения градостроительного наследия. В случае пренебрежения установленным регламентом остановить натиск будет практически невозможно;
- сохранение городского наследия как экологически устойчивого процесса и осознание ценности унаследованной планировочной структуры;
- исследование новых интерпретаций наследия, которые включают современное творчество и нематериальные аспекты наследия; признание изменчивости городской среды;
- значение природного наследия, сохранение которого включается в процессы планирования;
- подчеркивается важность участия общества в сохранении ценностей наследия. Например, в Москве мы являемся свидетелем

лями активной деятельности горожан по его защите.

Издание книги Бандарина и ван Оерса в России и ее повторная презентация – важное событие, которое дает возможность взглянуть по-новому на город. Многочисленные перестройки в историческом центре Москвы часто противоречат охранному законодательству. Невероятно трудно справиться с натиском больших денег, прессингом девелоперов. Книга предлагает систему методов и подходов, которые позволяют учитывать поддержание исторического города, не утратить традиционные ценности и, в то же время, нащупать зоны нового развития. У нас эти процессы идут сложно и редко удачно, поэтому рассматриваю эту книгу как учебник и интересное чтение и для специалистов по охране наследия, и для профессиональных архитекторов, работающих в историческом городе. Издание важно популяризировать, доставить часть тиража из Казани в Москву, чтобы книга не была раритетом, доступным только в библиотеках.

*Материал подготовила
Светлана Кизилова*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

В СОВЕТСКОЙ КУКЛЕ 1930-Х ГОДОВ

Художественный образ, являясь отражением жизни в сознании людей, обладает свойством обобщать явления действительности. 1930-е годы были ознаменованы как развитием идеологической парадигмы Советского Союза, так и сменой этических и эстетических ориентиров. Ничего удивительного, что за этим последовали и изменения в сфере авторской игрушки как отражении «мира взрослых». Эти изменения во многом определили всю дальнейшую историческую перспективу этого вида художественного творчества и повлияли на его развитие в стране.

Александр Греков

кандидат искусствоведения,
заслуженный деятель искусств РФ,
член-корреспондент РАХ

Первым событием на этом пути стало создание в 1930 году Межведомственного научно-художественного совета по игрушке и игровым материалам при Высшем совете народного хозяйства. Совет был организован с целью выработки нового художественного языка игрушек как пропаганды их нового образа, так и оценки их педагогического значения. Так, Совет планировал выпуск сборников «Советская игрушка», которые должны были объединить работников производства, педагогов и родителей вокруг важной проблемы создания «здоровой, идеологически выдержанной советской игрушки». В этих сборниках должны были быть представлены как исчерпывающий обзор игр и игрушек, производившихся в мире, так и библиография по истории игрушки; вести дискуссии по основным вопросам советской игрушки: пропаганда игрушки как «орудия коммунистического воспитания,

Крестьянка-грелка.
Экспортигрушка.
1934 год

Девочка в спортивном
костюме. Деталь. Артель
«Все для ребенка».
С выставки 1932 года

как мощного средства воспитания будущих строителей и борцов за коммунизм». Возможно, именно тогда в правительственных кругах вызрел план создания в подмосковном Загорске некой «столицы русской игрушки». Начало его реализации положил перевод в 1931 году из Москвы в Загорск музея игрушки. В 1932 году там же был создан Всесоюзного научно-экспериментальный институт игрушки, художники и технологи которого затем разработали и внедрили на производство огромное количество образцов. Идея

Кукла.
Артель им. Крупской.
Минск. По образцу
П. Стулева.
1935 год

Девка.
Артель
«Все
для ребенка».
1932 год

Одевальщицы. Украинка.
503 артель одевальщиц.
Загорск. Автор Л. Гипиус.
С выставки 1932 года

Института была весьма смелой и прогрессивной – сконцентрировать в одном центре все разработки и идеи в области политически важной задачи, задачи стратегической – воспитания подрастающего поколения. Идеологическую основу строительства коммунизма предстояло переложить на новый, игрушечный, лад. Первоначально он назывался Научно-экспериментальный институт игрушки. В период с 1932 по 1941 год в Музей игрушки поступило около 3000 экспонатов, выполненных в недрах НЭИИ – работа шла полным ходом, над новой советской игрушкой трудились не покладая рук. Институт занимался разнообразным спектром задач: от разработки технологических процессов изготовления игрушек, расширения ассортимента и улучшения качества игрушек и применяемых материалов, до стандартизации игрушек, механизации и автоматизации производства. Параллельно шла работа по установлению связей с артелям,

ми, чтобы все участники процесса работали единым фронтом. Новые тематические игрушки проходили апробацию в детских учреждениях, пионердомах, технических станциях и т.д.

За небольшое время размах в этой области производства стал истинно стахановским. В 1938 году в НЭИИ было 84 сотрудника и десять лабораторий, два научных (экономический и педагогический) кабинета, конструкторское бюро и Музей. В эти годы Институт располагал большими денежными средствами, позволявшими привлекать к работе по проектированию игрушек профессиональных художников. Над созданием образа кукол здесь работали замечательные игрушечники – Павел Стулёв, Елена Борисова, Ольга Лобановская, Ирина Манухина, Маргарита Вильям, Мария Киселёва. И это далеко не полный список уникальных авторов того

Старая кокетка.
Грелка.
Экспортигрушка.
1933 год

Пастух.
Артель «Все для ребенка».
С выставки 1932 года

Девочка-крестьянка.
Артель «Все для ребенка».
С выставки
1932 года

времени. Их произведения до сих пор не потеряли своей эстетической и художественной ценности, хотя и проигрывают современным куклам в технологических аспектах и временной актуальности. В 1932 году в Москве была проведена первая Всесоюзная выставка игрушек. Выставка открылась 18 марта в помещении клуба «Красный текстильщик» на Якиманской набережной и завершила свою работу в июне того же года. Выставка была организована для решения целого ряда идеологических проблем, накопившихся к этому времени в игрушечном производстве. Куклы нового времени должны были соответствовать этому времени, его целям, идеалам и ценностям. Коммунизм необходимо было строить уже с пеленок, и в задачи художников и технологов входила необходимость, с одной стороны, создать игрушки, отвечающие запросам «взрослой» идеологии, а с другой – оставить в игрушках ту невыразимую радость игры, которая бы по-прежнему привлекала детей. Во-первых, над авторами все еще тяготел груз прежней эстетики кукол, которые хотя и активно вывозились за границу, но на внутреннем рынке уже были объявляе-

ны безыдейными и не соответствующими требованиям нового порядка. Во-вторых, необходимо было в противовес иностранным образцам игрушки, «милитаристической» и чуждой советскому ребенку, представить произведения, утверждающие новый общественный идеал человека страны Советов, что особенно проявилось в конструировании кукол. Новым в области игрушечного производства стало активное внедрение больших игровых наборов для коллективных игр, которые должны были способствовать не только насаждению духа коллективизма в детских учреждениях, но и формированию у детей навыков профорientации. Судя по сохранившимся источникам, в экспозицию выставки вошли куклы-красноармейцы, комсомольцы, пионеры разных национальностей. Отныне «мир взрослых» должен был выглядеть так – а крестьяне, куклы-дочки и куклы-матери, буржуазные фарфоровые сервизы и вырожденческие кукольные домики (напоминающие усадьбы дома) должны были отправиться на свалку истории. Тема пионерии получила особенно яркое отражение в авторской игрушке. В фондах Музея игрушки сохранились яркие и характерные для своего времени тряпичные куклы с пионерскими галстуками на груди, деревянные игрушки, вроде кукольной композиции «Пионерский отряд», передающей дух времени и позволяющей нам прикоснуться к такой тонкой и сложной теме, как воспитание нового советского человека средствами искусства. Так насаждалась в детской среде идеология, а главным «детским» идеологом советской страны была Н.К. Крупская. «Идеология, внедренная в массы малолетних советских граждан, явилась тем фундаментом, на котором устойчиво стояла коммунистическая элита огромной поработённой страны». Так создавалась «система коммунистического воспитания советского человека». Сложным было в Советском Союзе и отношение к на-

родному творчеству, к литературному фольклору. Сказки, легенды, частушки и колыбельные, традиции простонародных праздников – все это отныне признавалось ненужным и даже вредным. Ещё в 1924 году на III Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию была принята резолюция, «решительно изгонявшая сказку из круга детского чтения, считая ее «тормозом в развитии материалистического мышления». Конечно, это нанесло огромный урон тематике игрушек – ведь фольклорные традиции были одним из главных источников вдохновения. Сейчас сложно, практически невозможно представить детство русского ребенка без бабы Яги, Лешего и Снегурочки. Видимо, это было очевидно и для партийных деятелей, поэтому в 1930-х годах при формировании новой «детской политики» сказку в советское детство вернули, но слегка изменив и русские народные сказки, и написав свои, советские. В 1935 году была, наконец, «реабилитирована» и елка. Это был прекрасный новогодний подарок детям. Ёлка явилась внезапно. Её никто не ждал, не готовился к ней. В магазинах не было ни елочных украшений, ни елочных игрушек – их не производили. Возвращение ёлки благотворно повлияло на восстановление авторской и промышленной ёлочной игрушки, дало работу

Грузинка и Эскимос.
Артель «Все для ребенка».
С выставки 1932 года

художникам и восстановило их интерес к этому направлению игрушечной специализации. Невозможно переоценить значение главного семейного праздника для детей и их родителей, жизнь которых в советское время и так была далека от сказки, особенно в свете грядущих печальных событий Второй мировой войны. Понемногу чудеса возвращались к детям. Крайне важной идеологически и политически для страны Советов представлялась легендарная Международная парижская выставка 1937 года. В Научном архиве Музея игрушки сохранился «Предварительный план экспозиции народных игрушек СССР» для этой выставки. В документе упомянуты куклы Марии Киселёвой (артель «Сатурн»), кукла «Димочка» Павла Стулева (артель «Сатурн»), говорящая кукла артели «Экспорт-игрушка», артели им. РККА, артели «Всё для ребенка», театральные кинематографические куклы И.С. и Н.Я. Ефимовых. На выставке были экспонированы куклы «Ребёнок» и

«Военный», «Кошечка» и би-ба-бо «Три поросёнка» фабрики «Художественная игрушка» и «Экспортигрушки», о которых в аннотации было заявлено, что это «вполне оригинальные образцы данных производств и не носят на себе влияния изделий фабрики М. Штайф». Фабрика Штайф была знаменита своими мишками Тедди, которых изобрела в далеком 1902 году Маргарет Штайф. Ее игрушки снискали любовь по всему миру, их обожали все, от Теодора Рузвельта до членов Императорского Дома Романовых. В 1908 году Великий князь Георгий Михайлович Романов во время своего визита в Германию специально посетил фабрику Штайф, он заказал медвежонка для своей дочери принцессы Ксении Георгиевны. В 1930-х годах игрушки должны были отвечать запросам молодого советского государства – воспитывать у детей любовь к своей стране, чувство коллективизма, вырабатывать инициативу и самостоятельность, знакомить с жизнью и бытом различных народов. Поэтому авторская кукла оказалась в центре споров. Это произошло по нескольким причинам: по мнению педагогов, она способствовала индивидуальной игре, а при всеобщей установке на коллективное воспитание являлась одной из главных помех в этом начинании; в «буржуазной» традиции кукла была привилегией девочек, их основной игрушкой – это также способствовало разделению детского коллектива. Считалось также, что играя в куклы, ребенок часто проигрывал ситуации, которые видел в жизни, а поскольку «дети нередко копировали оставшиеся еще в семейном быту некультурные пережитки старого наследия, как то: пьянки, битье детей, брань, сплетни», то куклу сочли виноватой в подобных играх, и ее репутация «вредной игрушки» закрепилась. Наконец, педология, чрезвычайно популярная в то время, также утверждала вредность и ненужность куклы. Куклы должны были стать макетами, манекенами,

называться «фигуры людей» и помогать ребенку ориентироваться в мире труда и коллективного построения коммунизма. Игра отныне именовалась «ориентировочно-приспособительным процессом». К тому же педологи считали, что основной деятельностью ребенка должен был быть труд, а игра – второстепенное или вовсе не нужное занятие. Место игрушек должны были занять развивающие игры, а место кукол – конструкторы... Осуждались выводы буржуазных педагогов и психологов о том, что игра в куклы есть проявление врожденного материнского инстинкта у девочек. Это обусловлено – утверждали авторы – самим буржуазным обществом, в котором жен-

щина ограничена хозяйством и нарядами, отдельным воспитанием мальчиков и девочек, что яростно отрицалось советской властью, равно как и большинство гендерных различий. Тем не менее, в советском обществе роль куклы была совсем иной: «у нас женщина не замкнута узким кольцом семейного очага», а детский сад призван воспитывать «нового человека, творца, обладающего всеми качествами, необходимыми будущему строителю коммунистического общества». Поэтому-то и кукла должна быть совсем другой. Именно

Доктор Айболит.
Всекохудожник. 1939 год

Краснодар. Красноармеец.
С выставки 1932 года

Пионер
Артель
«Все для ребенка».
С выставки
1932 года

эта тематика и разрабатывается в последующие годы – какой должна быть советская кукла. Н.К. Крупская в известной статье 1937 года «Об игрушках для дошколят» высказала мысль о том, что «важно, чтобы ребёнок имел простую, небьющуюся, неуродливую куклу, которую он бы мог купать, умывать, одевать и раздевать, в процессе этом учась завязывать тесёмки, застёгивать пуговицы. Кукла должна быть самая простая, дешёвая, но красивая, такая, которую трудно испортить, изуродовать». Как видно из этой короткой цитаты, советская кукла – это инструмент, а не радость, ее главное свойство - функциональность, а не красота и развитие воображения.

Обобщая, можно сказать, что кукла должна была стать прочной, доступной по цене, массовой и, одновременно, качественной. Вместе с тем, необходимой представлялась борьба за художественную изобразительность в кукле, чтобы делать её больше похожей на обычного советского ребенка (если это была кукла-ребенок), если же это были взрослые типажи, на них должны были быть несъемные костюмы, глаза не должны были закрываться и выпускаться они должны были в наборах для коллективных игр.

В Музее игрушки хранится немало образцов кукол артели «Всё для ребёнка», созданных в 1930-х годах и поступивших со Всесоюзной выставки игрушки. Этот круг трикотажных кукол отличается следованием этнографическим особенностям того или иного народа, большим вниманием к изображению одежд и деталей костюмов. Штампованные трикотажные головки кукол довольно однообразны, парики из тёмной или коричневой вискозы или светлого льна немного искусственны, куклы в целом ещё весьма примитивны. Все эти образные куклы размерами не больше 40 см являют собой уникальную коллекцию произведений оригинального игрушечного жанра и отражают состояние кукольной индустрии своего времени.

Девочка в спортивном костюме.

Артель «Все для ребенка».

С выставки 1932 года

Интересно отметить и факт тиражирования этой артели в 1930-е годы фигурки эскимоса А.Н. Изергиной из её серии «Куклы в национальных костюмах», за которую она и была удостоена медали на Парижской выставке 1925 года. Характерно, что судьба эталона сложилась более-менее счастливо: он не был кардинально изменен или переработан, лишь увеличил свои размеры с 20,5 до 37 см.

В эти же годы возникает массовое производство игровых кукол в московской артели «Художественная игрушка». Трикотажные со штампованными головками и нарисованными лицами, в париках из вискозы и с пищиками внутри, эти игрушки производились в 1936-1937 годах и были по своему стилю неким напоминанием о заграничных образцах («Ирочка»).

Также здесь стали выпускать куклу «Пограничник», что наряду с производством военной игрушки в других артелях второй половины 1930-х годов свидетельствовало о милитаризации советского игрушечного рынка накануне Второй мировой войны.

Шарнирный, с трикотажной штампованной головой, он одет в полушубок и подпоясан ремнём с портупеей и кобурой. Во всём его облике явно чувствуются другие, уже напряжённые, нотки решительности и мужественности, предвосхищающие грядущие испытания.

Таким образом, этот предвоенный период в развитии авторской игрушки Советской России может быть охарактеризован как время продолжающихся поисков свежего образного решения, активного введения в оборот новых материалов, развития и расширения выпуска продукции. Образ советского человека, человека труда становится основополагающим. Художники и производители в эти годы работали в едином стремлении сформировать и предложить детям новую игрушку, отвечающую и политическим установкам государства, и художественному запросу новой эстетики. К концу описываемого периода в игрушечной промышленности наметился явный уклон в сторону военной игрушки, тогда как в начале 1930-х годов она была заклеяна как милитаристская и буржуазная. Однако время неминуемо брало своё. Нужно было готовиться к тяжёлым испытаниям, и игрушка в этой подготовке сыграла свою немаловажную роль.

Горожанка. Грелка. Деталь.

Экспортигрушка.

1933 год

артметро
подземный памятник

выставка

МЕТРО

подземный памятник архитектуры

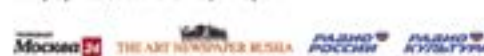
с 17 марта

Музей архитектуры
Воздвиженка, 5/25
www.muar.ru

При поддержке:

Информационные партнеры:

Информационная поддержка:

Сэмми Котвани

Владелец ателье
индивидуального пошива
Императорский Портной

По одежке встречают — с этой вечной истиной не поспоришь. Но мужская одежда настолько лишена разнообразия, что все рассуждения о мужском костюме сведутся, пожалуй, только к выбору цвета - между синим и черным, и стиля - между классическим и клубным пиджаком. Как же мужчине выразить свою индивидуальность, да еще так, чтобы при этом «костюмчик сидел»? Тут самое время вспомнить об Императорском портном, ателье индивидуального пошива и его владельце Сэмми Котвани, который предложит тот самый высокий класс костюма, где и рукав правильной длины, и пуговицы в тон, и подкладка такая изысканная — хоть наизнанку носи!

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ В СОЗВУЧИИ С ЭПОХОЙ

Сейчас, когда столько брендов предлагают покупателям одежду на любой самый взыскательный вкус, Императорский портной по-прежнему отдает предпочтение индивидуальному пошиву. Насколько такая позиция созвучна современной эпохе?

При покупке мужского костюма в магазине у вас практически нет выбора. Самое большее, на что вы можете рассчитывать, это два-три цвета, и все! Императорский портной предлагает 20 тысяч видов костюмных тканей на выбор (оттенков одного только серого цвета, к примеру,

более 20: теплые - кварцевый, защитный, серого зеленого чая и другие, холодные — гридеперлевый, барвинковый, маренго, серого шифера, антрацитовый и так далее, нейтральные - чистый серый, мокрого асфальта, светло-серый, серебристый, бороды Абдель-Керима и многие другие). При этом ткань может быть различной фактуры, в полоску, клетку, елочку, одним словом, на любой вкус. Но самое главное, неоспоримый плюс индивидуального пошива сводится к одному фактору — посадка костюма. Посадка у каждого человека своя, так как имеет отношение к типу фигуры, пропорциям и формам.

Наше время – в отличие от уходящего индустриального – в области производства характеризуется мелкоштучностью, малосерийностью. Есть ли здесь точки соприкосновения с логикой индивидуального заказа?

Да, несомненно. При большом количестве известных брендов на рынке каждый мужчина хотел бы идеальный костюм, и хорошо бы, чтобы как можно меньше было его аналогов. Да и многие ателье в Москве шьют мужские костюмы по индивидуальному заказу, но они совершенно не оправдывают своего названия, так как не выдерживают всей технологической цепочки. Они делают, как правило, клееные костюмы, когда уплотнение просто наклеивается на ткань. И потому в индустрии индивидуального пошива мужской одежды этот термин часто теряет свой смысл. В ателье Императорский портной костюмное уплотнение делают вручную, прошивая слой за слоем.

Вы сами выбираете ткань, ее состав, покрой костюма или рубашки или скорее внимаете клиенту, следуете его пожеланиям и движениям души? Вы помогаете заказчику в формировании его имиджа и стиля?

Специалисты ателье обязательно помогают нашим клиентам в создании имиджа и безупречного стиля и образа. Эту задачу в Императорском портном решают профессиональные стилисты и дизайнеры. Они осматривают клиента, его рост, размер, учитывают особенности телосложения и фигуры, цвет глаз, кожи, волос и в соответствии со всем этим комплексом данных предлагают подходящий только ему фасон костюма. Индивидуальный пошив подразумевает снятие идеальных мерок и изготовление индивидуальных лекал. Это значит, что костюм будет не только сидеть идеально, но также подходить по стилю, цвету и фасону.

Беретесь ли вы помочь человеку, который не уверен в выборе цветовой гаммы рубашки, не знает, какого тона к ней подобрать галстук, и какого цвета должен быть его костюм?

Да, безусловно! Даже если к нам приходит мужчина, который не имеет представления о том, что ему идет, мы помогаем ему определить, какая цветовая гамма будет соответствовать его типу и создавать идеальный образ. Галстук, рубашку, пуговицы, подкладку и даже цвет ниток - мы все выбираем с особой тщательностью, стремимся, чтобы все было безупречно. За 25 лет существования у Императорского портного сложились отношения с более чем 4 тысячами клиентов, и большая их часть — наши постоянные заказчики.

Если клиент хочет заказать у вас что-то особенное, к примеру, перламутровые пуговицы, - вы возьметесь выполнить его пожелание?

Да, мы показываем клиенту все варианты пуговиц и помогаем ему выбрать самый подходящий. Так, к клубному пиджаку нужны пуговицы серебряного или золотистого цвета, к твидовому пиджаку — только стильные wooden buttons (англ. — пуговицы из дерева).

Сколько костюмов, по-вашему, должен иметь в своем гардеробе настоящий джентльмен? Или здесь однозначных рецептов быть не может?

В гардеробе мужчины с материальным достатком должно быть двадцать пять костюмов: пять зимних, пять летних, пять осенних, пять весенних, два клубных костюма, смокинг и два пиджака, которые можно варьировать и носить с различными брюками. Если человек ограничен в средствах, то, думаю, достаточно шестнадцати костюмов. Надо помнить при этом, что шерсть — такой материал, который требует «отдыха». Поносив костюм два-три дня, вы должны дать ему «отдохнуть», «подышать» на вешалке в шкафу несколько дней. Только тогда вы не «убьете» ваш костюм, и он долго вам прослужит.

Лично на вас — костюм, сшитый портными вашего ателье? Это принципиальная позиция?

Да, на мне костюм, сшитый в ателье Императорский портной. Это не принципиальная позиция, это простая целесообразность. Открою вам маленький секрет, у меня непропорциональная фигура, правое плечо ниже левого, и только костюмы и рубашки, сшитые по индивидуальному пошиву, скрывают эти маленькие недостатки моей фигуры.

*Материал подготовила
Марина Щелокова*

Классическая и современная академическая музыка, многоликий джаз, авторская и народная песня, балет, оперетта и мюзикл, поэтические вечера, музыкально-литературные композиции, драматические спектакли и многое другое представлено в абонементах Дома музыки – наши программы рассчитаны на любой вкус и способны привлечь зрителей всех возрастов. В абонементах будут продолжены традиционные циклы выдающихся коллективов

под руководством Владимира Спивакова, Президента Дома музыки. Прежде всего, это два абонементы Национального филармонического оркестра России из цикла «Шедевры на все времена», который с успехом проходит в ММДМ уже три года. Кроме maestro Спивакова за пульт НФОР встанут Кен-Дэвид Мазур, Сергей Смбатян, Михаил Гертс, Александр Сладковский и Станислав Кочановский. Феноменальная артистическая свобода, помноженная на высочайший профессионализм, выверенное ансамблевое звучание и стилевая чуткость вновь станут главными состав-

ляющими двух «именных» абонементов оркестра «Виртуозы Москвы» (в Светлановском и Камерном залах). Свои тематические абонементы представят Государственный академический симфонический оркестр России им. Е.Ф. Светланова, художественный руководитель - Владимир Юровский (абонемент «Чайковский»), Московский государственный академический симфонический оркестр под управлением Павла Когана (абонемент «Рахманинов») и Симфонический оркестр Москвы «Русская филармония», главный дирижер Дмитрий Юров-

МНОГОГРАННЫЙ ДОМ МУЗЫКИ

Вот уже тринадцатый сезон подряд Дом музыки подтверждает статус самого современного многопрофильного культурного центра Москвы. Разнообразие и высочайший исполнительский уровень – два принципа, которые традиционно закладываются в основу абонементных серий каждого сезона. На этот раз их рекордно количество – 85(!), причем ставка сделана не только на проекты, проверенные временем и неизменно проходящие с аншлагом, но и на нечто новое, неизведанное, способное пробудить интерес у самых искушенных зрителей.

**В.Спиваков
и Д. Мацуев**

**Вид
на Дом музыки
с Красно-
холмского
моста**

ский (абонемент «Волшебная музыка»). Среди традиционных абонементов Дома музыки – «Король инструментов» (орган) и «Душа России» (фольклорные коллективы), «Дни великих композиторов» и «Многоликая гитара»; серии концертов Академического ансамбля имени Александрова, ансамбля солистов «Эрмитаж», оркестра Pratum Integrum, хоров Сретенского и Свято-Данилова монастырей. Большим подарком зрителям станет целая серия новых абонементов Дома музыки, объединяющие в одном цикле лучшие страницы мировой музыкальной классики: «Ночь в Италии», с великолепными певцами мировой оперной сцены, «Абонемент любимой музыки», «Все грани камерной музыки» и «Classical. Next». Приятный сюрприз для любителей оперного вокала – новый абонемент Семена Скигина «Дульсинеи и Дон Кихоты», два абонементы арт-проекта «ТенорА XXI века» (в Светлановском и Камерном залах), а также новые проекты из цикла «Звезды «Новой оперы». Классика мировой эстрады и лучшие страницы киномузыки XX века найдут свое отражение

в программах абонементов «Мировые хиты», «Музыка кино», «Евгений Дятлов. Концертный роман», «Гении песни. Известное и неизвестное», «Музыкальная история», «Мелодии любви». Будут продолжены «ударные» концертные серии, посвященные джазу и блюзу: мэтры российского джаза представят свои лучшие программы в рамках «Джазового Олимпа», Валерий Проховский, Сергей Жилин, Валерий Киселев и Оркестр имени О. Лундстрема откроют слушателям новые страницы из истории мирового джаза на концертах своих «именных» абонементов. Золотой фонд мировой литературной классики в Доме музыки представят звезды театра и кино Дмитрий Назаров, Сергей Чонишвили, Даниил Страхов (музыкально-литературные проекта из цикла «Магия музыки. Магия слова»), Даниил Спиваковский («Классика с Даниилом Спиваковским»), Саид Багов и Валерий Баринов («Вечера в жанре Те-Ко-Пре»), Евгений Воскресенский («Вечера с Гоголем»). Особое место в репертуаре нового сезона занимают концерты и спектакли для

детей. Юных зрителей ждут кукольные, драматические и музыкальные спектакли, мюзиклы и балеты, программы с участием признанных артистов и молодых дарований, выступления известных хоровых и танцевальных коллективов. Новые встречи с юными талантами состоятся на концертах абонементы Международного благотворительного фонда Владимира Спивакова «Дети – детям. Услышать будущего зов...». Популярны циклы «Волшебный сундучок» и «В гостях у сказки» дополняют абонементы «Сказки Андерсена», «Сказки Шарля Перро» и «Сказки органного королевства». Самобытное и яркое искусство эбру (картины на воде) и Sand art (песочная анимация) будет представлено в циклах «Сказки с Екатериной Гусевой», «Сказки в картинках» и «Любимые сказки с песочной анимацией».

В сезоне 2016/2017 публике будет предложен целый блок увлекательных интерактивных программ, знакомящих юных зрителей с миром академической музыки, джаза и золотым фондом литературной классики. Интерактивные шоу «Веселые уроки с Виолеттой Модестовной» и «Виртуозы Москвы» – детям» уже не первый сезон являются самыми популярными образовательными циклами Дома музыки. Вновь на сцене – звезда театра и кино Екатерина Гусева, непревзойденный мастер устного рассказа Павел Любимцев и знаток джаза Григорий Файн. Продолжит «энциклопедию» мировой духовной музыки ансамбль «Благовест». Зрителей ждет знакомство с известными музыкантами и историей музыкального искусства («Дни великих композиторов», «Два века. Два гения», «Вокальные прогулки вокруг света»), рассказы о разных жанрах, стилях и направлениях музыки и литературы («Азбука джаза», «Три кита Президентского оркестра», «Классика – это не скучно» с Артемом Варгафтиком, «Литературные встречи с Павлом Любимцевым», «Музыкальные сказки-импровизации»).

8
апреля
1158

9
апреля
1699

Князь Андрей Боголюбский заложил Успенский собор во Владимире

Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, заложил один из важнейших и красивейших русских соборов. Успенскому собору было суждено стать главным храмом Владимиро-Суздальской Руси, его политическим и религиозным центром. Самая монументальная постройка своего времени, собор был сложен из белого известняка и увенчан пятью золотыми куполами. По высоте он превосходил соборы Киева и Новгорода, и многие столетия был стилеобразующим источником вдохновения для русской архитектуры. У алтаря Успенского собора возводились на княжение легендарные Александр Невский, Дмитрий Донской и многие другие князья. Долгое время в соборе хранилась одна из величайших православных святынь, икона Владимирской Богоматери, а также творения Андрея Рублева и Даниила Черного, которые расписывали Успенский собор в 1408 году.

Петр I издал Указ «О наблюдении чистоты в Москве и о наказании за выбрасывание сору и всякого помету на улицы и переулки»

Первые дворники появились в России еще при царе Алексее Михайловиче, однако ситуация в городах оставалась довольно тяжелой. Уровень загрязнений оставался значительным, Москву постоянно посещали болезни, которые вследствие антисанитарии быстро становились эпидемиями. Указ Петра I «О наблюдении чистоты в Москве» переломил эту неприятную тенденцию, заложив основы городского благоустройства. Теперь москвичи были обязаны выбрасывать мусор за пределами города и засыпать его землей, а также следить за чистотой улиц и дворов. Наказание предусматривалось суровое: «Кто станет по большим улицам и по переулкам всякий помет и мертвечину бросать, такие люди взяты будут в земский приказ, и будет им за это учинено наказание – битье кнутом, да с них же будет взята пеня». Чистые мостовые, урны и лавки, весенние субботники и волонтеры, отмывающие стены памятников от граффити, – сегодняшнее следствие этого Указа.

20
апреля
1901

Торжественное открытие Большого зала Московской консерватории

Строительство нового здания Московской консерватории шло с 1895 по 1901 год. Авторами выступили архитектор Загорский, художник Бондаревский и скульптор Аладьин. Большой зал должен был стать настоящим храмом музыки: поэтому его вестибюль напоминает античный храм, а у входа расположены копии античных статуй амазонок Кресилая и Фидия. Сам зал выдержан в светлых тонах, его украшают белые пилястры, лепные лира и трубы – эмблема музыки, и 14 портретов великих композиторов, расположенных в овальных медальонах под окнами. Благодаря великолепной акустике зала, уже в первые годы существования в нем выступали такие прославленные музыканты и певцы, как Рахманинов, Скрябин, Шаляпин, Нежданова, Собинов, Зилоти и Гольденвейзер.

25
апреля
1895

Подписан указ об учреждении «Русского музея императора Александра III»

(ныне — Государственный Русский музей)

Указом Императора Николая II года был учрежден второй после Третьяковской галереи в Москве национальный музей искусства - Русский Музей Императора Александра III, который расположился в Михайловском дворце в Санкт-Петербурге. В Положении о музее говорилось, что он основан в память Императора Александра III, «имея целью соединить все, относящееся к Его Личности и истории Его Царствования, и представить ясное понятие о художественном и культурном состоянии России». Изначально в нем было всего 3 отдела (художественный, этнографический и историко-бытовой), которые наполнялись благодаря меценатским пожертвованиям, в основном – царской семьи. Так, Николай II передал музею личную коллекцию своего отца, Александра III. Сейчас собрание музея насчитывает более 400 тысяч экспонатов, охватывающих все периоды, виды и жанры русского искусства более чем за 1000 лет. Сегодня к Русскому музею относятся не только Михайловский дворец, но и корпус Бенуа, Мраморный и Строгановский дворцы, Инженерный замок, Летний и Михайловский сады.

12
мая
996

Освящена первая на Руси каменная церковь

На возведение первой на Руси каменной церкви Владимир Великий выделил десятую часть своих доходов – десятину, отчего она и получила свое название. Десятинная церковь была освящена в честь Пресвятой Богородицы 12 мая 996 года. Она представляла собой крестово-купольный шестиярусный храм, впоследствии к нему добавили три галереи. Десятинная церковь, или церковь Богородицы, как ее еще называли, была богато украшена фресками, мозаиками и резными мраморными плитами. В церкви находилась княжеская усыпальница, где были похоронены сам Владимир и его супруга Анна, княгиня Ольга, Ярополк и Олег Древлянский. В 1169 году церковь разграбили войска Андрея Боголюбского, в 1203 году – войска Рюрика Ростиславича, а в конце 1240 году орды хана Батия, взяв Киев, уничтожили Десятинную церковь – последний оплот киевлян. Церковь неоднократно восстанавливали и сносили на протяжении веков, и на сегодняшний день сохранился лишь ее фундамент, открытый для просмотра.

13
мая
1836

Началось строительство первой в России железной дороги

Первая в России железная дорога общественного пользования должна была следовать по маршруту Санкт-Петербург – Царское Село – Павловск. Строительством руководил австрийский инженер Ф. Герстнер, учредивший для своего проекта акционерное общество с капиталом в 3 миллиона рублей. Строительство планировалось завершить за 5 месяцев, однако оно растянулось, поэтому железная дорога открывалась поэтапно. Первым был открыт участок Царское Село – Павловск (3,5 версты). Поездка на конной тяге по этому маршруту занимала 15 минут, а вскоре был доставлен и паровоз из Англии. Изначально проезд был бесплатным, и железная дорога пользовалась такой популярностью, что в каждый вагон набивалось до 50 человек. Через 2 года дорога была открыта целиком. Поездка по ней занимала 42 минуты со средней скоростью 32 км/час.

17
мая
1801

Торжественное открытие памятника Суворову в Санкт-Петербурге

В 1799 году русская армия под командованием фельдмаршала А.В. Суворова одержала победу над войсками Наполеона. Тогда указом императора Павла I было велено воздвигнуть памятник великому полководцу, не знавшему ни одного поражения, русскому «богу войны» Суворову. Впервые в истории России было решено установить памятник еще при жизни героя, и впервые такой крупный монумент был создан только русскими мастерами. Автором выступил скульптор М. Козловский, решивший изобразить Суворова в образе римского бога войны Марса. Также в работе участвовали литейщик В. Екимов и скульптор Гордеев. Памятник Суворову считается одним из лучших скульптурных творений XVIII века, созданных в России.

27
мая
1883

В Москве открылся Государственный исторический музей

Крупнейший национальный музей России был основан по инициативе народа и с высочайшим разрешением на учреждение в Москве. Основной целью музея было «служить наглядной историей», для чего «будут собираться все памятники знаменательных событий истории Русского государства». Императорский Российский Исторический музей был воздвигнут по проекту архитекторов Шервуда и Семенова и по замыслу создателей представлял собой архитектурно-живописную историю России. Эту историю с древнейших времен и до наших дней представляют более 4,5 миллионов предметов и 12 миллионов документов. В собрании музея представлены археологические находки, рукописи, древние иконы, оружие, научные приборы и ювелирные украшения. Коллекция изобразительного искусства насчитывает около 500 тысяч экспонатов, включает в себя портреты, пейзажи, акварели, рисунки и литографию.

Дмитрий Фесенко

Ответственный редактор
портала РОССИЯ. НАСЛЕДИЕ,
член-корреспондент МААМ

Подлинный – согласно В.Далю, это истинный, настоящий, сущий, самый тот, оригинальный. Позднее добавляется – не скопированный. Антоним – подложный, поддельный, подставной, фальшивый. Казалось бы, положительные коннотации в первом случае и – соответственно – отрицательные во втором – налицо. Однако не так все просто – по крайней мере, в области архитектуры.

АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК ЭТО ПО-РУССКИ?

В отличие от более благополучной Европы отечественное материальное наследие оказывается подверженным регулярным нестроениям. Это и постоянные набеги-нашествия на нашу землю, сопровождавшиеся целенаправленным разрушением святынь и просто местной хозяйственной жизни, и не в пример более тяжелые климатические условия – достаточно сказать, что за зиму циклы замораживания-оттаивания у нас исчисляются десятками, тогда как у них – на порядок меньше, и нерадивость и нечистоплотность подрядчиков, издавна вместо

засыпки использовавших строительный мусор. Отсюда заметно более тонкий слой сохранившейся материальной культуры – даже послепетровского времени, не говоря уже о средневековье.

Вроде бы все это должно было бы обострить ощущение подлинности, повысить, поднять ее ценность, в том числе в глазах простого народа. Ан нет – мы не только непринужденно воссоздаем утраченное когда-то, но и, бывает, сами целенаправленно расправляемся со следами прошлого, дабы возвести то же, но «лучше и больше». Социокультурную ущербность или, по крайней мере, вынужденность практики воссоздания, изготовления новоделов, иначе – муляжей, фейков, если воспользоваться определениями недоброжелателей, в действительности, ощущают преимущественно специалисты – да и то далеко не все.

Можно вспомнить призывы некоторых историков архитектуры, не говоря уже об архитекторах-практиках, с легким сердцем заменить дышащие на ладан памятники – включая Дом Наркомфина М.Гинзбурга – новехонькими копиями. Дабы не уродоваться и избежать непоправимого.

По сути, из того же социокультурного ряда предложение выборочно реализовать неосуществленные в свое время проекты наших конструктивистов. То есть подрих-

epilogus

товать, подправить, спрямить историю – в данном случае архитектурную.

Вот это ощущение эластичности, податливости вещества истории, чувство, что отнюдь не все потеряно, что можно еще что-то подкорректировать, подредактировать, заново переписать – очевидно, укоренено в российской ментальности. Кульбиты русской истории – без конца воспроизводящиеся присягания-низвержения, эквилибристика понятиями прогрессивный-реакционный – находят отражение в истории материальной культуры с ее чередой сносов-воссозданий.

На Западе после Э.Виюлле ле Дюка шаг за шагом последовательно расширялся плацдарм уважительного отношения к подлинности, осознание значимости исторических наслоений, материальной субстанции как таковой. Это зафиксировано в официальных документах начиная с Афинской хартии 1931 года и Венецианской хартии 1964 года.

Очевиден и другой исторический вектор, связанный с пониманием непреходящей ценности не только отдельного памятника, но исторической городской среды в целом.

Нельзя сказать, что Россию эти исторические подвижки не затронули. Однако общемировые течения пробивают себе дорогу с большими трудностями, преодолевая историческую инерцию – и, очевидно, внутреннее сопротивление материала. В лице вовсе не только девелоперов.

И здесь большая ответственность ложится на власть. Которая, надо отдать должное, в последнее время повернулась лицом к проблемам сохранения отечественного историко-культурного наследия. Главное, чтобы эта смена курса не оказалась сиюминутной реакцией на веяния эпохи, простой данью происходящему консервативному развороту как следствию эскалации геополитической напряженности в мире...

ВАШ СТИЛЬ ИЗ ВЕКА В ВЕК

The Imperial Tailoring Co.
Императорский Портной

Москва, Гостиный Двор, Рыбный пер., д. 2, +7 (495) 2321441 / Санкт-Петербург, ул. Марата, д. 14, +7 (812) 7026212

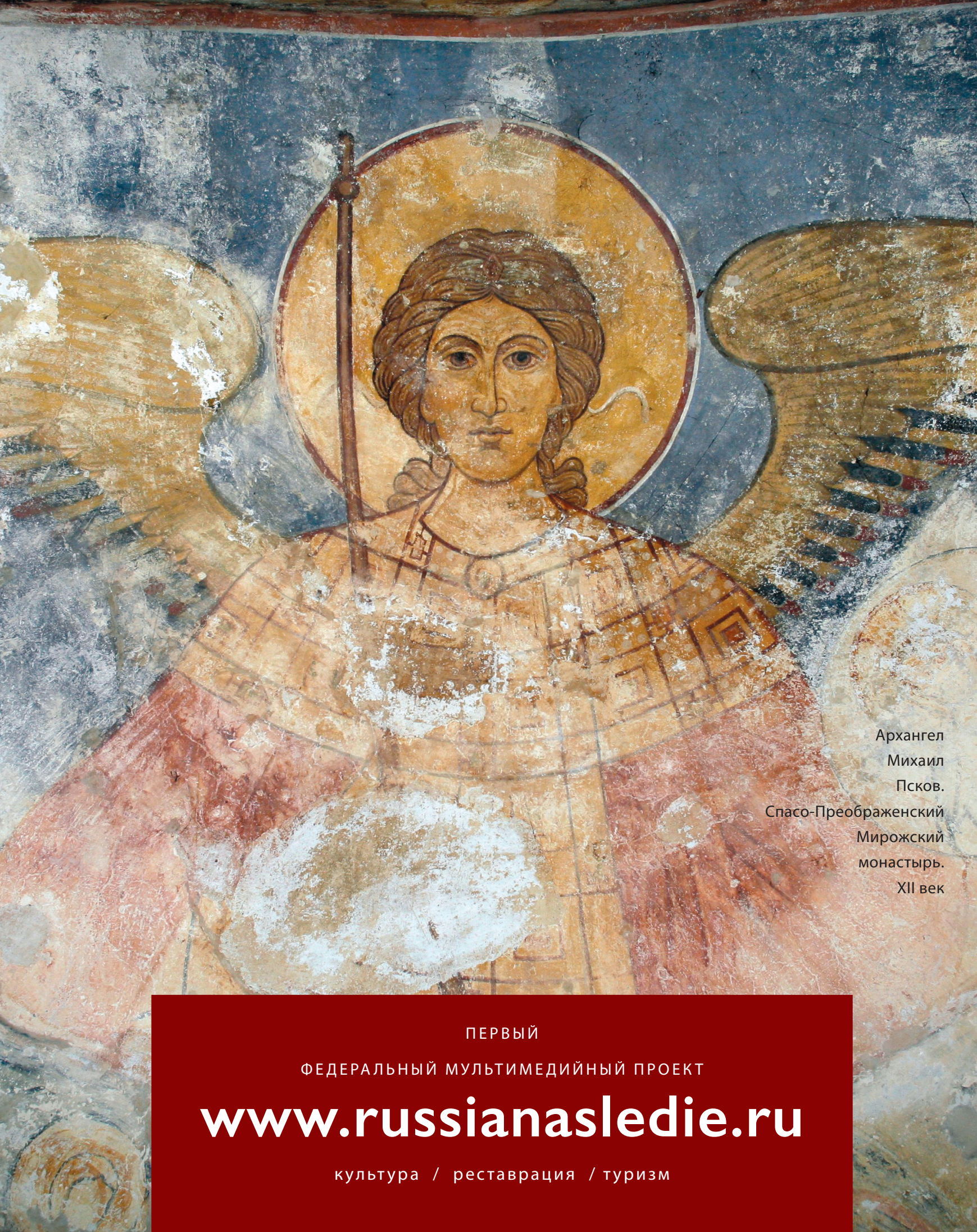
Екатеринбург, ул. Малышева, д. 4 Б, +7 (343) 2134741, +7 (922) 2112444 / Новосибирск, ул. 1905 года, д.21, к.2, 1 этаж, +7 (913) 9032187, +7 (383) 2270035

Н.Новгород, пр. Гагарина, д. 27, Телефон: +7 (831) 2113214 / Киев, ул. О. Гончара, д. 15/3, +38 (044) 2720440

Астана, ул. Достык 1, ВП-11, +7 (7172) 524292, +7 (7172) 524472 / Алма-Ата, Телефон: +7 (727) 2588220 / Атырау, +7 (777) 2517950

Баку, Кемпински Отель Бадамдар, ул. М.Мушвиг, 1С, 1006, +994 12 448 1777

WWW.MYTAILOR.RU

Архангел
Михаил
Псков.
Спасо-Преображенский
Мирожский
монастырь.
XII век

ПЕРВЫЙ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОЕКТ

www.russianasledie.ru

культура / реставрация / туризм